П. И. Люблинскій.

Конституціонная или административная гарантія?

Отдѣльный оттискъ изъ № 4, 1912 г. «Юридическихъ Записокъ», издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
1913.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *В. Щегловъ*.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1766
26

Типографія Губернскаго Правленія.

Конституціонная или административная гарантія?

(Къ вопросу о предѣлахъ и порядкѣ отвѣтственности членовъ государственной думы).

Развитіе конституціоннаго права нормально представляетъ собою медленный процессъ распространенія и уточненія сравнительно немногихъ общихъ законовъ на почвѣ практики представительныхъ учрежденій. Соотношеніе различныхъ политическихъ силъ, лежащее въ основѣ организаціи и дѣятельности представительныхъ собраній, опредѣляетъ направленіе этого развитія. Нормы конституціоннаго права, поэтому, большею частью обладаютъ извѣстной гибкостью и приспособляемостью и, по сравненію съ другими частями положительнаго права, ограничиваются самою общею регулировкою отношеній жизни. Въ странахъ, имѣющихъ продолжительный стажъ конституціоннаго развитія, эти общія постановленія успѣли обрости рядомъ дополнительныхъ конституціонныхъ обычаевъ, прецедентовъ, соглашеній, и превратиться въ сложное парламентское право, представляющее значительную силу сопротивленія попыткамъ его измѣненія и искаженія. Наоборотъ, въ странахъ съ молодымъ представительствомъ часто даже основныя положенія конституціоннаго права, благодаря ихъ общности, остаются мало бронированными и подвергаются серьезнымъ опасностямъ. Практическая жизнь въ такихъ случаяхъ иногда безсильна оказать противодѣйствіе попыткамъ его разрушенія, но здѣсь открывается задача для теоретической юриспруденціи указать на всю опасность этихъ попытокъ, а порою и явную незаконномѣрность

Эти мысли невольно приходятъ въ голову по поводу недавней резолюціи Сената, опредѣляющей предѣлы и порядокъ отвѣтственности членовъ Гос. Думы и Госуд. Совѣта за рѣчи, произносимыя въ законодательныхъ собраніяхъ. Сенатъ, дѣйствуя по иниціативѣ министра юстиціи, пытается въ ней поставить предѣлы свободѣ депутатской рѣчи и отвергаетъ цѣликомъ одну изъ формъ парламентскаго иммунитета, наличность которой является необходимымъ элементомъ конституціоннаго права. Это вмѣшательство высшаго судебнаго учрежденія въ условія дѣятельности законодательныхъ учрежденій во многихъ отношеніяхъ знаменательно. Оно возбуждаетъ рядъ вопросовъ, мимо которыхъ не можетъ равнодушно пройти юристъ, интересующійся вопросами современнаго государственнаго права.

I.

Обстоятельства дѣла, вызвавшаго рѣшеніе общаго собранія перваго и касс деп. прав. сената отъ 15 октября, въ краткихъ чертахъ сводятся къ слѣдующимъ. Членъ Гос. Думы Георгій Кузнецовъ въ засѣданіи 12 мая 1911 г. [1]), при обсужденіи вопроса объ усиленіи штатовъ судебныхъ установленій, указалъ на существующія пристрастія въ веденіи предварительныхъ слѣдствій и коснулся производства слѣдствія по дѣлу объ уйствѣ д-ра Караваева, при чемъ заявилъ, что членъ Гос Думы Я. Гололобовъ принималъ участіе въ совѣщаніи, постановившемъ убить Караваева. Членъ Гос. Думы Гололобовъ, хотя и находившійся въ засѣданіи, предпочелъ, вмѣсто того, чтобы выступить на трибуну по личному вопросу, возбудить противъ Г. Кузнецова судебное преслѣдованіе за клевету, полагая, что «единственнымъ авторитетнымъ опроверженіемъ клеветы служитъ только обвинительный для клеветника приговоръ и что лишить этого установленнаго закономъ способа защиты отъ клеветы никого нельзя, кто бы ни былъ клеветникъ,

[1]) Стеногр. отчеты Гос. Думы. Засѣданіе 112-ое.

хотя бы и членъ Гос. Думы». Съ этою цѣлью онъ подалъ прошеніе прокурору С.-Петербургской судебной палаты, въ которомъ, между прочимъ, писалъ [1]):

Одна изъ причинъ и даже главная причина того, что члены Госуд. Думы легко и свободно употребляютъ съ трибуны брань и клевету, это—безнаказанность и безотвѣтственность. Огромное большинство членовъ Думы, если не всѣ, убѣждены, что ст. 14 учрежденія Госуд. Думы представляетъ имъ полную свободу слова и что съ трибуны они могутъ говорить, что угодно и какъ угодно, безъ всякой отвѣтственности, не подвергаясь никакому ограниченію и наказанію, кромѣ замѣчаній и лишенія со слова со стороны предсѣдателя, или исключенію на извѣстное число засѣданій по постановленію Думы. Убѣжденіе о безотвѣтственности членовъ Думы особенно укрѣпилось послѣ случая въ прошлой сессіи, когда одинъ изъ видныхъ чиновниковъ, подвергшійся разоблаченіямъ и оскорбленіямъ съ трибуны, просилъ разрѣшенія совѣта министровъ привлечь обличителя къ судебной отвѣтственности и не получилъ такого разрѣшенія Но, конечно, убѣжденіе о безотвѣтственности членовъ Думы является совершенно неправильнымъ... Онъ, Гололобовъ, заявляетъ, что привлекать къ суду Кузнецова побуждаетъ его не только желаніе изобличить его въ клеветѣ и покарать. Онъ имѣетъ въ виду другую цѣль—выяснить серьезный принципіальный вопросъ объ отвѣтственности членовъ Госуд. Думы за свои рѣчи съ трибуны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при помощи суда, положить начало ограниченію наносящей значительный ущербъ достоинству Госуд. Думы свободѣ злословія и разнузданности языка.

Прокуроръ С.-Петербургской судебной палаты при рапортѣ отъ 26 ноября 1911 г. представилъ министру юстиціи, на основаніи ст. 22 учр. Гос. Думы и 87 и 88 ст. учр. Гос. Сов., прошеніе Я. Гололобова, ходатайствовавшаго о привлеченіи г. Кузнецова по ст. 1535 улож. о наказ. за клевету въ рѣчи, произнесенной 12 мая 1911 г. Министръ юстиціи переслалъ это прошеніе въ совѣтъ министровъ, объяснивъ, что при раз-

[1]) Текстъ прошенія Я. Гололобова, а также другіе фактическіе матеріалы по настоящему дѣлу напечатаны въ докладной запискѣ по общ. собр. 1 и касс. деп. Сената.

смотрѣніи жалобы директора канцеляріи намѣстника на Кавказѣ Петерсона на члена Гос. Думы Пуришкевича, совѣтомъ министровъ, 8 іюля 1909 г., была признана необходимость всѣ приносимыя въ порядкѣ ст. 87 учр. Гос. Сов. на членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы жалобы и донесенія подвергать на Монаршее благовоззрѣніе съ заключеніемъ совѣта министровъ относительно направленія дѣла. 20 января 1912 г. предсѣдатель совѣта министровъ увѣдомилъ министра юстиціи, что совѣтъ министровъ, обсудивъ въ засѣданіи 15 декабря 1911 г. прошеніе члена Гос. Думы Я. Гололобова, полагалъ означенное прошеніе признать заслуживающимъ Высочайшаго уваженія и подлежащимъ вслѣдствіе сего обращенію въ первый департаментъ Гос. Совѣта въ порядкѣ ст. 87 и 88 учрежденія названнаго Совѣта, на каковое обращеніе прошеніе Гололобова послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Вслѣдъ за первымъ прошеніемъ Я. Гололобова, совѣту министровъ, послѣдовательно 4 января, 7, 22 и 25 февраля 1912 г., были препровождены прошенія членовъ Гос. Думы Я. Гололобова и В. Образцова, коллежскаго регистратора Прокофія Шелестова и Маріупольскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ковалевскаго, ходатайствовавшихъ о привлеченіи къ законной отвѣтственности по 1535 ст. улож. о нак. поименованныхъ ими въ прошеніяхъ 34 членовъ Госуд. Думы за клевету въ запросѣ, предъявленномъ ими 5 декабря 1911 г. въ общемъ собраніи Госуд. Думы по дѣлу объ убійствѣ члена 2-ой Гос. Думы Караваева и оглашенномъ съ трибуны Гос. Думы. Совѣтъ министровъ и эти прошенія признали заслуживающими уваженія, каковое мнѣніе и было Высочайше утверждено.

Первый департаментъ Гос. Совѣта, въ засѣданіяхъ 14 февраля и 23 апрѣля 1912 г., выслушавъ Высочайшее повелѣніе и прошеніе Я. Гололобова, постановилъ сначала на основаніи ст. 89 учр Гос. Совѣта сообщить Г. Кузнецову о предметѣ обвиненія и имѣющихся доказательствахъ и потребовать отъ него объясненій. На этотъ вопросъ членъ Гос. Думы Г. Кузнецовъ заявилъ слѣдующее:

Усматривая изъ приложенной къ запросу копіи прошенія члена Гос. Думы Гололобова, что обвиненіе, возбужденное имъ противъ меня по ст. 1535 улож. о нак., основано на сужденіи, высказанномъ мною въ качествѣ члена Гос. Думы въ общемъ ея собраніи, я нахожу, что производство по настоящему дѣлу подлежитъ прекращенію, какъ начатое въ нарушеніе ст. 14 учр. Гос. Думы, въ силу которой члены ея пользуются полной свободой сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Гос. Думы, и не могутъ быть привлекаемы къ уголовной отвѣтственности за сужденія, высказанныя ими съ трибуны Гос. Думы.

По обсужденіи этого объясненія, первый департаментъ Гос. Совѣта, по мотивамъ, на которыхъ я еще буду имѣть случай остановиться, пришелъ къ заключенію, что члены Гос. Думы подлежатъ отвѣтственности за клевету, предусмотрѣнную ст. 1535 улож. о нак., на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же порядкѣ, которые установлены для должностныхъ лицъ. По дѣламъ о клеветѣ примѣняется порядокъ частнаго обвиненія и нѣтъ основаній утверждать, чтобы въ отношеніи членовъ Гос. Думы былъ примѣненъ другой порядокъ судопроизводства. Дѣло это было бы подсудно верховному уголовному суду только въ томъ случаѣ, если бы указанная клевета была учинена при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей члена Думы. Но департаментъ признаетъ, что высказанныя въ рѣчи, произнесенной Г. Кузнецовымъ, обвиненія не имѣютъ ни прямого, ни даже посредственнаго отношенія къ сужденіямъ по законопроекту объ усиленіи штатовъ нѣкоторыхъ судебныхъ установленій и были направлены главнымъ образомъ противъ названнаго лица въ цѣляхъ униженія его личности. Они поэтому не могутъ быть отнесены къ сужденіямъ и мнѣніямъ по дѣлу, подлежащему вѣдѣнію Думы, и являются дѣяніемъ наказуемымъ. По составу же своему они содержатъ въ себѣ всѣ признаки клеветы, предусмотрѣнной 2 ч. ст. 1535 улож о нак, такъ какъ произносимыя въ Гос. Думѣ рѣчи, завѣдомо для членовъ думы, записываются стенографически и распространяются во всеобщее свѣдѣніе. Въ дѣяніи Г. Кузнецова не заключается приз-

наковъ преступленія, преслѣдуемаго въ порядкѣ ст. 22 учр. Гос. Совѣта, и потому первый департаментъ положилъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на прекращеніе дальнѣйшаго производства настоящаго дѣла въ порядкѣ ст. 86—95 учр. Гос. Совѣта и передать жалобу Г. Кузнецова по принадлежности для надлежащаго направленія.

Этимъ постановленіемъ департамента, однако, дѣло не закончилось. 12 іюня 1912 г. первый департаментъ получилъ Высочайшее повелѣніе отъ 8 іюня того же года о безотлагательномъ пересмотрѣ настоящаго дѣла въ присутствіи министра юстиціи И. Щегловитова. Департаментъ остановился на двухъ вопросахъ: 1) могутъ ли члены Гос. Думы за клевету въ рѣчи, произнесенной при исполненіи обязанностей ихъ званія, быть привлекаемы къ отвѣтственности въ порядкѣ установленномъ ст. 22 учр Гос. Думы, и 2) могутъ ли такого рода дѣла производиться въ верховномъ уголовномъ судѣ въ порядкѣ частнаго обвиненія и подлежатъ ли прекращенію за примиреніемъ сторонъ.

Министръ юстиціи въ присутствіи департамента заявилъ, что постановка, приданная этому вопросу въ постановленіи перваго департамента, является спорной. Мысль о возможности приравненія членовъ Гос. Думы въ отношеніи порядка ихъ привлеченія къ уголовной отвѣтственности за нарушеніе лежащихъ на нихъ, по ихъ званію, обязанностей, къ должностнымъ лицамъ является сомнительною. Кромѣ того, намѣченная департаментомъ постановка вопроса объ отвѣтственности повлекла бы за собою на практикѣ цѣлый рядъ нежелательныхъ послѣдствій. Разрѣшеніе возникающихъ въ настоящемъ дѣлѣ серьезнѣйшихъ вопросовъ первымъ департаментомъ въ томъ или другомъ смыслѣ получило бы принципиальное значеніе, едва ли однако могущее имѣть руководящую силу для судебныхъ установленій.

Наряду съ этимъ—продолжалъ министръ юстиціи—рѣшеніе перваго департамента, являясь истолкованіемъ далеко неяснаго вопроса о порядкѣ отвѣтственности членовъ Гос. Думы за клевету по нашему дѣйствующему законодательству, затрагивало бы, косвеннымъ образомъ, компетенцію правительствующаго

Сената, коему по закону принадлежитъ право преподать въ подобныхъ случаяхъ къ руководству судебнымъ мѣстамъ разъясненія точнаго смысла закона. Внесеніе этого вопроса въ полномъ его объемѣ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената тѣмъ болѣе желательно, что въ составъ обсуждаемаго вопроса входитъ опредѣленіе компетенціи общихъ судебныхъ установленій, признаваемыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ перваго департамента, уполномоченными разсматривать дѣла о членахъ Гос. Думы, обвиняемыхъ въ клеветѣ въ рѣчахъ, произнесенныхъ ими при исполненіи своихъ обязанностей.

Выслушавъ соображенія министра юстиціи, члены департамента замѣтили, что, не отрицая спорности отдѣльныхъ вопросовъ, они руководились ст. 12 уст. уг. суд., требующей при неполнотѣ, неясности и противорѣчіи законовъ руководиться общимъ смысломъ законовъ Но, не входя въ разрѣшеніе заявленныхъ министромъ сомнѣній, хотя и не раздѣляя ихъ, первый департаментъ не встрѣтилъ препятствій присоединиться къ мнѣнію министра о томъ, что спорность возбуждаемыхъ по настоящему дѣлу вопросовъ и возникающія на почвѣ толкованія законовъ сомнѣнія требуютъ предложенія ихъ, согласно ст. 259^{1} учр. суд. уст, на обсужденіе Правительствующаго Сената. При этомъ департаментъ счелъ нужнымъ испросить Высочайшее соизволеніе на пріостановленіе дѣла, каковое и послѣдовало 22 іюля 1912 г.

По ордеру министра юстиціи отъ 6 сентября 1912 г. на рѣшеніе общаго собранія I-го и кассаціонныхъ департаментовъ Сената были поставлены слѣдующіе четыре вопроса:

I. Подлежатъ ли члены Государственной Думы уголовной отвѣтственности за сужденія и мнѣнія, выраженныя ими въ засѣданіяхъ Государственной Думы или ея отдѣловъ, либо комиссій, хотя бы, въ частности, таковыя были заявлены въ запросахъ, обращаемыхъ къ правительству, если въ означенныхъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ заключаются признаки преступныхъ дѣяній?

II. Подлежатъ ли члены Государственной Думы преданію верховному уголовному суду за всѣ преступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей,

лежащихъ на нихъ по званію члена Государственной Думы, или только за тѣ изъ сихъ дѣяній, которыя по законамъ уголовнымъ признаются служебными преступленіями, предусмотрѣнными въ раздѣлѣ V улож. о нак.?

III. Если члены Государственной Думы подлежатъ верховному уголовному суду только за тѣ преступныя дѣянія, которыя по законамъ уголовнымъ признаются служебными преступленіями, то должны ли быть, тѣмъ не менѣе, направляемы въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 87—90 уч. Гос. Сов., на заключеніе перваго департамента Государственнаго Совѣта и дѣла по остальнымъ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ членами Госуд. Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію?

IV. Если же члены Государственной Думы подлежатъ преданію верховному уголовному суду за всѣ преступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по званію члена Государственной Думы, то:

а) должны ли быть примѣняемы постановленія ст.ст. 91, 92 и 95 учр. Гос. Сов. и ст. 1112 уст. уг. суд (по прод. 1906 г.), объ участіи въ производствѣ прокурорскаго надзора и въ отношеніи дѣлъ о тѣхъ изъ сихъ преступныхъ дѣяній, которыя подлежатъ относительно частныхъ лицъ частному порядку преслѣдованія, или же дѣла эти должны производиться съ соблюденіемъ предписанныхъ уставомъ уголовнаго судопроизводства изъятій изъ дѣлъ частнаго обвиненія;

б) могутъ ли послѣдняго рода дѣла быть прекращаемы примиреніемъ, когда они касаются преступныхъ дѣяній, учиненныхъ членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія ими обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію?

Правительствующій Сенатъ въ засѣданіи 15 октября с. г. примкнулъ къ мнѣнію, высказанному оберъ-прокуроромъ, и постановилъ, что первый вопросъ объ отвѣтственности членовъ думы за мнѣнія и сужденія рѣшается утвердительно; по второму — что дѣла эти направляются въ верховный уголовный судъ. Въ силу общаго признанія отвѣтственности, третій вопросъ отпадаетъ. По четвертому вопросу Сенатъ призналъ необходи-

мость участія прокурорскаго надзора по такимъ дѣламъ и недопущеніе прекращенія дѣла путемъ примиренія.

Рѣшеніе это, опирающееся на сложную аргументацію, заслуживаетъ обстоятельнаго разбора. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе и тѣ «положенія», которыя были выставлены по этому дѣлу и. о. оберъ-прокурора, какъ подкрѣпляющія точку зрѣнія Сената.

II.

Вопросъ объ отвѣтственности членовъ Гос. Думы (и выборныхъ членовъ Гос. Совѣта), несмотря на недавность своего возникновенія, вызвалъ въ нашей литературѣ живой откликъ. Въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ весною 1909 г. были прочитаны обстоятельный докладъ проф. А. А. Жижиленко [1]) и сообщеніе А. Ф. Мейендорфа, бывшаго товарища предсѣдателя Гос. Думы. Въ Журн. Мин. Юст. за 1909 г. (кн. 7, 8 и 9) напечатана подробная работа сенатора А. К. Резона «Объ особенныхъ правахъ выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта и членовъ Гос. Думы». Проф. Л. А. Шалландъ недавно выпустилъ интересную монографію «Иммунитетъ народныхъ представителей» (Юрьевъ, 1911 г., т. I), дополненіемъ къ которой служитъ помѣщенная имъ въ «Вопросахъ Права» (1910 г., кн. IV) статья: «Безотвѣтственность депутатовъ по русскому праву. Опытъ толкованія ст. 14 и 22 учр. Гос. Думы». Я не говорю уже о работахъ менѣе крупныхъ [2]). Это обстоятельсгво позволяетъ мнѣ ограничиться только нѣкоторыми сторонами интересующаго насъ вопроса, остававшимися до сихъ поръ менѣе затронутыми въ литературѣ. По этому соображенію я опускаю почти совершенно постановку вопроса о безотвѣтственности въ другихъ государствахъ Европы и сосредоточиваю свое вниманіе, главнымъ образомъ, на русскомъ правѣ.

---

[1]) Онъ напечатанъ затѣмъ въ Юрид. Запискахъ за 1909 г. и отдѣльной брошюрой.

[2]) Ссылки на нихъ см. въ статьѣ Л. А. Шалланда а также статью *Л. Покровскаго*, въ Русск. Бог. 1912 кн. 10.

Въ качествѣ законодательнаго основанія для признанія по нашему праву безотвѣтственности народныхъ представителей приводится ст. 14 учр. Гос. Думы, по которой «члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избиратеями». Для выборныхъ членовъ Гос. Совѣта соотвѣтственное постановленіе изложено въ ст. 26 учр. Гос. Совѣта. Кромѣ того, уже по отношенію ко всѣмъ членамъ Гос. Совѣта ст. 5 того же учрежденія постановляетъ что «Государственный Совѣтъ, въ дѣлахъ ему предлагаемыхъ, пользуется всею свободою мнѣній».

Въ пониманіи этихъ статей наши изслѣдователи расходятся. *А. А. Жижиленко* полагаетъ, что означенными статьями для депутатовъ создается привилегія безнаказанности за сужденія и мнѣнія, выраженныя ими словесно или путемъ какихъ-либо символическихъ дѣйствій въ рѣчахъ, докладахъ, запросахъ, при подачѣ голоса, при репликахъ (но не при частныхъ разговорахъ во время засѣданія парламента). Эта безнаказанность не лишаетъ дѣянія депутата преступнаго характера, но лишь препятствуетъ возбужденію противъ него преслѣдованія въ общихъ судахъ. Депутатъ можетъ подвергнуться за свое преступное дѣяніе дисциплинарному воздѣйствію палаты, можетъ быть привлеченъ къ гражданской отвѣтственности. Проводя послѣдовательно этотъ взглядъ, слѣдуетъ признать, что соучастники депутата являются отвѣтственными; что (при отсутствіи препятствій въ законѣ) допустимъ зачетъ оскорбленій и пр. Свой взглядъ проф. А. Жижиленко обосновываетъ на слѣдующихъ аргументахъ: 1) мы должны заполнить формулу ст. 14 тѣмъ содержаніемъ, которое вытекаетъ изъ существа обязанностей депутата; послѣднія требуютъ свободы высказывать убѣжденія, не боясь судебной или дисциплинарной отвѣтственности; 2) по сравненію со ст. 79 осн. зак. въ ст. 14 установлена особая привилегія для депутатовъ, которая для остальныхъ гражданъ не предполагается, а такая привилегія, по сравненію съ указанной статьей, можетъ быть лишь

привилегіей безнаказанности за рѣчи; 3) если не признавать ее привилегіей безнаказанности, то какъ понимать тотъ фактъ, что она распространена только на *выборныхъ* членовъ Гос. Совѣта; 4) наличность дисциплинарной власти парламента, предусмотрѣнной ст. 37 и 38 учр. Гос. Думы, примѣняемой въ случаѣ уклоненія отъ соблюденія порядка и уваженія къ закону, и выраженной въ весьма широкихъ предѣлахъ, показываетъ, что законодатель имѣлъ въ виду создать въ видѣ ея противовѣсъ безнаказанности депутатовъ; 5) признанная ст. 45 учр. Гос. Думы и судебною практикою безнаказанность помѣщенія отчетовъ о засѣданіяхъ думы понятна только при безотвѣтственности за произносимыя рѣчи; эта безнаказанность печатанія отчетовъ у насъ также нигдѣ ясно не выражена, и тѣмъ не менѣе Сенатъ (рѣш. 1907 г. Федорова) не усомнился признать ее; 6) ст. 22 учр. Гос. Думы, предусматривая порядокъ преданія суду членовъ думы за служебныя преступленія, примирима съ признаніемъ безнаказанности депутатовъ за ихъ мнѣнія и сужденія. Признавая такимъ образомъ безотвѣтственность существующей и по дѣйствующему праву, проф. Жижиленко полагаетъ все же цѣлесообразнымъ ввести у насъ, по образцу ст. 11 герм. угол. улож., статью слѣдующаго содержанія: «Членъ Гос Думы или Гос. Совѣта по выборамъ не можетъ подлежать преслѣдованію за тѣ сужденія и мнѣнія, которыя онъ высказываетъ при исполненіи обязанностей своего званія, подвергаясь за это отвѣтственности лишь передъ той палатой, членомъ которой онъ состоитъ».

Проф. Л. А. Шландъ, присоединяясь къ тому взгляду, что «полная свобода сужденій и мнѣній» означаетъ у насъ безотвѣтственность за рѣчи, проводитъ объемъ безотвѣтственности нѣсколько дальше и строитъ ее на иныхъ основаніяхъ. По его мнѣнію, послѣдствіемъ этой привилегіи является безотвѣтственность не только въ уголовномъ, но и въ дисциплинарномъ и гражданскомъ порядкѣ. Но, съ другой стороны, эта привилегія существуетъ только по дѣламъ, «подлежащимъ вѣдѣнію Думы (или Совѣта)». Поэтому не покрываются иммунитетомъ дѣла, хотя и поступившія

въ Гос. Думу, не не подлежащія ея разсмотрѣнію или тѣ, которыя поступили въ Думу съ нарушеніемъ формальнаго порядка (напр., въ порядкѣ частной инициативы измѣненіе основныхъ законовъ или разсмотрѣніе въ той же сессіи проекта, не утвержденнаго Государемъ). Наличность самой привилегіи доказывается проф. Шалландомъ, съ одной стороны, историческимъ толкованіемъ ст. 14, которое показываетъ, что при изданіи учрежденія Гос. Думы содержаніе ст. 34 учреж. Гос. Совѣта изд. 1901 г. было намѣренно расширено и такое расширеніе произошло сознательно, въ силу того, что производилась рецепція изъ иностраннаго права. При введеніи представительныхъ учрежденій эта рецепція была допущена въ очень широкихъ размѣрахъ. Все юридическое положеніе народныхъ представителей конструируется нашимъ законодательствомъ по общеконституціонному образцу; статья же 14 учр. Думы стоитъ въ тѣсной связи съ остальными статьями этого отдѣла. Въ западномъ конституціонномъ правѣ принципъ свободы мнѣній отождествляется съ безотвѣтственностью за рѣчи. Слѣдуетъ, поэтому, признать, что эта статья или узаконяетъ привилегію, являющуюся повсюду неизбѣжной спутницей представительнаго строя, или что она лишена всякаго содержанія и представляетъ изъ себя пустое реторическое украшеніе.

Указаннымъ взглядамъ на полную свободу мнѣній и сужденій долженъ быть противопоставленъ взглядъ, развитый сенаторомъ ф.-Розеномъ.

Свобода рѣчи—пишетъ фонъ-Резонъ [1])—дарованная членамъ Государственнаго Совѣта, въ общемъ, имѣла то же значеніе, какъ привилегіи, данныя по этому предмету германскими монархами государственнымъ чинамъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, каковыя привилегіи устанавливали не полную безотвѣтственность депутатовъ, а, напротивъ, отвѣтственность ихъ, но только въ предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ и въ общемъ законномъ порядкѣ. Этотъ характеръ указанное правило сохранило и послѣ перехода въ новыя учрежденіе Гос. Думы и учрежденіе Гос. Сов... Измѣненія ст. 5 учр. Гос. Совѣта имѣютъ

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи, 1909 г., кн. 8, стр. 83.

лишь редакціонное значеніе, а постановленія этой статьи и ст. 14 учр. Гос. Думы одинаковы. Несомнѣнно, что прежній Гос. Совѣтъ, съ одной стороны, и Гос. Дума, съ другой—установленія совершенно различнаго значенія и характера. Но, однако, это различіе не даетъ права заключить, что перенесенное въ учрежденіе Гос. Думы постановленіе учрежденія прежняго Гос. Совѣта потеряло смыслъ, который имѣло прежде. Если существовало бы намѣреніе дать нашимъ представительнымъ установленіямъ свободу слова въ томъ видѣ, какъ она признается многими иностранными законодательствами, то весьма легко было бы заимствовать подлежащее правило изъ одного изъ нихъ и помѣстить его въ учрежденіи Думы. Но именно этого не сдѣлали, а заимствовали заключающееся въ ст. 14 правило изъ прежняго учр. Гос. Совѣта, что прямо доказываетъ, что учрежденіе Гос. Думы хотѣло дать своимъ членамъ лишь тѣ права относительно свободы слова, которыми и прежде пользовались члены Гос. Совѣта.

Правда, и самъ фонъ-Резонъ признаетъ, что съ такимъ переносомъ правила ст. 34 прежняго учр. Гос. Совѣта значеніе его сильно измѣнилось, благодаря широкой гласности засѣданій Думы и болѣе оживленному и страстному характеру преній. Сознавая трудную примиримость такой позиціи съ какой бы то ни было «свободой» обсужденія и съ наличностью дисциплинарной власти Гос. Думы и Гос. Совѣта, авторъ тутъ же дѣлаетъ двѣ оговорки, стоящія, въ сущности, въ противорѣчіи съ только что полученнымъ выводомъ [1]):

Можно сказать, что, напр., въ случаяхъ оскорбленія до извѣстной степени является предположеніе о наличности обстоятельствъ, извиняющихъ депутата, напр., объ отсутствіи намѣренія оскорбить, о произнесеніи разныхъ, вызывающихъ словъ другимъ, прежде говорившимъ, депутатомъ, о допущеніи оскорбительной формы по оплошности или въ виду желанія обнаружить злоупотребленія и т. п., и что только при установленномъ отсутствіи ихъ можетъ быть рѣчь о винѣ депутата. Наконецъ, и это для насъ самое важное, разрѣшено Госуд. Думѣ и Гос. Совѣту установить подобныя правила внутренняго распорядка и принять извѣстныя мѣры противъ ихъ членовъ,

[1]) Тамъ же, стр. 86.

нарушившихъ порядокъ засѣданій... Эта власть по нашему закону, если и можетъ устранить уголовную наказуемость противозаконныхъ дѣйствій депутатовъ вообще, то, все-таки, кажется, она устраняетъ примѣнимость уголовнаго закона во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда словесныя излишества направлены противъ самихъ собраній и ихъ членовъ и не касаются лицъ, не принадлежащихъ къ Гос. Совѣту и Гос. Думѣ.

Мнѣніе, изложенное фонъ-Резономъ, повидимому, раздѣлилъ первый департаментъ Гос. Совѣта, а затѣмъ и общ. соб. 1 и касс. деп. Сената.

Въ 1907 г. по дѣлу члена 1-ой Гос. Думы И. Л. Шрага первый департаментъ, не входя вообще въ область вопроса о предѣлахъ депутатской отвѣтственности, призналъ, что

принадлежащее членамъ Гос. Думы право полной свободы сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, не исключаетъ отвѣтственности ни за оклеветаніе частныхъ лицъ, признающихъ себя оскорбленными оглашенными обстоятельствами, могущими повредить ихъ чести и доброму имени, ни за оклеветаніе должностныхъ лицъ оглашеніемъ завѣдомо ложныхъ обстоятельствъ, касающихся ихъ служебной дѣятельности, хотя бы оно послѣдовало въ рѣчи, произнесенной въ Госуд. Думѣ ея членомъ.

Въ 1912 г. департаментъ, хотя дѣло шло о томъ же обвиненіи въ клеветѣ, высказываетъ уже болѣе общія соображенія [1]):

Въ дѣйствующихъ законахъ не содержится правила о томъ, чтобы члены законодательныхъ учрежденій не могли быть вовсе привлекаемы къ уголовной отвѣтственности за преступныя дѣянія. Принципа полной безотвѣтственности и неприкосновенности народныхъ представителей нашимъ законодательствомъ не установлено. Напротивъ, изъ статей 15, 16, 20 и 22 учр. Гос. Думы явствуетъ, что члены Гос. Думы отвѣтственны какъ за общія преступныя дѣянія, такъ и за совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію... Дарованнымъ членамъ Думы статьею 14 учр. Гос. Думы правомъ «полной свободы сужденій и мнѣній

[1]) См. журналъ перваго департамента Гос. Совѣта отъ 23 апрѣля 1912 г. за № 7.

по дѣламъ, подлежащимъ ея вѣдѣнію», имѣлось въ виду лишь точнѣе выразить ту мысль, что отъ избранныхъ населеніемъ для законодательной дѣятельности ожидается откровенное слово по всякаго рода дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, безъ опасенія отвѣтственности за высказанныя по нимъ сужденія и мнѣнія. Въ сущности, статьею этою выражается то же начало, которое установлено ст. 5 учр. Гос. Совѣта, гласящею, что Гос. Совѣтъ въ дѣлахъ, ему предлагаемыхъ, пользуется всею свободою мнѣній. Прежде всего нельзя не отмѣтить, что въ ст. 14 учр. Гос. Думы говорится небезотвѣтственности членовъ Гос. Думы за учиненные ими посредствомъ слова преступныя дѣянія, а о предоставляемой имъ полной свободѣ сужденій и мнѣній по дѣламъ, имъ подвѣдомымъ. Подъ понятіе же свободы сужденій и мнѣній, очевидно, не можетъ быть подводима допустимость употребленія бранныхъ словъ и оскорбительныхъ выраженій или же оглашеніе такихъ позорящихъ чью-либо честь обстоятельствъ, которыя либо не имѣютъ никакой связи съ обсуждаемымъ вопросомъ, либо приводятся по побужденіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ обязанностями званія. Въ противномъ случаѣ совершенно необходимое для законодательной дѣятельности откровенное, независимое слово могло бы обратиться въ свободу брани и оскорбленій, не соотвѣтствующую достоинству высокаго законодательнаго собранія.

Чрезъ нѣсколько строкъ, однако, департаментъ продолжаетъ:

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что члены законодательныхъ собраній по существу и характеру своей дѣятельности бываютъ иногда вынуждены оглашать въ своихъ рѣчахъ свѣдѣнія, могущія затрагивать честь и доброе имя отдѣльныхъ лицъ. Иногда самое оглашеніе такого рода завѣдомо позорящихъ чью либо честь обстоятельствъ можетъ быть обусловлено высокими побужденіями необходимости защиты государственныхъ интересовъ и послужить основаніемъ къ пресѣченію вредныхъ для общественнаго блага послѣдствій. Въ такихъ именно случаяхъ дарованное членамъ Думы драгоцѣнное право свободы слова, использованное въ предѣлахъ сужденій по вопросу, подлежащему разсмотрѣнію Гос. Думы, не можетъ, конечно, явиться незакономѣрнымъ и служить основаніемъ для привлеченія къ отвѣтственности. Къ такому выводу приводитъ

не содержаніе вышеупомянутой ст. 14 учр. Гос. Думы, а то общее начало, вытекающее изъ уголовныхъ законовъ и неуклонно проводившееся въ судебной практикѣ, что никто не можетъ быть отвѣтственнымъ за разглашеніе обстоятельства, позорящаго честь другого лица, если такое дѣйствіе учинено ради государственной или общественной пользы и вызваннаго интересомъ исполняемыхъ имъ обязанностей службы или званія. Не подлежитъ, напр., сомнѣнію, что обвиняемый въ преступленіи не можетъ преслѣдовать прокурора за оклеветаніе его въ обвинительномъ актѣ, усматриваемое въ указаніи на такія обстоятельства, на которыхъ основывается обвиненіе или съ которыми оно имѣетъ связь, хотя бы они и не подтвердились на судѣ. Придти, однако, къ заключенію о томъ, какой характеръ имѣла рѣчь, заключавшая въ себѣ внѣшніе признаки клеветы, чѣмъ она была вызвана, соотвѣтствовала ли она по содержанію своему и формѣ, тому дѣлу, которое подлежало вѣдѣнію Думы, и, слѣдовательно, была ли произнесенная рѣчь закономѣрнымъ пользованіемъ правами свободы сужденій и мнѣній, или же злоупотребленіемъ свободою слова, уголовно наказуемымъ,—всѣ эти вопросы должны получить опредѣленное рѣшеніе не иначе, какъ по всестороннемъ разсмотрѣніи подлежащимъ учрежденіемъ содержанія сказанной рѣчи въ связи съ совокупностью тѣхъ обстоятельствъ, при наличности коихъ она была произнесена.

Такимъ образомъ въ извѣстныхъ предѣлахъ безотвѣтственность имѣется; опредѣленіе ихъ, по мнѣнію департамента, принадлежитъ органу, отъ котораго зависитъ возбужденіе преслѣдованія.

Оберъ-прокуроръ, въ своемъ заключеніи, мотивируетъ отвѣтственность еще проще [1]):

Учрежденіе Гос. Думы (ст. 14) предоставляетъ членамъ Гос. Думы полную свободу сужденій по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, но не устанавливаетъ безотвѣтственности членовъ Думы за преступныя дѣянія, совершенныя ими при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію. На эту отвѣтственность прямо указываетъ ст. 22 учр. Гос. Думы... Нарушеніе публичнаго права и общественнаго порядка не можетъ не быть усмотрѣно въ такомъ пользованіи

[1]) Положенія пен. об. оберъ-прокурора по дѣла № 75—1912 г.

свободой сужденія, которое не находитъ оправданія въ необходимости всесторонняго осьѣщенія вопроса, подлежащаго вѣдѣнію Гос. Думы.

Наконецъ, Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи отъ 15 октября 1912 г. признаетъ, что принципъ иммунитета долженъ быть точно опредѣленъ въ законѣ. Наше же законодательство принципа безотвѣтственности народныхъ представителей не установило. Напротивъ, изъ статей 15, 16, 20 и 22 учр. Гос. Думы явствуетъ, что члены Думы отвѣтственны какъ за общія преступныя дѣянія, такъ и за совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей.

При этомъ, продолжаетъ Сенатъ—закономъ не сдѣлано никакого изъятія для отвѣтственности членовъ Гос. Думы за такія признаваемыя уголовнымъ закономъ преступными злоупотребленія словомъ, которыя имѣли бы мѣсто при выраженіи ими сужденій и мнѣній въ засѣданіяхъ Гос. Думы или ея отдѣловъ, либо комиссій, а также въ запросахъ, обращаемыхъ къ правительству... Въ частности нельзя отвергать возможность такой отвѣтственности членовъ Гос. Думы, если ими было допущено клеветническое оглашеніе позорящихъ чью либо часть обстоятельствъ... Изложенному выводу вовсе не противорѣчитъ ст. 14 учр. Гос. Думы, ибо статья эта, предоставляя «полную свободу сужденій и мнѣній», по дѣламъ, подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, отнюдь не указываетъ на безотвѣтственность ихъ за преступленія и, въ сущности, является выраженіемъ того же начала, которое высказано въ ст. 5 учр. Гос. Совѣта.., а также выражено въ ст. 79 осн. зак.

Однако депутатъ, высказывающій позорящіе факты въ государственныхъ интересахъ, покрывается безотвѣтственностью въ случаѣ добросовѣстнаго заблужденія.

Можно съ положительностью утверждать, что никакое оскорбительное разглашеніе, сдѣланное членомъ Гос. Думы при исполненіи или по поводу исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, коль скоро оно добросовѣстно и вызвано только государственными и общественными интересами, а не посторонними обсуждаемому дѣлу побужденіями, не должно и не можетъ вызвать отвѣтственности за злоупотребленіе свободою слова. Возбраненіе же умышленной лжи или безцѣльнаго опозоренія и поносительныхъ и ругательныхъ выраженій при испол-

неніи членами Гос. Думы лежащихъ на нихъ обязанностей не только не можетъ стѣснить полной свободы ихъ сужденій и мнѣній, но лишь служитъ къ священной охранѣ достоинства и авторитета законодательнаго собранія и его членовъ.

III.

При изложеніи мнѣній о значеніи ст. 14 учр. Гос. Думы я постаралася быть возможно болѣе объективнымъ. Теперь, когда читатель уже знакомъ съ приводившимися аргументами, я позволю высказать и личный взглядъ на этотъ спорный вопросъ.

Если устранить ссылку на ст. 22 учр. Гос. Думы, которую мы подвергнемъ самостоятельному анализу, то нетрудно замѣтить, что споры ведутся вокругъ выраженія ст. 14 о «полной свободѣ сужденій и мнѣній». При разсмотрѣніи этого выраженія, какъ сторонники безотвѣтственности, такъ и противники ея, исходятъ изъ историческаго толкованія. Одни доказываютъ, что редакція ст. 14 учр. Гос. Сов. 1901 была намѣренно измѣнена съ цѣлью обезпечить безотвѣтственность депутатскаго слова [1]), другіе указываютъ, что она намѣренно была сохранена въ редакціи, приближающейся къ старой, чтобы не подчеркнуть этой безотвѣтственности [2]). Однако, сдѣлать тотъ или выводъ на основаніи историческаго толкованія не представляется возможнымъ. Если аналогичная ст. 14 учр. Думы ст. 34 учр. Гос. Совѣта и имѣлась раньше, то намъ, во первыхъ, не извѣстно, какой объемъ правъ признавался на основаніи ея за членами Гос. Совѣта, ибо въ судебномъ порядкѣ статья эта никогда истолкована не была; во вторыхъ, несомнѣнно (какъ то признаетъ и фонъ-Резонъ) характеръ и роль новыхъ представительныхъ учрежденій настолько отличаются отъ стараго Гос. Совѣта, что статья эта могла получить новое значеніе, и предположеніе проф. Шалланда о томъ, что она служитъ отраженіемъ обще-конституціоннаго принципа безотвѣтственности депутатовъ, не менѣе спра-

[1]) *А. Жижиленко*, стр. 33 сл., *Л. Шалландъ*, стр. 21 сл.
[2]) *фонъ-Резонъ*, кн. 8, стр. 86.

ведливо съ исторической точки зрѣнія, чѣмъ предположеніе ф.-Резона; наконецъ, несмотря на внѣшнее сходство, редакція этой статьи существенно отлична отъ редакціи ст. 34 уч. Гос. Сов. 1901 г.

За спорностью историческаго толкованія остается путь толкованія систематическаго. Этотъ видъ толкованія всегда предпочительнѣе перваго, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло съ воплотившейся волей законодателя, а не предположеніями его, которыя могутъ и не соотвѣтствовать принятому рѣшенію.

Понятіе «свободы» въ области публичнаго права, въ противоположность старому понятію «невоспрещенности» или «дозволенности», появляется въ манифестѣ 17 октября, выразившемъ непреклонную волю «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Во исполненіе сего въ Основные Законы былъ внесенъ рядъ статей (ст. 72—83 осн. зак.), опредѣляющихъ содержаніе соотвѣтственныхъ правъ свободы. Извлекая изъ нихъ общее понятіе свободы, мы можемъ признать, что *свободой признается право безпрепятственно и безотвѣтственно дѣйствовать въ извѣстной области*. Однако права свободы находятъ свой предѣлъ въ дѣйствующихъ законахъ. Указаніе въ каждой статьѣ, опредѣляющей права россійскихъ подданныхъ, на границы, поставленные закономъ, является существенною особенностью всей главы восьмой осн. зак. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и ст. 79, гарантирующая свободу слова, выражена слѣдующимъ образомъ: «Каждый можетъ, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати или иными способами». Статьей этой признается *право* высказыванія и распространенія мыслей въ извѣстныхъ предѣлахъ, и, слѣдовательно, устраняется возможная за то отвѣтственность, ибо осуществленіе права исключаетъ противоправность. Обращаясь засимъ къ ст. 14 учр. Гос. Думы, нетрудно увидѣть, что «свобода сужденій и мнѣній» совпадаетъ съ «свободой высказыванія и распространенія мыслей»,

ибо что иное представляетъ изъ себя сужденіе или мнѣніе, какъ не мысль, выраженную въ словахъ или какихъ либо дѣйствіяхъ. Эта свобода заключаетъ въ себѣ *право*, а не только терпимую безнаказанность. По сравненію со ст. 79 осн. зак. ст. 14 говоритъ: 1) о *полной* свободѣ и 2) не ограничиваетъ этой свободы «предѣлами установленными закономъ», «по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы». Основные законы показываютъ намъ, съ какою тщательностью составитель ихъ подчеркивалъ каждый разъ, характеризуя ту или иную «свободу», ограниченіе ея предѣлами, установленными въ законѣ; предполагать поэтому случайный пропускъ нельзя. Невозможно это тѣмъ болѣе, что прилагательное «полной» должно положительнымъ образомъ подчеркнуть ту же мысль, какую знаменуетъ собою пропускъ словъ «въ случаяхъ, установленныхъ закономъ». Мы можемъ сдѣлать отсюда выводъ, что ст. 14, установляя *право* (и безотвѣтственность при пользованіи имъ) свободы мнѣній, идетъ значительно дальше, чѣмъ ст. 79 осн. зак.

Но непосредственный выводъ изъ сдѣланнаго нами систематическаго толкованія только тогда можетъ быть прочнымъ, если мы установимъ для него и соотвѣтственное раціональное основаніе, безъ котораго онъ можетъ разсматриваться, какъ толкованіе случайное, а не юридически-мотивированное. Я и попытаюсь сдѣлать это.

Выраженіе и распространеніе мыслей (или что то же: свобода сужденій и мнѣній), являясь вообще дѣломъ безнаказаннымъ и допустимымъ въ развитомъ правовомъ строѣ, подвергается ограниченіямъ уголовнаго закона въ томъ случаѣ лишь, когда широкое распространеніе ихъ можетъ угрожать опасностью существующему публичному порядку или репутаціи частныхъ лицъ. Опасность эта опредѣляется 1) степенью сопротивленія, какую могутъ встрѣтить эти мысли въ развитомъ сознаніи населенія, и 2) самыми условіями распространенія ихъ. Въ обществѣ, воспитанномъ на правѣ, рѣчи, возбуждающія къ насильственнымъ дѣйствіямъ, къ неповиновенію закону, сѣющія національную или иную

вражду, останутся безъ отклика; наоборотъ, для еще слабо развитаго сознанія они могутъ оказаться возбуждающими. Въ объяснительной запискѣ къ Угол. Улож. 1903 г. [1]) мы находимъ слѣдующія соображенія въ пользу наказуемости публичнаго распространенія мыслей, возбуждающихъ въ населеніи опасное состояніе умовъ:

«Не менѣе серьезную опасность для государственнаго порядка и спокойствія представляетъ непосредственное возбужденіе массъ къ противодѣйствію закону или законнымъ постановленіямъ власти, или къ учиненію какихъ либо иныхъ преступленій и проступковъ и содѣйствующее таковому возбужденію порицаніе власти. «Такое возбужденіе, замѣчаетъ профессоръ Листъ, учиненное публично, т. е. обращенное къ неопредѣленному и неограниченному числу лицъ, составляетъ несомнѣнно общеопасное дѣяніе: послѣдствія такого возбужденія нельзя предвидѣть, ими нельзя управлять, нельзя никоимъ образомъ разсчитать, гдѣ и когда вспыхнетъ искра, зароненная въ толпу, нельзя разсчитать, возродитъ ли она всепожирающее пламя, или загаснетъ безслѣдно и безвредно». Возбужденіе къ учиненію преступныхъ дѣяній является прежде всего подстрекательствомъ, и возбуждавшій можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, какъ непосредственный соучастникъ даннаго преступленія, но для такового признанія возбужденія подстрекательствомъ необходимо, чтобы виновный возбуждалъ къ конкретно опредѣленному преступному дѣянію, чтобы онъ дѣйствовалъ именно съ намѣреніемъ возбудить къ таковому и чтобы его воздѣйствіе дѣйствительно сопровождалось совершеніемъ преступнаго дѣянія: безъ наличности этихъ условій возбуждающій не можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности въ качествѣ соучастника. Такимъ образомъ одно возбужденіе страстей, проповѣдываніе идей, могущихъ повлечь за собою преступную дѣятельность, безъ воззванія къ учиненію опредѣленнаго проступка, несомнѣнно можетъ представить значительную опасность для общества, можетъ быть признано наказуемымъ но не какъ подстрекательство, а какъ delictum sui generis».

Но усматривая опасность въ распространеніи извѣстныхъ идей (мы говоримъ пока только объ идеяхъ,

---

[1]) Объясн. записка къ угол. улож. т. II, Спб. 1897, стр. 188—189.

угрожающихъ публичному порядку), законодатель, однако, не можетъ воспретить вообще знакомство съ этими идеями. Оно вполнѣ допустимо въ тѣхъ случаяхъ, когда обстановка ихъ выраженія парализуетъ ихъ вредное вліяніе.

Такъ, при обсужденіи въ 1863 г. ст. 620 уст. уг. суд., въ редакціонной комиссіи по составленію судебныхъ уставовъ возникъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли допускать закрытіе дверей судебнаго засѣданія въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе заключается въ распространеніи вредныхъ ученій. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно по слѣдующимъ соображеніямъ [1]):

Въ открытомъ обсужденіи этихъ преступленій нельзя видѣть способа ихъ распространенія. Не тщательное сокрытіе вредныхъ ученій въ тайнѣ, а обличеніе ихъ здравою критикою есть самое дѣйствительное противъ нихъ оружіе. Съ этой точки зрѣнія, приговоръ суда есть также критика, но еще болѣе вліятельная, такъ какъ она исходитъ отъ имени законной и всѣми уважаемой власти, которая, порицая самое ученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и отвѣтственность лицъ, его распространявшихъ. Необходимо, чтобы такая критика суда, выражаемая въ его приговорѣ, происходила гласно, какъ гласно совершались самыя преступленія. Тайный судъ способенъ только дать вредному ученію большее противъ дѣйствительности значеніе; онъ можетъ совершенно неправильно навести на мысль, что общество страшится его и признаетъ себя безсильнымъ для гласнаго его обсужденія.

Составители судебныхъ уставовъ такимъ образомъ понимали, что развитіе «вредныхъ ученій» въ обстановкѣ суда, гдѣ они подвергаются критикѣ, не представляетъ опасности, хотя бы даже подсудимый развивалъ ихъ здѣсь во всеуслышаніе. Въ нашей практикѣ до 1905 г. правительство въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ неоднократно сообщало выдержки изъ революціонной литературы и излагало вредныя ученія, хотя всякій органъ печати, попытавшійся сдѣлать то же самое подвергся бы немедленно административнымъ и судебнымъ репрессіямъ. И ни у кого не возникало сомнѣній

[1]) Объяснит. Записка къ уст. уг. суд. 1863 г., стр. 299.

въ допустимости этого. Существуютъ, слѣдовательно, такія государственныя основанія, по которымъ распространеніе извѣстныхъ «вредныхъ» мнѣній и сужденій можетъ имѣть мѣсто.

Ни для кого (также и для I-го Деп. Гос. Совѣта) нѣтъ сомнѣнія, что необходимость выраженія сужденій и мнѣній, каковъ бы характеръ ихъ не былъ, особенно важна для законодательныхъ учрежденій. «Свобода слова является существеннымъ правомъ свободныхъ собраній и каждаго парламента. Она столь необходима для законодательной дѣятельности, что если бы даже она не была открыто признана въ законѣ, то и тогда она явилась бы неотъемлемой составной частью парламента, его конституціи», — такъ начинаетъ Thomas Erskine May главу своего изслѣдованія объ англійскомъ парламентѣ, посвященную парламентскимъ привилегіямъ. Эту истину признаютъ даже самые ревностные противники свободы слова, отмѣчая только необходимость различать «свободу слова» отъ «злоупотребленія ею». Но какъ провести границу между тѣмъ и другимъ? Допустимымъ будетъ обнаруженіе мнѣній до тѣхъ поръ, пока оно соотвѣтствуетъ государственному благу; недопустимымъ оно становится, когда оно начинаетъ государственному благу вредить. Но кто является судьею того, что является «благомъ государства»? Прошло то время, когда одно правительство считалось судьею въ этомъ вопросѣ. Безплодными останутся и попытки тѣхъ авторовъ и учрежденій, которые хотятъ присвоить высшимъ административнымъ учрежденіямъ право намѣчать границы «дозволенной свободы и обсужденія». Понятіе «свободы», какъ оно характеризуется основными законами, стоитъ въ открытомъ противорѣчіи съ понятіемъ «дозволенности», ибо свобода зависитъ отъ закона, а не отъ административной власти. Представительный строй въ качествѣ одной изъ главныхъ своихъ посылокъ признаетъ свободу опредѣленія гражданъ въ томъ, что они считаютъ своимъ благомъ, и въ этомъ состоитъ весь смыслъ свободныхъ выборовъ. Каждый депутатъ отражаетъ «благія пожеланія» своихъ избирателей, а законодательное собраніе въ цѣломъ справедливо

почитается судьею народнаго блага, воплощать велѣнія котораго оно должно въ законахъ. Какая же посторонняя власть можетъ прійти и сказать, что въ томъ или иномъ случаѣ имѣло мѣсто «злоупотребленіе»? Допустимъ даже, что мнѣнія отдѣльнаго депутата, представляющаго только часть населенія или отдѣльные классы его, не будутъ отвѣчать этому «благу». Но развѣ тогда они не могутъ найти противовѣса въ мнѣніяхъ другой части членовъ? И развѣ ихъ нельзя подвергнуть критикѣ? Въ этой возможности гласной критики и таится то великое начало, которое позволило дать «полную свободу сужденій и мнѣній». Каждый присутствующій въ собраніи слышитъ мнѣнія различныхъ партій, и тѣмъ самымъ иммунизируется возможное «вредное» вліяніе отдѣльныхъ рѣчей. Но не только присутствующіе, но и вся страна можетъ слышать голосъ своихъ представителей чрезъ посредство, «добросовѣстныхъ» отчетовъ о засѣданіяхъ. Судебная практика странъ запада подъ «добросовѣстными» понимаетъ такіе отчеты, которые отражаютъ болѣе или менѣе вѣрно картину преній, не выдергивая изъ сказаннаго отдѣльныхъ мѣстъ съ опредѣленными тенденціозными цѣлями. Эта свобода отчетовъ покоится на презумпціи того, что различныя крайнія мнѣнія нейтрализуютъ другъ друга и что въ общемъ пренія являются отраженіемъ правильныхъ воззрѣній народа на то, что можно считать благомъ. Понятно также, поэтому, почему иммунитетъ можетъ отпадать съ приведеніемъ какой либо отдѣльной рѣчи. Правит. Сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Федорова (1907 г. № 25), въ общемъ примкнулъ къ такому пониманію, признавъ, что «воспроизведеніе въ печати и распространеніе отчетовъ о думскихъ засѣданіяхъ въ томъ именно видѣ, какъ таковые разрѣшены къ печатанію, должно быть допускаемо безпрепятственно и не можетъ считаться преступнымъ» Но тутъ же Сенатъ ввелъ въ свое рѣшеніе ограниченіе, крайне затрудняющее возможность воспользоваться этимъ правомъ:

«Всякое измѣненіе такихъ отчетовъ—пишетъ Сенатъ—въ количественномъ или качественномъ отношеніи, допущенное въ

періодической или повременной печати, составляетъ оглашеніе отчетовъ Думы не въ томъ видѣ, въ которомъ законъ дозволяетъ оглашеніе ихъ въ печати, и потому такіе измѣненные отчеты не могутъ пользоваться иммунитетомъ, обезпеченнымъ отчетамъ, оглашаемымъ согласно правиламъ, установленнымъ въ ст. 45 учр. Гос. Думы».

Разумное въ своемъ существѣ, это рѣшеніе, требованіемъ строгой точности, уподобляется рѣшенію Порціи, предписывающей Шейлоку:

Shed Thou no blood; nor cut thou less, nor more But just a pound of flesh.

Не является ли оно той справедливостью, которая ставитъ условія, завѣдомо неисполнимыя для пользованія правомъ?

Если считать, что законодательное учрежденіе въ цѣломъ въ своей дѣятельности отвѣчаетъ благу народа, то отдѣльныя сужденія и мнѣнія не могутъ быть опасными еще и потому, что мнѣнію большинства дается господство внутреннимъ распорядкомъ даннаго учрежденія. Выборомъ большинства замѣщается должность предсѣдателя, на которомъ лежитъ забота о соблюденіи уваженія къ закону въ преніяхъ. Рѣшеніемъ большинства налагаются дисциплинарныя кары, въ томъ числѣ и временное устраненіе членовъ Думы. Предсѣдатель опредѣляетъ не только объемъ допустимой свободы слова устнаго, но и объемъ допустимаго оглашенія въ печати отчетовъ о засѣданіяхъ Думы (ст. 45 учр). Въ дисциплинарной власти предсѣдателя и общаго собранія я не вижу суррогата наказанія и не думаю, что наличность ея показываетъ, что депутаты за злоупотребленія свободой слова только «безнаказанны», но не «безотвѣтственны». Дисциплинарная власть есть мѣра самозащиты собранія отъ дѣйствій, нарушающихъ его порядокъ, будь эти дѣйствія противоправными съ точки зрѣнія общаго закона, или нѣтъ, безразлично. Такимъ образомъ внутренній контроль надъ рѣчами депутатовъ есть только послѣдствіе подчиненія идеи свободы слова требованіямъ порядка. Эта мысль выражается иногда въ той формѣ, что «свобода мнѣній» присваивается не отдѣльнымъ членамъ, а всему учрежденію, какъ то

отразилось хотя бы на ст. 5 учр. Гос. Совѣта (прод. 1906 г.). Тамъ же, гдѣ эта свобода представлена отдѣльнымъ депутатамъ, какъ напр., въ учрежденіи Гос. Думы, тамъ подчеркивается, кромѣ того, извѣстная самостоятельность отдѣльнаго члена собранія по отношенію къ большинству. Не даромъ «свобода сужденій и мнѣній» поставлена рядомъ съ отсутствіемъ обязанности давать отчетъ предъ своими избирателями. Ни большинство Думы, ни избиратели не должны самовольно стѣснять этой свободы. Она ограничивается только необходимостью поддерживать порядокъ и уваженіе къ закону.

Необходимо обратить также вниманіе на то, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ распространеніе сужденій и мнѣній карается нашимъ закономъ только тогда, когда оно учинено публично [1]). Гласность же засѣданій Гос. Думы существенно отличается отъ «публичности», требуемой уголовнымъ закономъ. «По ототношенію къ чтенію сочиненій и произнесенію рѣчей— находимъ мы въ объяснительной запискѣ—публичность должна означать нахожденіе на мѣстѣ толпы, или болѣе или менѣе значительнаго количества постороннихъ лицъ» [2]). При публичномъ произнесеніи рѣчи или чтеніи ораторъ непосредственно обращается къ постороннимъ, имѣя цѣлью создать въ нихъ тѣ или иныя убѣжденія. Въ Гос. Думѣ присутствіе постороннихъ съ разрѣшенія предсѣдателя допускается (ст. 43 учр. Гос. Думы), но тотъ фактъ, находятся они или нѣтъ

---

[1]) Непубличное распространеніе карается обыкновенно, если оно происходило «среди сельскаго населенія, войска, рабочихъ, или вообще такихъ лицъ въ коихъ эти ученія или сужденія не могли бы встрѣтить надлежащаго противорѣчія и возбужденіе коихъ въ то же время угрожало бы опасностью государственному спокойствію» (ст. 130).

[2]) Объясн. зап. къ уголовн. улож. 1897 г., т. II, стр. 206. Тамъ же см. аналогичныя опредѣленія западныхъ законодательствъ. Германская практика по закону 19 апрѣля 1908 г. подъ «публичными собраніями» подразумѣваетъ «собранія, допускающія по условіямъ ихъ созыва и мѣсту присутствіе неопредѣленной толпы людей» (Goerke, Reichsvereingesetz, 1908. S. 46). Въ нашихъ временныхъ правилахъ о собраніяхъ отъ 4 марта 1906 публичными признаются «собранія, доступныя неопредѣленному числу лицъ, или хотя бы и опредѣленному числу лицъ, но лично неизвѣстныхъ устроителямъ собранія». Это опредѣленіе, однако, примѣнимо къ *частнымъ* собраніямъ или собраніемъ обществъ и союзовъ, но не къ дѣятельности офиціальныхъ учрежденій.

въ данный моментъ, безразличенъ для депутата, произносящаго свою рѣчь. Если бы депутатъ долженъ быть въ зависимости отъ присутствія или отсутствія постороннихъ лицъ мѣнять содержаніе своей рѣчи, то гласность засѣданій Гос. Думы должна была бы быть признана не полезнымъ, а вреднымъ началомъ законодательной дѣятельности. Первый департаментъ Госуд. Совѣта, обосновывавшій свой взглядъ на примѣнимость ст. 1535 улож. о нак. къ дѣлу Г. Кузнецова, для установленія публичности, требуемой этой статьей, ссылался не на возможность присутствія посторонней публики, а на то, что «произносимыя въ Гос. Думѣ рѣчи завѣдомо для членовъ Думы записываются стенографически и распространяются затѣмъ во всеобщее свѣдѣніе». Такая конструкція «публичнаго распространенія» является однако совершенно недопустимой. Въ силу нея, напр, долженъ былъ бы отвѣчать по ст. 129 тотъ политическій дѣятель, который сообщилъ свои мысли интервьюеру, такъ какъ они завѣдомо для него записывались и предназначались для сообщенія во всеобщее свѣдѣніе. По той же статьѣ отвѣчалъ бы и тотъ ораторъ, который произносилъ бы свою рѣчь въ трубку фонографа, находясь хотя бы въ четырехъ стѣнахъ, ибо и тогда его рѣчь была бы записана и могла быть распространена во всеобщее свѣдѣніе. Распространеніе требуетъ не возможной въ будущемъ публичности, а публичности непосредственной. Только въ этихъ условіяхъ оно наказуемо. Но, кромѣ того, по скольку, по толкованію Сената, не наказуемо распространеніе стенографическихъ отчетовъ, постольку и соучастіе въ немъ не можетъ быть наказуемымъ.

Публичность распространенія не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ гласность является аттрибутомъ дѣятельности учрежденія, установленнымъ въ законѣ. Было время, когда офиціальные акты власти были окутаны тайной. Это начало до сихъ поръ сохраняется какъ фикція въ Англіи. Тамъ до 1909 г., когда, наконецъ, были заведены офиціальные стенографическіе отчеты, предполагалось, что засѣданія Парламента непубличны. Сначала Парламентъ дѣятельно боролся за соблюденіе

этой тайны. Но затѣмъ это начало пало подъ вліяніемъ потребности населенія знать о работѣ важнѣйшаго государственнаго учрежденія, и замѣнилось началомъ терпимости. Посторонніе присутствуютъ въ Парламентѣ, но спикеръ «не видитъ ихъ»; отчеты о засѣданіяхъ печатаются въ газетахъ, но Парламентъ «не знаетъ» объ этомъ, и до сихъ поръ, если какой либо изъ членовъ Парламента будетъ вызванъ въ судъ для дачи показаній о происходившемъ въ Парламентѣ, онъ долженъ отказаться отъ этого сославшись на «тайну». Во главѣ управленія стоитъ и понынѣ «Тайный Совѣтъ короля», составную часть котораго составляетъ кабинетъ министровъ. И присяжные большого жюри въ судѣ донынѣ клянутся «блюсти тайну короля и его совѣтниковъ». Но на практикѣ засѣданія Тайнаго Совѣта (по судебнымъ дѣламъ) давно уже стали гласными, и присяжные давно повѣряютъ представленные имъ отъ лица короля доказательства въ публичномъ засѣданіи. Какъ примирить эту фикцію тайны съ существующей на дѣлѣ самой широкой гласностью? Это якобы противорѣчіе объясняется, если мы приведемъ различіе между понятіемъ гласности и понятіемъ «публичнаго распространенія».

Для парламента или для суда совершенно безралично, присутствуютъ или нѣтъ постороннія лица при его засѣданіяхъ. Официальный характеръ его дѣйствій отъ этого нисколько не мѣняется. За его дѣйствіями можетъ наблюдать или произносимыя въ немъ рѣчи можетъ слушать всякій, но присутствіе этихъ постороннихъ лицъ для самаго учрежденія и участвующихъ въ немъ лицъ составляетъ фактъ индифферентный. Тоже самое дѣйствительно и для суда. Наоборотъ, для понятія «публичнаго распространенія» присутствіе опредѣленнаго числа постороннихъ лицъ и обращеніе рѣчи именно къ нимъ составляютъ необходимые признаки. При гласности члены, участвующіе въ учрежденіи, совершенно не обращаютъ вниманія на то, какое вліяніе окажутъ ихъ рѣчи на присутствующихъ постороннихъ; они для нихъ не существуютъ. Только предсѣдателю предоставляется блюсти за тѣмъ, что бы въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе посторон-

нихъ можетъ явиться опаснымъ въ цѣляхъ общественнаго порядка или по другимъ причинамъ они были удалены. Остальные участвующіе не должны объ этомъ заботиться, ихъ интересуетъ только предметъ обсужденія. Въ публичномъ собраніи, наоборотъ, вліяніе, оказываемое рѣчами говорящихъ на присутствующихъ, есть цѣль, достигаемая каждымъ говорящимъ, и онъ несетъ за это отвѣтственность. Въ настоящее время гласность присуща актамъ законодательной и судебной власти, въ извѣстныхъ стадіяхъ. Она, говоря кратко, *даетъ возможность странѣ знакомиться* съ дѣятельностью власти, но *не состоитъ въ активномъ распространеніи свѣдѣній* о ней среди населенія.

Съ этой точки зрѣнія будетъ понятнымъ, почему нѣсколько лѣтъ тому назадъ наше общество такъ горячо протестовало противъ осужденія адвоката за рѣчь, сказанную въ засѣданіи суда, по ст. 129 угол. улож., карающей за публичное распространеніе. Въ литературѣ тогда было выдвинуто соображеніе о профессіональномъ долгѣ адвоката, какъ объ обстоятельствѣ, исключающемъ отвѣтственность. На мой взглядъ, такое осужденіе было неправильно, такъ какъ здѣсь не было «публичнаго распространенія». Наши судебныя засѣданія къ числу «публичныхъ собраній» не относятся, а признанная закономъ гласность ихъ еще не дѣлаетъ произнесенія въ нихъ рѣчей со стороны призванныхъ для участія въ правосудіи лицъ публичнымъ распространеніемъ.

Изъ особаго характера гласности засѣданій Гос. Думы слѣдуетъ, что не только члены ея, но и другіе лица (министры, ихъ подчиненные, приглашенные Думой эксперты и пр.), сообщая съ кафедры Гос. Думы свѣдѣнія, не могутъ быть признаны въ «публичномъ распространеніи». Въ этой мѣрѣ и они покрываются иммунитетомъ. Но «полной свободой» эти лица не пользуются. Они могутъ быть привлечены своимъ начальствомъ за разглашеніе тайнъ служебныхъ, за превышеніе предоставленныхъ ихъ полномочій и т. д.

Итакъ мы установили, что члены Гос. Думы, нарушая даже тотъ или иной запретъ уголовнаго закона,

воспрещающаго публичное распространеніе мнѣній и сужденій опаснаго характера, не совершаютъ противоправнаго дѣянія 1) потому, что въ условіяхъ ихъ дѣятельности предполагаются устраненной «опасность» самихъ сужденій; и 2) потому, что произнесеніе рѣчи не можетъ быть почитаемо «публичнымъ распространеніемъ». Наше предположеніе о возможной случайности въ редакціи ст. 14 учр. Гос. Думы отпадаетъ. Полная свобода предоставлена народнымъ представителямъ потому, что оно диктуется велѣніями народнаго блага и что ограниченія уголовныхъ законовъ, установленныя въ цѣляхъ устраненія опасности, здѣсь не оправдываются.

Но посмотримъ затѣмъ, до какихъ предѣловъ эта свобода сужденій и мнѣній распространяется. Въ этомъ отношеніи я долженъ разойтись съ предшествующими изслѣдователями вопроса.

Проф. А. Жижиленко пишетъ.[1]) слѣдуя повидимому въ этомъ отношеніи мнѣнію проф. Биндинга[2]):

Привилегія безотвѣтственности распространяется на всѣ дѣянія, учиняемыя посредствомъ слова, слѣдовательно, съ точки зрѣнія нашего законодательства на богохульство (ст. 73 у. у.), кощунство (ст. 74 у. у.), поношеніе нехристіанской религіи (ст. 75 у. у.), возбужденіе православнаго къ переходу въ иное вѣроисповѣданіе (ст. 90 у. у.), оскорбленіе Величества (ст. 102, 106, 107 у. у.), подговоръ составить сообщество для учиненія бунтовщическаго дѣянія (ст. 102 ч. 4 у. у.), опубликованіе государственныхъ тайнъ (ст. 111 у. у.) оказаніе дерзостнаго неуваженія Верховной власти и порицанія образа правленія и порядка наслѣдія престола (ст. 128 у. у.), возбужденіе массъ къ совершенію преступныхъ и противозаконныхъ дѣяній (ст. 129 у. у.), оскорбленіе иностраннаго дипломатическаго агента (ст. 261 ул. о. н.), оскорбленіе чиновника (ст. 286 ул. о н.), разглашеніе ложныхъ слуховъ (ст. 135 п. 3 у. у. и 275^1 и 281^1 ул. о н.), возбужденіе къ противодѣйствію выборамъ въ Гос. Думу и массовому воздержанію отъ нихъ (ст. 328^2 у. о. н.), употребленіе подложныхъ документовъ (ст. 294 ул. о. н.), вызовъ

---

[1]) Цит. соч. стр. 50.
[2]) *Binding* Handbuch 1885, стр. 675.

на поединокъ (ст. 1497 ул. о. н.), обида (ст. 130 уст. о. н.), клевета (ст. 136 уст. о. н.) и угроза (ст. 139 уст. о. н.). Таковъ по нашему праву объемъ тѣхъ деликтовъ, которые могутъ быть учинены словомъ и на которые распространяется привилегія.

Л. А. Шалландъ, не перечисляя отдѣльныхъ статей нашего законодательства, кратко замѣчаетъ [1]):

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что безотвѣтственность признается учрежденіемъ Гос. Думы лишь для нѣкоторыхъ словесныхъ деликтовъ: ст. 14 либо узаконяетъ привилегію, тогда она распространяется на всѣ правонарушенія; либо она не знаетъ ея вовсе—въ этомъ случаѣ никакихъ исключеній быть не можетъ. Какъ мы постарались показать, преимущество должно быть отдано первому предположенію.

Съ утвержденіями обоихъ уважаемыхъ авторовъ я позволю себѣ не согласиться по нижеслѣдующимъ основаніямъ.

Предоставляя членамъ Думы свободу сужденій и мнѣній, наше законодательство нигдѣ не указываетъ, что мнѣнія и сужденія должны быть выражены непремѣнно въ изустной словесной формѣ. Депутатъ остается безотвѣтственнымъ и тогда, когда онъ выражаетъ эти мнѣнія инымъ способомъ: *дѣйствіями* (напр., удаленіе изъ залы засѣданія съ демонстративной цѣлью, парламентская обструкція путемъ шума и крика, вставаніе при голосованіи и т. п.) или *на письмѣ* (запросы, наброски рѣчей, подаваемыя предсѣдателю заявленія и пр.). Съ такой точки зрѣнія, напр, членъ Думы не можетъ быть привлеченъ по ст. 282 улож. о нак. за нарушеніе порядка въ присутственномъ мѣстѣ или по ст. 132 у. у. за составленіе возбуждающаго сочиненія, если этимъ сочиненіемъ явилась его рѣчь, найденная у него при обыскѣ.

Переходя затѣмъ къ преступленіямъ, учиняемымъ посредствомъ слова, мы считаемъ нужнымъ раздѣлить ихъ на три группы: 1) дѣянія, состоящія въ публичномъ распространеніи сужденій; 2) дѣянія, состоящія въ распространеніи, учиненномъ хотя бы и не публично, и 3) прочія дѣянія, учиненныя посредствомъ

[1]) Цит. соч. стр. 24 отд. оттисковъ.

слова. Въ первую группу должны быть отнесены: возбужденіе къ переходу православнаго въ иное исповѣданіе (ст. 90 у. у.), оказаніе дерзостнаго неуваженія Верховной власти и порицаніе образа правленія (ст. 128 у. у.), противозаконное возбужденіе массъ (ст. 129 у. у.), оскорбленіе иностраннаго дипломатическаго агента (ст. 261 ул. о нак.), оскорбленіе умершихъ предшественниковъ монарха (ст. 107 уг. ул.), публичное оскорбленіе Величества (ст. 103), призывъ къ воздержанію отъ участія въ выборахъ въ Думу и Гос. Совѣтъ (ст. 328[2]), распространеніе ложныхъ слуховъ (ст. 275[1], 281[1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ дѣяніяхъ депутата нѣтъ преступнаго элемента, такъ какъ произнесеніе рѣчи въ Думѣ не есть публичное распространеніе и такъ какъ ему обезпечена «полная свобода сужденій и мнѣній». Вторую группу составляютъ преступныя дѣянія, состоящія въ обнаруженіи мыслей, сдѣланная хотя и непублично, но съ опредѣленною цѣлью. Таковы богохульство и кощунство (ст. 73 и 74 у. у.), караемыя лишь при наличности цѣли произвести соблазнъ между вѣрующими [1]); оскорбленіе Величества (ст. 104, 106 у. у.), караемое въ случаѣ непубличности лишь при наличности цѣли вызвать неуваженіе къ особѣ оскорбленнаго. Наличность ея превращаетъ дѣяніе изъ обнаруженія мыслей въ орудіе оскорбленія. Наконецъ, третья группа заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя дѣянія, могущія быть учиненными посредствомъ слова: клятвопреступленіе (ст. 236 у. о. н.), вызовъ на поединокъ (ст. 1457), разглашеніе государственныхъ тайнъ (ст. 111 у. у.), употребленіе подложныхъ документовъ (ст. 294), подговоръ къ составленію сообщничества бунтовщическаго характера (ст. 102 п. 4), нарушеніе авторскаго права (ст. 620 у. у.) и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово не является средствомъ одного только выраженія мнѣній, а есть орудіе для преступнаго посягательства, рав-

[1]) Отнесеніе ст. 76 уг. ул. сюда очевидно продуктъ недоразумѣнія, ибо поношеніе нехристіанской религіи карается лишь «при публичномъ совершеніи установленаго этимъ вѣроисповѣданіемъ общественнаго религіознаго служенія».

носильное всякому другому дѣйствію. Путемъ слова можетъ быть учинено мошенничество, шантажъ, вымогательство, лжеприсяга. Во всѣхъ и такихъ случаяхъ оно нарушаетъ правоохраненныя блага не силой заключающагося въ немъ субъективнаго мнѣнія, а тѣми дѣйствіями, для осуществленія которыхъ оно произносится. Вызовъ на поединокъ преступенъ не какъ отраженіе мнѣнія лица о необходимости поединка, а какъ нѣкоторая угроза благамъ вызываемаго послѣдующими дѣйствіями. То же можно сказать и объ остальныхъ дѣяніяхъ этой группы.

До сихъ поръ я намѣренно воздерживался отъ оцѣнки дѣяній, состоящихъ въ оскорбленіи чести. При обсужденіи вопроса объ отвѣтственности членовъ Думы эта категорія преступныхъ дѣяній въ официальныхъ мнѣніяхъ и постановленіяхъ событіями была выдвинута на первый планъ, и при рѣшеніи этого частнаго вопроса различныя точки зрѣнія переплетались другъ съ другомъ настолько, что основныя положенія парламентскаго иммунитета терялись изъ виду. Между тѣмъ вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, рѣшается самостоятельно и не связанъ съ общей конструкціей. De lege ferenda, можно много спорить о желательности или нежелательности покрытія этихъ дѣяній иммунитетомъ [1]). Но de lege lata, приходится, отрѣшившись отъ точки зрѣнія желательности, посмотрѣть, поскольку оскорбленіе чести другихъ лицъ покрывается понятіемъ «полной свободы сужденій и мнѣній».

На почвѣ понятій, выработанныхъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, рѣшеніе вопроса является болѣе легкимъ. Оскорбленіе здѣсь распадается на личную обиду (ст. 530) и опозореніе (ст. 531), квалифицируемое въ случаѣ публичнаго распространенія (ст. 533). Наказуемость опозоренія отпадаетъ, если обвиняемый докажетъ, что разглашенное обстоятельство истинно или что онъ имѣлъ достаточное основаніе считать такое разглашенное обстоятельство истиннымъ и учинилъ такое разглашеніе ради государственной или обществен-

[1]) См. по этому вопросу *Шалланд*ъ Иммунитетъ народныхъ представителей, т. II, стр. 193—202.

ной пользы или въ интересѣ исполняемой имъ обязанности, или для защиты личной чести или чести его семьи (ст. 537).

По отношенію къ «личной обидѣ» я согласенъ съ мнѣніемъ перваго департамента Гос. Совѣта, полагавшаго, что «подъ понятіе свободы сужденій и мнѣній, очевидно не можетъ быть подводима допустимость употребленія бранныхъ словъ и оскорбительныхъ выраженій... Въ противномъ случаѣ совершенно необходимое для законодательной дѣятельности откровенное, независимое слово, могло бы обратиться въ свободу брани и оскорбленій, не соотвѣтствующую достоинству высокаго законодательнаго собранія». Личная обида не является только обнаруженіемъ мысли; здѣсь дѣятелю присущъ особый умыселъ обидѣть, animus injuriandi, представляющій собою стремленіе къ нарушенію защищаемаго закономъ чужого права чести. Запрещеніемъ обидныхъ выраженій свобода мнѣній не стѣсняется; устраняются лишь опредѣленныя формы сужденій, безъ посягательства на существо послѣднихъ. Понятіе свободы выработано публичнымъ правомъ, и этимъ понятіемъ не можетъ быть обнимаемо прямое нарушеніе правъ частныхъ лицъ. Честь, съ такой точки зрѣнія, охраняется въ одинаковой степени какъ жизнь, здоровье, имущество лица. Почему обида дѣйствіемъ должна быть наказуемой, а порою еще болѣе тяжкая обида словомъ остаться безнаказанной? И куда слѣдуетъ отнести тогда символическую обиду?

Практически я не вижу также никакой опасности въ нераспространеніи иммунитета на случай личной обиды. Это дѣяніе по новому уложенію можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ членамъ самой Думы или выступающимъ въ ней представителямъ власти. Въ первомъ случаѣ сознаніе отвѣтственности можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на самое собраніе. Вмѣшательство предсѣдателя не всегда можетъ предупредить произнесеніе бранныхъ и оскорбительныхъ выраженій, да и, кромѣ того, предсѣдатель не въ состояніи всегда принимать на себя иниціативу наложенія дисциплинарныхъ взысканій за это, такъ какъ большею частью

только потерпѣвшій можетъ сознавать то или иное выраженіе, какъ личное оскорбленіе. Не даромъ преслѣдованіе по такимъ дѣламъ можетъ возбуждаться только по жалобѣ потерпѣвшаго. Съ другой стороны, допущеніе оскорбительныхъ выраженій со стороны однихъ членовъ неизбѣжно вызываетъ, какъ средство противодѣйстія, аналогичныя же оскорбленія со стороны другихъ и все вмѣстѣ превращаетъ спокойное обсужденіе законодательныхъ вопросовъ въ страстную борьбу оскорбленнаго самолюбія, гдѣ въ жертву личной мести за оскорбленную честь порою приносятся интересы дѣла. Такъ наз. парламентскіе скандалы въ значительной степени являются результатомъ подобной безнаказанности. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такая безнаказанность вызываетъ парламентскіе дуэли, парламентскую обструкцію и что, всего важнѣе, способствуетъ дискредитированію народнаго представительства въ глазахъ массы гражданъ, знакомящихся изъ стенографическихъ отчетовъ со всѣми подробностями происходившаго. Я не сомнѣваюсь, что такая свобода брани и оскорбленій является менѣе всего въ интересахъ той части Думы, которая серьезно и съ сознаніемъ общественнаго долга относится къ лежащимъ на депутатахъ обязанностямъ. То же слѣдуетъ сказать и о представителяхъ правительства, выступающихъ въ Думѣ. Необходимость постояннаго сотрудничества съ ними и уваженіе къ авторитету власти, дающей отчетъ предъ народнымъ представительствомъ, заставляютъ требовать надлежащей сдержанности въ формѣ выражаемыхъ мнѣній. Предоставленіе обычнымъ судамъ права подвергать отвѣтственности виновныхъ не можетъ угрожать свободѣ и независимости парламентскаго слова, ибо мы всегда будемъ имѣть дѣло съ жалобами частныхъ лицъ, а не съ правительственнымъ обвиненіемъ. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ потерпѣвшіе будутъ предпочитать публичное извиненіе или взятіе словъ назадъ судебному преслѣдованію [1]). По тѣмъ же основаніямъ

[1]) См. по этому вопросу также пренія въ Спб. Юрид. Обществѣ по докладу А. А. Жижиленко и высказанныя мною въ преніяхъ соображенія. Труды Юрид. Общ., т. I, 1910, стр. 420.

возможна отвѣтственность членовъ Думы за обиду дѣйствіемъ (ст. 133—135 уст.) и угрозу (ст. 139 и 140 уст.).

Для дѣйствующаго права возникаетъ вопросъ, по какой статьѣ долженъ отвѣчать членъ Думы, допустившій оскорбительныя выраженія: по ст. 130 устава о нак., какъ за общую обиду, или по ст. 286 и 286^2 улож. за оскорбленіе должностнаго лица или члена Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей ихъ званія или должности или по ст. 347 улож.—за оскорбленіе при отправленіи должности. Мы склоняемся въ пользу ст. 286 и 286^2. Служебное оскорбленіе, предусмотрѣнное ст. 347, неприменимо до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе раздѣла пятаго о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной не распространено на преступленія членовъ Гос Думы, учиненныя при исполненіи обязанностей ихъ званія. Ст. 130 уст. вытѣсняется спеціальнымъ постановленіемъ указанныхъ выше статей.

Переходимъ ко второму виду оскорбленія—опозоренію. Дѣйствующее право различаетъ здѣсь клевету (ст. 136 уст. и 1535 улож.) и опозореніе въ печати (1039 улож.). Новое уложеніе сливаетъ оба деликта въ понятіи опозоренія, выдѣляя опозореніе въ печати какъ спеціальный видъ (ст. 531, 533). На почвѣ уложенія 1903 г. нѣтъ особой трудности установить границу безотвѣтственности членовъ Думы. Ст. 537 даетъ гарантію безнаказанности для всякаго добросовѣстнаго разглашенія, учиненнаго ради государственной или общественной пользы или въ интересѣ исполняемой обязанности. Мало того, здѣсь не примѣнима даже ст. 538 п. 2, представляющая изъятіе изъ этой привилегіи для частной и семейной жизни, такъ какъ, согласно вышеуказанному, рѣчь депутата не можетъ быть приравниваема къ публичной рѣчи.

На почвѣ дѣйствующаго права эта привилегія не выражена явно, но зато требуется «завѣдомая ложность разглашаемыхъ обстоятельствъ». Однако Гос. Совѣтъ, ссылаясь на практику, полагаетъ возможнымъ признать эту привилегію и для дѣйствующаго права:

«Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что члены законодательныхъ собраній по существу и характеру своей дѣятельности бываютъ иногда вынуждены оглашать въ своихъ рѣчахъ свѣдѣнія, могущія затрагивать честь и доброе имя отдѣльныхъ лицъ. Иногда самое оглашеніе такого рода завѣдомо позорящихъ чью либо честь обстоятельствъ можетъ быть обусловлено высокими побужденіями необходимости защиты государственныхъ интересовъ и послужитъ основаніемъ къ пресѣченію вредныхъ для общественнаго блага послѣдствій. Въ такихъ именно случаяхъ дарованное членамъ Думы драгоцѣнное право свободы слова, использованное въ предѣлахъ сужденія по вопросу, подлежащему разсмотрѣнію Гос. Думы, не можетъ, конечно, являться незаконномѣрнымъ и служитъ основаніемъ для привлеченія къ отвѣтственности. Къ такому выводу приводитъ не содержаніе ст. 14 учр. Гос. Думы, а то общее начало вытекающее изъ уголовныхъ законовъ и неуклонно проводившееся въ судебной практикѣ, что никто не можетъ быть отвѣтственнымъ за разглашеніе обстоятельства, позорящаго честь другого лица, если такое дѣйствіе учинено ради государственной или общественной пользы или вызвано интересомъ исполняемыхъ имъ обязанностей службы или званія.

Принявъ это «общее начало, вытекающее изъ уголовныхъ законовъ»—хотя въ законѣ, конкретно и не выраженное, мы можемъ и на почвѣ дѣйствующаго права признать, что рѣчь депутата, связанная во исполненіе обязанностей его званія, хотя и разглашающая позорящія кого-либо обстоятельства, не можетъ влечь отвѣтственности для него.

Этотъ выводъ признаетъ и Сенатъ въ своемъ рѣшеніи отъ 15 октября 1912 г.

Можно съ положительностью утверждать, что никакое оскорбительное оглашеніе, сдѣланное членомъ Гос. Думы при исполненіи или по поводу исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, коль скоро оно добросовѣстно и вызвано только государственными и общественными интересами, а не посторонними обсуждаемому дѣлу побужденіями, не должно и не можетъ вызывать отвѣтственности за злоупотребленіе свободою слова. Возбраненіе же умышленной лжи или безцѣльнаго опозоренія и поносительныхъ и ругательныхъ выраженій не только не можетъ стѣснить полной свободы ихъ сужденій и мнѣній,

но лишь служитъ къ священной охранѣ достоинства и авторитета законодательнаго собранія и его членовъ.

Такое рѣшеніе вопроса требуетъ, однако, дальнѣйшаго развитія. Возникаетъ вопросъ о томъ, кто же будетъ рѣшать, соотвѣтствовала ли рѣчь обязанностямъ званія и была ли она вызвана соображеніями государственной или общественной пользы. Первый департаментъ Гос. Совѣта даетъ этому вопросу опредѣленное рѣшеніе:

Если согласно преподанному Прав. Сенатомъ разъясненію (1871 г. 846 дѣло Мироновича), по вопросу о порядкѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ за клевету въ бумагѣ, поданной по начальству, требуется предварительное разсмотрѣніе начальствомъ должностного лица приписываемыхъ послѣднему клеветническихъ разоблаченій и предоставленіе имъ потерпѣвшему права преслѣдовать виновнаго въ порядкѣ частнаго обвиненія, то казалось бы, что и для привлеченія къ отвѣтственности членовъ Гос. Думы за клевету, при исполненіи обязанностей ихъ званія, необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предварительное соображеніе подлежащею властью допустимости такого рода обвиненія... Если институтъ такъ называемой административной гарантіи должностныхъ лицъ, имѣющій своею цѣлью огражденіе служащихъ отъ возможности возбужденія противъ нихъ частными лицами ясно неосновательныхъ обвиненій, требуетъ, какъ выше было указано, разрѣшенія начальства должностного лица по вопросу о возбужденіи противъ него преслѣдованія за клевету, предусмотрѣнную ст. 1535 ул. о нак., то тѣмъ болѣе такая гарантія необходима въ такихъ случаяхъ въ отношеніи лицъ, призванныхъ къ участію въ законодательной дѣятельности.

Противъ законотолкованія возражалъ министръ юстиціи:

Сомнительнымъ представляется также примѣненіе за клевету того порядка, который былъ преподанъ въ рѣшеніи Прав. Сената по дѣлу Мироновича, состоявшемся еще въ 1871 г., и при томъ по отношенію къ низшему полицейскому чиновнику, противъ котораго заявлялось обвиненіе въ оклеветаніи частнаго лица въ письменномъ докладѣ своему начальству. Важно и то, что послѣ этого рѣшенія, разъясненіемъ Прав. Сената въ 1892 г. по дѣлу Дорна, подъ дѣйствіе ст. 1535 улож. о нак.

подведена клевета въ рѣчи, произнесенной публично. Возможно ли распространить на эту послѣднюю клевету рѣшеніе Сената по дѣлу Мироновича и при томъ въ отношеніи лицъ, не состоящихъ на службѣ, общественной или государственной, составляетъ вопросъ, требующій тщательнаго и подробнаго обсужденія. Большое сомнѣніе возбуждаетъ и самая возможность отнесенія къ вѣдѣнію перваго департамента Гос. Совѣта, безъ особаго о томъ упоминанія въ законѣ, предварительнаго разрѣшенія вопроса о предоставленіи частнымъ обвинителямъ преслѣдованія членовъ Гос. Думы за клевету.

На соображенія министра юстиціи нѣкоторые члены перваго деп. Гос. Совѣта привели слѣдующее соображеніе общаго характера:

Вновь изданные законы (Учрежденіе Гос. Думы), опредѣляющіе права, обязанности и отвѣтственность членовъ Гос. Думы, не устраняютъ отвѣтственности послѣднихъ за клевету, если разглашеніе, хотя бы и позорящаго честь другого лица, обстоятельства, не было вызвано долгомъ и интересами принадлежащаго имъ званія. Иначе говоря, въ основу такого заключенія, по весьма спорному вопросу объ отвѣтственности членовъ законодательныхъ учрежденій за злоупотребленіе свободою слова, было положено то общее начало, на которомъ покоится отвѣтственность всякаго носителя власти или званія за эти преступныя дѣянія. Отсюда логически вытекаетъ необходимость, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всесторонней оцѣнки и соображенія произнесенной рѣчи со всею совокупностью условій и обстоятельствъ, ее сопровождавшихъ, и если, согласно разъясненію Прав. Сената, такая оцѣнка возлагается на тѣ коллегіальныя учрежденія, которыя, въ качествѣ начальства должностныхъ лицъ, вѣдаютъ дѣла о преданіи ихъ суду, то безъ сомнѣнія то же право должно принадлежать тому учрежденію, на которое по закону возлагается разрѣшеніе вопросовъ о привлеченіи членовъ Гос. Думы къ отвѣтственности за преступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей ихъ званія.

Возникшее по этому вопросу разногласіе было передано на разъясненіе Сената Оно, однако, было оставлено Сенатомъ безъ разсмотрѣнія въ виду признанія, что не только служебныя, но и всякія дѣянія (въ томъ числѣ и клевета) подлежатъ преслѣдованію въ порядкѣ

22 ст. учр. Гос. Думы, т. е., предварительно поступаютъ на заключеніе перваго департамента Гос. Совѣта.

Оспаривая правильность рѣшенія Сената по вопросу объ отвѣтственности депутатовъ, мы должны будемъ выяснить наше отношеніе къ возникшему между первымъ деп. Гос. Совѣта и министромъ юстиціи разногласію. Первый департаментъ совершенно правильно указалъ, что опредѣленіе того, какими мотивами вызывалось разглашеніе позорящихъ обстоятельствъ (и слѣдовательно, наказуемо оно или нѣтъ), возможно лишь «по всестороннемъ разсмотрѣніи подлежащимъ учрежденіемъ содержанія сказанной рѣчи въ связи съ совокупностью тѣхъ обстоятельствъ, при наличности коихъ она была произнесена». Но какое именно мы должны разумѣть подъ «подлежащимъ учрежденіемъ». Должны ли признать, что опредѣленіе этого вопроса принадлежитъ первому деп. Гос. Совѣта, или же, какъ я лично считаю болѣе правильнымъ, что оно принадлежитъ самой Гос. Думѣ? Въ своемъ постановленіи первый деп. Гос. Совѣта ссылается на дѣло Мироновича 1871 г. Обращаясь къ кассаціонному разъясненію по этому дѣлу, мы видимъ, что имъ производится распространеніе компетенціи начальства на опредѣленіе вопроса о томъ, вызывалось ли требованіями службы означенное разглашеніе. По этому поводу мы читаемъ въ самомъ рѣшеніи:

Если начальство должностного лица признаетъ, что взведенное послѣднимъ въ своемъ донесеніи на кого либо обвиненіе не имѣетъ никакого отношенія ни къ служебнымъ обязанностямъ доносителя, ни къ кругу вѣдомства его начальства, то несправедливость такого обвиненія можетъ быть преслѣдуема на общемъ основаніи, т. е. въ общемъ порядкѣ судопроизводства. Изъ этого слѣдуетъ, что во всякомъ случаѣ оклеветанный въ бумагѣ, поданной должностнымъ лицомъ по начальству, не можетъ начать уголовнаго иска съ обвиняемаго въ клеветѣ иначе, какъ предъявленіемъ своей жалобы тому начальству, которому бумага эта представлена, и которому исключительно принадлежитъ право опредѣлить: относится ли донесеніе, называемое клеветническимъ, къ предметамъ служебныхъ обязанностей доносителя и къ кругу вѣдомства его

начальства, или оно выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства того и другого, т. е. составляетъ постороннее обязанностямъ службы заявленіе.

Изъ этого рѣшенія первый департаментъ дѣлаетъ выводъ слѣдующаго рода: толкованіе Сената распространяетъ на эти случаи административную гарантію; послѣдняя принадлежитъ вѣдѣнію начальства должностного лица а примѣнительно къ членамъ Думы роль начальства играетъ первый департаментъ. Не трудно, однако, убѣдиться въ ошибочности подобнаго разсужденія. Административная гарантія присвоена у насъ по закону должностнымъ лицамъ лишь за служебныя преступленія. Въ данномъ случаѣ начальство не рѣшаетъ вопроса о преступномъ или непреступнымъ характерѣ дѣйствій лица, а рѣшаетъ вопросъ о томъ, имѣли ли они отношеніе къ его служебнымъ обязанностямъ, или нѣтъ. О начальствѣ говорится только потому, что начальству была подана бумага и оно одно можетъ рѣшать, относилось ли къ служебнымъ обязанностямъ дѣйствіе служащаго. Между тѣмъ первый департаментъ Госуд. Совѣта отнюдь не является начальствомъ членовъ Гос. Думы. Предоставленная ему функція преданія суду есть функція исключительная, и изъ наличности ея никоимъ образомъ нельзя заключать о томъ, что первому департаменту присвоены и другія функціи начальства. Иначе мы пришли бы къ выводамъ о томъ, что этотъ департаментъ какъ «депутатское начальство» можетъ производить ревизіи, давать предписанія членамъ Думы, получать отъ нихъ донесенія и пр. Эта исключительная функція не можетъ подлежать расширительному толкованію. Если стоять на почвѣ рѣшенія 1871 г. по дѣлу Мироновича, то единственно допустимымъ выводъ будетъ тотъ, что *общее собраніе Госуд. Думы* должно заступать здѣсь мѣсто «начальства». Общему собранію предоставлено право наложенія дисциплинарныхъ взысканій, временнаго устраненія и исключенія изъ числа членовъ Думы. Оно одно можетъ признать, что данное разглашеніе обусловливалось обязанностями выполняемыхъ должности или званія. Оно одно, наконецъ, можетъ «всесторонне разсмотрѣть содержаніе

сказанной рѣчи въ связи съ совокупностью тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ она была произнесена». Отсюда слѣдуетъ самъ собою выводъ. Преслѣдованіе противъ члена Гос. Думы за разглашеніе позорящихъ чью либо честь обстоятельствъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ по постановленію общаго собранія Госуд. Думы. Послѣднее должно рѣшить, вызывалось ли разглашеніе соображеніями государственнаго или общественнаго интереса или обязанностями отправляемаго званія, или нѣтъ. Такъ какъ Дума въ цѣломъ презумируется вѣрно отражающей идею народнаго блага, то слѣдуетъ признать, что и въ данномъ случаѣ Госуд. Дума, подобно другимъ офиціальнымъ органамъ, будетъ рѣшать въ соотвѣтствіи съ этимъ благомъ. При подобномъ рѣшеніи вопроса дается выходъ и для потерпѣвшаго. Онъ будетъ знать, что его честь и доброе имя будутъ зависѣть не отъ случайной прихоти или злобы отдѣльнаго безотвѣтственнаго члена Думы, а отъ авторитетнаго собранія, дѣйствующаго съ надлежащимъ вниманіемъ къ правамъ отдѣльныхъ лицъ. Покрывать безотвѣтственностью своихъ членовъ за клевету вовсе не въ интересахъ Гос. Думы. Если отдѣльные депутаты съ высокой трибуны Гос. Думы будутъ безотвѣтственно распространять завѣдомо ложные факты, то тѣмъ самымъ будетъ значительно уронено значеніе парламентской рѣчи и она потеряетъ все свое обличительное значеніе. Слово обличенія только тогда сильно, когда высказывающій его сознаетъ отвѣтственность за его несправедливыя послѣдствія. И Гос. Дума, поддерживая общественное значеніе произносимыхъ депутатами рѣчей, несомнѣнно бережнѣе, чѣмъ какое либо другое учрежденіе, будетъ относиться къ чистотѣ ихъ содержанія. Наказъ Гос. Думы долженъ будетъ уже опредѣлить порядокъ осуществленія Гос. Думой этого своего права контроля.

Предложенное нами толкованіе предѣловъ свободы депутатскаго слова можетъ вызвать возраженія, на нѣкоторыхъ изъ нихъ я позволю себѣ остановиться по собственной иниціативѣ. Могутъ указать прежде всего, что въ отдѣльныхъ странахъ Запада эта свобода пони-

мается шире: она распространяется на всѣ преступленія слова, включая клевету и оскорбленіе, а не только на деликты распространенія, намѣченныя нами. Это возраженіе, однако, не имѣло бы значенія для *догматическаго* рѣшенія вопроса, насъ интересовавшаго. Граница отвѣтственности въ каждой странѣ опредѣляется общей конструкціей, данной этой гарантіи. Такъ, напр., въ Англіи, гдѣ она опирается на принципъ неподсудности нарушеній закона, имѣвшихъ мѣсто въ Парламентѣ, общимъ судамъ, эта граница опредѣляется усмотрѣніемъ самаго Парламента, поскольку онъ пожелаетъ передать то или другое дѣяніе въ общіе суды. Все же, что сколько нибудь можетъ угрожать независимости депутатскаго слова, Парламентъ оставляетъ въ своемъ вѣдѣніи. Во Франціи имѣется запретъ подвергать депутатовъ слѣдствію и суду за высказанныя ими мнѣнія при исполненіи своихъ обязанностей. Этимъ обезпечивается не только «свобода» мнѣній, а полная безнаказанность за рѣчи. То же постановляетъ и Германская конституція, покрѣпленная § 11 угол. улож. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ запретъ суду вторгаться въ область парламентской рѣчи. У насъ же пока такого запрета не имѣется, понятіе же «полной свободы», какъ мы видѣли, не можетъ включать въ себя безотвѣтственности за всякое преступленіе, учиненное словомъ.

Далѣе могутъ указать, что приведенное толкованіе ограждаетъ до извѣстной степени права чести отдѣльныхъ лицъ, но въ то же время открываетъ возможность различнымъ посягательствамъ путемъ слова на публичный порядокъ, между тѣмъ какъ значеніе послѣдняго для государства не менѣе существенно. Это возраженіе, однако, неубѣдительно. Посягательство на публичный порядокъ опасно, когда оно проявляется въ формѣ народнаго возстанія, а не въ тѣхъ формахъ, которыя оно находитъ въ парламентской рѣчи. Значеніе представительной формы правленія и заключается въ томъ, что она обезпечиваетъ свободную борьбу идей въ Парламентѣ, ослабляя тѣмъ разрушительное дѣйствіе взаимной борьбы въ широкихъ классахъ населенія.

Эти соображенія позволяютъ намъ сдѣлать общій выводъ о томъ, что въ извѣстныхъ предѣлахъ безотвѣтственность народныхъ представителей признается и нашимъ правомъ. И хотя первый департаментъ Госуд. Совѣта, съ перваго взгляда отрицаетъ ее, все же вводимыми позднѣе оговорками онъ разрушаетъ силу этого своего отрицанія. Въ толкованіи его понятіе «свободы» замѣняется понятіемъ «дозволенности», а между тѣмъ наше право открыто выставляетъ именно первый, а не второй принципъ [1]).

IV.

Порядокъ отвѣтственности членовъ Гос. Думы за преступныя дѣянія, учиненныя «при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію» опредѣляется ст. 22 учр. Гос. Думы [2]), приравнивающей ихъ въ этомъ отношеніи къ высшимъ чинамъ государственнаго управленія (ст. 86—95 учр. Гос. Совѣта). Въ литературѣ и на практикѣ существуютъ двѣ попытки толкованія этой статьи.

А. А. Жижиленко полагаетъ, что подъ преступными дѣяніями, учиненными при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ по званію члена Гос. Думы, слѣдуетъ разумѣть служебныя преступленія. Но, такъ какъ народные представители не

---

[1]) Сенатъ, въ рѣшеніи отъ 15 октября 1912 г., отрицаетъ наличность иммунитета, исходя, съ одной стороны, изъ историческаго толкованія, спорность и недоказательность котораго мы отмѣтили выше, а, съ другой стороны, ссылаясь на ст. 15 16, 20 и 22 учр. Гос. Думы, свидѣтельствующія объ отвѣтственности членовъ Думы, какъ за общія преступленія, такъ и за преступленія совершенныя при исполненіи обязанностей званія. Изъ этихъ ст. 15. 16 и 20 не имѣютъ никакого доказательнаго значенія, такъ какъ и сторонники иммунитета не отрицаютъ, что депутатъ можетъ совершать общія преступленія (убійство кражу и пр.), что же касается ссылки на ст. 22, то любопытно отмѣтить, что Сенатъ въ отвѣтъ на первый вопросъ изъ наличности ея выводитъ положеніе объ отсутствіи у насъ иммунитета, а при рѣшеніи второго вопроса, исходя изъ отсутствія у насъ иммунитета, пытается разъяснить отсюда смыслъ ст. 22. Это одинъ изъ яркихъ примѣровъ логическаго petitio principii Слѣдуетъ также отмѣтить, что Сенатъ отрицаетъ иммунитетъ не только за рѣчами народныхъ представителей, но и за запросами, предъявляемыми къ правительству, а также за мнѣніями и сужденіями, высказанными въ засѣданіяхъ отдѣловъ или комиссій.

[2]) Ей соотвѣтствуетъ ст. 68 п. 4 учр. Гос. Совѣта.

состоятъ на службѣ, то для обозначенія ихъ дѣяній выбранъ терминъ, неоднократно употребляемый въ нашемъ правѣ—«при исполненіи обязанностей». Вторая часть его—«по поводу исполненія», употреблявшаяся прежде для характеристики объекта, а не субъекта, лишена реальнаго значенія, такъ какъ по поводу исполненія обязанностей нельзя совершить преступленія. Это доказывается съ одной стороны, тѣмъ, что компетенція Верховнаго Уголовнаго Суда, которому подсудны высшіе чины государственнаго управленія, ограничивается только служебными преступленіями; а съ другой, ст. 1076 уст. уг. суд., прямо говорящей, что Верх. Угол. Суду подлежатъ за «преступленія должности», между прочимъ и члены Гос. Думы. Однако изъ всей массы преступленій по службѣ только нѣкоторые могутъ быть учинены депутатами; а именно: превышеніе власти (ст. 341), лихоимство (ст. 373), оскорбленіе кого либо при отправленіи должности словомъ или дѣломъ (ст. 347), присвоеніе ввѣреннаго имущества (ст. 354) и подлогъ (ст. 362). Примѣненіе, однако, этихъ статей къ членамъ Гос. Думы, путемъ распространенія на нихъ по аналогіи понятія служащаго, представляется сомнительнымъ. Пока законъ не создалъ особыхъ опредѣленій объ отвѣтственности депутатовъ за дѣянія, учиненныя при исполненіи обязанностей ихъ званія, ст. 22 лишена реальнаго значенія.

Л. А. Шаландъ, присоединясь въ общемъ къ изложенному взгляду, полагаетъ, однако, что приравненіе членовъ Гос. Думы къ служащимъ можетъ быть произведено и безъ особаго постановленія закона, такъ какъ изъ исторіи ст. 86—95 учрежденія Гос. Совѣта явствуетъ, что законодатель безусловно имѣлъ въ виду приравнять въ порядкѣ отвѣтственности депутатовъ къ служащимъ.

Совершенно иного взгляда придерживается А. фонъ-Резонъ. Онъ полагаетъ, что въ группу дѣяній, совершаемыхъ при исполненіи обязанностей, относятся дѣянія весьма разнообразныя, преимущественно же тѣ, которыя совершаются словомъ, не только служебныя, но и политическія преступленія и клевета и мн. др. Дѣянія, совершенныя при исполненіи обязанностей, не могутъ

считаться преступленіями должности, а приравниваются къ нимъ лишь въ отношеніи порядка преслѣдованія.

Первый департаментъ Гос. Совѣта, при рѣшеніи этого вопроса, сталъ на ту точку зрѣнія, что подъ преступными дѣяніями при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей слѣдуетъ разумѣть преступныя дѣянія по службѣ, предусмотрѣнныя раздѣломъ V ул. о нак.[1]) При этомъ, однако, онъ не ввелъ какихъ либо ограниченій, а полагалъ, что такая отвѣтственность мыслима за *всѣ* служебныя преступленія и безъ наличности особыхъ постановленій закона, распространяющихъ дѣйствіе раздѣла V ул. о нак. на членовъ Гос. Думы. Свой выводъ первый департаментъ мотивировалъ слѣдующими соображеніями: 1) Предоставленная Г. Думѣ дисциплинарная власть можетъ быть примѣняема только къ случаямъ нарушенія порядка или несоблюденія должнаго уваженія къ закону и не можетъ устранять отвѣтственности за дѣянія преступныя; за послѣднія члены Гос. Думы подлежатъ отвѣтственности въ порядкѣ ст. 86—95 учр Гос. Совѣта, т. е. на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими высшими должностными лицами; 2) Верховному уголовному суду подвѣдомы, согласно закону 24 апрѣля 1906 г., только дѣла о служебныхъ преступленіяхъ; 3) обстоятельство, что въ законѣ различается понятіе обязанностей, соединенныхъ съ званіемъ, отъ обязанностей, вытекающихъ изъ долга службы и занимаемой должности, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Вопросъ этотъ, согласно неоднократнымъ разъисненіямъ Сената, разрѣшается не занимаемою обвиняемымъ должностью, а свойствомъ лежащихъ на немъ обязанностей и ввѣряемыхъ ему интересовъ. Правильность этого вывода подтверждается и тѣмъ, что присяжные засѣдатели по закону (ст. 1073 п. 2 уст. уг. суд.) за нарушеніе ими обязанностей по сему званію предаются суду также въ порядкѣ, установленномъ для преступленій по должности; 4) при иномъ толкованіи нѣкоторыя преступныя дѣянія, предусматриваемыя лишь какъ преступленія по

[1]) См. Журналъ 1 деп. отъ 23 апрѣля 1912 г.

службѣ (напр. разглашеніе дѣлъ, подлежащихъ тайнѣ, ст. 419, 420 и 423 ул. о. н), признавались бы для депутатовъ вовсе ненаказуемыми; 5) всѣ правила, предначертанныя ст. 86—95 учр. Гос. Сов., по самому ихъ содержанію согласованы съ постановленіями закона, опредѣляющаго порядокъ преслѣдованія за преступленія по службѣ.

Министръ юстиціи, однако, не согласился съ изложеннымъ взглядомъ перваго департамента Онъ указалъ на то, что 1) по многимъ служебнымъ преступленіямъ въ законѣ опредѣлены не общія, а особенныя наказанія, установленныя только для лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ (замѣчанія, выговоры, вычетъ изъ времени службы, отрѣшеніе или удаленіе отъ должности и исключеніе со службы), во всякомъ случаѣ непримѣнимыя къ членамъ Гос. Думы; 2) вопросъ о томъ, за какія дѣянія присяжные засѣдатели могутъ быть преслѣдуемы въ порядкѣ, установленномъ для должностныхъ лицъ, вызывалъ неоднократно большія сомнѣнія въ Сенатѣ и полной опредѣленности на этотъ предметъ не имѣется; 3) намѣченная первымъ департаментомъ постановка вопроса могла бы на практикѣ вызвать нежелательныя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, согласно съ такимъ мнѣніемъ, возможность преслѣдованія членовъ Гос. Думы по статьямъ уложенія, карающимъ вообще служебныя преступленія, то напр. члены первой Гос. Думы, за извѣстное обращеніе къ населенію по поводу правительственсообщенія по аграрному вопросу, сдѣланное ими предъ роспускомъ Думы, подлежали бы привлеченію къ отвѣтственности за превышеніе власти; между тѣмъ, такого обвиненія къ нимъ не предъявлялось; 4) наконецъ, если выключить изъ раздѣла V дѣянія, караемыя дисциплинарными взысканіями или наказаніями, примѣняемыми только къ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, то осталось бы здѣсь только очень небольшее число дѣяній, облагаемыхъ общими уголовными наказаніями или такихъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ не является пребываніе виновнаго на государственной службѣ.

Члены перваго департамента, выслушавъ соображенія министра юстиціи, остались однако при прежнемъ мнѣніи. На ихъ взглядъ, то обстоятельство что особые виды наказаній, установленные спеціально для служащихъ, здѣсь непримѣнимы, не имѣетъ рѣшающаго значенія; и нынѣ они непримѣнимы къ нѣкоторымъ лицамъ, привлекаемымъ къ отвѣтственности въ особомъ порядкѣ; это свидѣтельствуетъ лишь о несовершенствѣ нашихъ уголовныхъ законовъ, требующемъ исправленія въ законодательномъ порядкѣ. Неудобство примѣненія этого порядка на практикѣ не можетъ быть положено въ основаніе обсуждаемыхъ вопросовъ, такъ какъ вопросы о судебной отвѣтственности могутъ быть разрѣшаемы лишь на точномъ основаніи существующихъ законовъ, а не по соображеніямъ цѣлесообразности.

Оберъ-прокуроръ общаго Собранія Сената присоединился къ мнѣнію, высказанному въ литературѣ фонъ-Резономъ; Краткіе тезисы его по сему вопросу сводятся къ слѣдующему:

На основаніи текста ст. 1076 уст. уг. суд. можно придти только къ тому заключенію, что законъ, ограничивая подвѣдомственность высшихъ государственныхъ чиновъ Верховному Уголовному Суду лишь преступленіями должности, предусмотренными въ раздѣлѣ V улож. о нак., относительно членовъ Думы не ограничиваетъ этой подсудности какимъ либо родомъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ при исполненіи или по поводу исполненіи обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію. Кромѣ того ст. 86—95 закона 24 апрѣля 1906 г., воспроизведенная въ тѣхъ же статьяхъ учр. Гос. Совѣта, совершенно не оправдываютъ мнѣнія, будто Верховный Уголовный Судъ учрежденъ исключительно для сужденія о преступленіяхъ должности и притомъ лишь предусмотрѣнныхъ въ раздѣлѣ V улож. о нак. Напротивъ, точный смыслъ приведенныхъ законовъ относитъ къ вѣдомству Верховнаго Уголовнаго Суда какъ служебныя преступленія высшихъ государственныхъ чиновъ, такъ и всѣ преступныя дѣянія, совершенныя членами Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію. Къ числу сихъ, подсудныхъ Верховному Уголовному Суду преступныхъ дѣяній членовъ

Думы относятся и такія, которыя въ отношеніи частныхъ лицъ подлежатъ преслѣдованію въ частномъ порядкѣ.

Къ этому взгляду присоединился и Сенатъ [1]). За разъясненіемъ Сената законъ признаетъ руководящую силу и оно составляетъ основаніе для всей послѣдующей практики, имѣющей громадное значеніе, какъ для свободы обсужденія въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, такъ и для авторитета судебныхъ мѣстъ, призванныхъ осуществлять въ жизни преподанныя имъ Сенатомъ указанія. Въ виду этого приходится подробно остановиться на юридическихъ основаніяхъ настоящаго рѣшенія и на вытекающихъ изъ него практическихъ послѣдствіяхъ.

Оберъ прокуроръ и Сенатъ въ своей мотивировкѣ прежде всего прошли мимо главнаго разногласія между первымъ департаментомъ Гос. Совѣта и министромъ юстиціи о томъ, могутъ ли члены Думы быть признаны субъектами служебныхъ преступленій безъ наличности о томъ спеціальной оговорки въ законѣ. Оберъ-прокуроръ нѣсколько разъ подчеркиваетъ, что въ законѣ говорится объ отвѣтственности членовъ Думы за всѣ преступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей ихъ званія. Намъ не удалось найти этого слова «всѣ» въ законахъ. По словамъ и. о. оберъ-прокурора, изъ закона не видно, чтобы порядокъ отвѣтственности за подобныя дѣянія былъ ограниченъ какой либо опредѣленной категоріей нарушеній уголовнаго закона, отвѣтствен-

---

[1]) Въ своей мотивировкѣ Сенатъ повторяетъ аргументы и. о. оберъ-прокурора лишь въ болѣе развитомъ видѣ, но Сенатъ, кромѣ того, пытается аргументировать и «общимъ смысломъ законовъ, опредѣляющихъ сущность и значеніе законодательныхъ учрежденій». Этотъ смыслъ выражается въ томъ, «что всякія преступныя проявленія, при выполненіи членами законодательныхъ учрежденій своихъ высокихъ обязанностей, подвѣдомственны тому, облеченному особымъ довѣріемъ Монарха, верховному суду, въ которомъ и возбужденіе дѣла, и преданіе суду восходятъ на усмотрѣніе верховной же власти. И если для другихъ высшихъ чиновъ государственнаго управленія представлялось достаточнымъ установить такую гарантію лишь по отношенію къ нарушенію ими долга службы, то въ отношеніи членовъ законодательныхъ учрежденій эта гарантія должна быть шире и обнимать всякія преступныя нарушенія, учиняемыя ими при исполненіи ими своихъ обязанностей». Насколько, однако, въ этомъ порядкѣ можно видѣть «особую гарантію», объ этомъ мы скажемъ ниже.

ность имѣется за всякія дѣянія при нарушеніи или по поводу исполненія обязанностей. Послѣдній терминъ имѣетъ въ глазахъ оберъ-прокурора значеніе обстановки или мотивовъ дѣянія, а не юридическаго характера его. Съ такой точки зрѣнія въ группу дѣяній учиненныхъ при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей могутъ быть отнесены, напр., дуэль, состоявшаяся по поводу парламентской рѣчи; критическая статья въ газетѣ, написанная по поводу какого либо вопроса, по которому депутатъ голосовалъ; рѣчь, произнесенная предъ избирателями, содержащая отчетъ о дѣятельности депутата, словомъ, необозримое количество дѣяній, которыя имѣютъ отношеніе къ дѣятельности депутата и которыя никакимъ юридическимъ принципомъ не покрываются.

Подобное толкованіе, приводящее къ выводамъ, совершенно неизвѣстнымъ ни одному конституціонному праву Запада, основывается оберъ-прокуроромъ на двухъ доказательствахъ: ст. 1076 уст. уг. суд. и ст. 86—95 учр. Гос. Совѣта. Разсмотримъ, насколько оба эти основанія оправдываютъ сдѣланные выводы.

Въ редакціи, предшествовавшей закону 24 апрѣля 1906 г., ст. 1076 гласила:

Верховному Уголовному Суду предаются за преступленія должности члены Гос. Совѣта, Министры, Главноуправляющіе отдѣльными частями, Генералъ-губернаторы и Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ.

Министръ юстиціи М. Акимовъ, составляя свой проектъ преобразованія Верх. Уголовнаго Суда, считалъ необходимымъ внести въ эту статью нѣкоторыя измѣненія. Слова «за преступленія должности» онъ замѣнялъ словами: «за преступныя дѣянія по службѣ» и перечень лицъ, предаваемыхъ суду, пополнялъ указаніемъ на членовъ Гос. Думы. Соотвѣтственныя редакціонныя измѣненія проектировались и въ ст. 1097 уст. угол. суд. [1]). Соединенные департаменты Гос. Совѣта, при обсужденіи этихъ измѣненій, не возражали противъ

---

[1]) См. представленіе М. Ю. по 1 департаменту отъ 16 марта 1906 г. по вопросу о преобразованіи Верх. Угол. Суда. № 14651, стр. 5.

приравненія членовъ Гос. Думы къ другимъ высшимъ чинамъ управленія, но полагали, что измѣненіе редакціи ст. 1076 стоитъ въ зависимости отъ введенія въ дѣйствіе уголовнаго уложенія 1903 г. и устава о служебныхъ проступкахъ. Этимъ лишь кодексамъ извѣстно выраженіе «преступныя дѣянія по службѣ», которое предполагаетъ ввести министръ юстиціи. Кромѣ того, по мнѣнію департамента [1]):

Необходимо имѣть въ виду, что какое бы то ни было предрѣшеніе въ настоящее время этого вопроса было бы тѣмъ менѣе своевременнымъ, что, какъ усматривается изъ меморіи Совѣщанія для разработки необходимыхъ въ дѣйствующемъ учрежденіи Гос. Совѣта измѣненій, это послѣднее законоположеніе будетъ еще подлежать согласованію съ учрежденіемъ Государств. Думы и съ закономъ 20 февраля 1906 г. По симъ основаніямъ департаменты, оставаясь въ предѣлахъ намѣченной ими задачи, предпочли оставить обѣ приведенныя статьи въ настоящее время безъ указанныхъ въ проектѣ измѣненій.

Какъ видно изъ приведеннаго, соединенные департаменты полагали, что порядокъ отвѣтственности за служебныя преступленія для членовъ Гос. Думы станетъ предметомъ особаго обсужденія. Однако согласованіе учрежденія Гос. Совѣта съ учрежд. Гос. Думы, повидимому, произошло поспѣшно, въ изданномъ 24 апрѣля 1906 г. новомъ учр. Гос. Совѣта, куда были перенесены почти безъ измѣненій ст. 86—95, опредѣляющія порядокъ отвѣтственности за преступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ по званію членовъ Госуд. Думы. Единственнымъ измѣненіемъ для членовъ Гос Думы была отмѣна дисциплинарной отвѣтственности (ст. 92) [2]).

---

[1]) Гос. Сов. въ соед. деп. 21 марта 1906 г. № 16 о преобразов. Верх. Угол. Суда, стр. 6—7.

[2]) На невозможность сохраненія ея указывалъ уже Гос. Совѣтъ при разсмотрѣніи проекта преобразованія Верх. Угол. Суда. Но онъ приводилъ это лишь въ видѣ примѣра потребныхъ измѣненій, а не въ качествѣ единственно необходимой мѣры. Въ мнѣніи Гос. Совѣта мы читаемъ (см. Отчетъ по дѣлопроизв. Гос. Сов. за 1906 г. стр. 871):

«Постановленіе ст. 105 учрежденія Государственнаго Совѣта (изд. 1901 г.) находится въ тѣсной связи съ статьею 110 сего учрежденія, по силѣ которой оконченное объ упомянутыхъ въ ст. 105 должностныхъ лицахъ слѣдствіе вносится, при заключеніи о дальнѣйшемъ направленіи

Процессуальные законы, при этомъ, не были измѣнены. То, чего не сдѣлалъ Гос. Совѣтъ, оказалось подъ силу нашимъ кодификаторамъ. Въ уставъ угол. суд. по прод. 1906 г. ст. 1076 оказалось видоизмѣненной въ кодификаціонномъ порядкѣ. Въ ней указывалось, что «Верховному Уголовному Суду за *преступленія должности* предаются... члены Гос. Думы». Въ 1909 г. вопросъ о возможности служебной отвѣтственности членовъ Думы былъ затронутъ въ литературѣ и практикѣ, и наши кодификаторы въ продолженіе свода законовъ 1909 г. вносятъ ст. 1076 уже въ иной редакціи: «Верховному Уг. Суду предаются: члены Гос. Совѣта и Гос. Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по симъ званіямъ, а также предсѣдатель совѣта министровъ, министры, главноуправляющіе отдѣльными частями, намѣстники и генералъ-губернаторы за преступленія должности». При этомъ тов. гос.

дѣла, въ департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, который постановляетъ о прекращеніи начатаго преслѣдованія или о наложеніи на привлеченнаго къ отвѣтственности взысканія безъ суда, или о преданіи обвиняемаго суду. Такимъ образомъ, утвержденіе предположеній сенатора Акимова въ части, касающейся порядка отвѣтственности поименованныхъ выше лицъ за *преступныя дѣянія по службѣ*, отчасти было бы связано съ установленіемъ особаго порядка наложенія дисциплинарныхъ взысканій на членовъ Гос. Думы и выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, согласно заключеніямъ департамента Государственнаго Совѣта. По поводу принятія такой мѣры нѣкоторыми членами соединеннаго Присутствія было высказано, что установленіе вообще такого рода отвѣтственности для призванныхъ съ Высоты Престола къ законодательной дѣятельности народныхъ представителей можетъ подорвать тотъ непоколебимый авторитетъ, которымъ они несомнѣнно должны пользоваться у всего населенія въ качествѣ входящихъ въ составъ высшаго государственнаго учрежденія. Не слѣдуетъ вообще упускать изъ вида, что дѣйствующіе законы о порядкѣ наложенія дисциплинарныхъ взысканій непримѣнимы ко всѣмъ служащимъ по выборамъ сословій, какъ это было уже признано Высочайше утвержденнымъ 7 іюня 1905 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта по проекту устава о служебныхъ проступкахъ. Тѣмъ менѣе было бы возможно примѣненіе существующаго нынѣ порядка дисциплинарной отвѣтственности къ дѣятельности народныхъ представителей въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Останавливаясь на приведенныхъ сомнѣніяхъ, департаменты считаютъ, что разрѣшеніе этого сложнаго вопроса выходитъ изъ предѣловъ поставленной Соединенному Присутствію по настоящему дѣлу задачи, которая не заключается въ установленіи порядка внѣсудебной отвѣтственности членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, а имѣетъ своимъ предметомъ лишь опредѣленіе состава присутствія Верховнаго Уголовнаго Суда по дѣламъ о высшихъ чинахъ, ему подвѣдомыхъ за преступныя дѣянія по службѣ.

секретаря на запросъ и. д. оберъ-прокурора отъ 8 октября 1912 г объяснилъ, что это измѣненіе произведено «въ цѣляхъ ближайшаго согласованія ст. 1076 уст. уг. суд. со ст. 68 п. 4 учр. Гос. Совѣта».

Изъ приведенной исторической справки о ст. 1076 можно заключить, что и соединенные департаменты Гос. Совѣта, и Гос. канцелярія понимали подъ «преступными дѣяніями при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей» именно преступленія должности, а не стояли на точкѣ зрѣнія и д. оберъ-прокурора. Допустимъ, однако, что взгляды этихъ учрежденій не имѣютъ обязательнаго значенія. Но и тогда изъ ст. 1076 можно сдѣлать лишь выводъ о гибкости и приспособляемости нашей кодификаціи, но отнюдь не заключеніе о томъ, что «законъ не ограничиваетъ подсудности членовъ Думы какимъ либо родомъ преступныхъ дѣяній» [1]). Термины «при исполненіи» или «по поводу исполненія служебныхъ обязанностей», какъ то удостовѣрялъ министръ юстиціи въ Гос. Совѣтѣ [2]) «согласно установившейся терминологіи служатъ для обезпеченія тѣхъ преступныхъ дѣяній по службѣ, которыя предусмотрѣны въ особомъ V раздѣлѣ улож. о нак.». Ими, слѣдовательно, довольно опредѣленно намѣчался «родъ преступныхъ дѣяній».

Перейдемъ къ другому аргументу: ссылкѣ на то, что ст. 86—95 учр. Гос. Сов. не оправдываютъ мнѣнія, будто В. У. Судъ учрежденъ исключительно для сужденія о преступленіяхъ должности. Для выясненія правильности его обратимся опять къ законодательнымъ матеріаламъ и исторіи.

---

[1]) Ст. 1076 уст. уг. суд. помѣщена въ раздѣлѣ III уст. уг. суд., посвященномъ «судопроизводству *по преступленіямъ должности*. Это обстоятельство, однако, не смущаетъ толкователей. Рѣшеніе Сената прямо заявляетъ, что причиной тому «шаткость систематическаго толкованія въ примѣненіи къ судебнымъ уставамъ, подвергавшимся частымъ измѣненіямъ». Любопытно, что отмѣчая «шаткость» въ отношеніи судебныхъ уставовъ, Сенатъ проходитъ мимо «шаткости» нашихъ кодификаторовъ и опирается въ своихъ мотивахъ на ст. 1076 уст. уг. суд. по прод. 1909, какъ *на дѣйствующее право*, хотя никакимъ закономъ эта статья измѣнена не была. Мало того, эта статья приводится еще въ подкрѣпленіе аргументовъ заимствованныхъ изъ ст. 22 учр.!

[2]) См. Записка Общ. Собр. по дѣлу 75—192, стр. 8.

Собиравшійся въ нашемъ историческомъ прошломъ въ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ Верховный Уголовный Судъ являлся судилищемъ чрезвычайнымъ, составъ и дѣятельность котораго опредѣлялись каждый разъ соотвѣтственными Высочайшими указами [1]). Понятно поэтому, что составители основныхъ положеній 1862 г., а вслѣдъ за ними и комиссія по выработкѣ судебныхъ уставовъ, не приняли этотъ судъ во вниманіе при преобразованіи нашихъ судебныхъ установленій, молчаливо какъ бы предполагая, что введеніе у насъ *общихъ* судебныхъ установленій предполагаетъ упраздненіе всякихъ чрезвычайныхъ судовъ. Вопросъ о сохраненіи Верховнаго Уголовнаго Суда возникъ, однако, при обсужденіи проекта устава уголовнаго судопроизводства въ Государственномъ Совѣтѣ, и вызвалъ здѣсь живое обсужденіе. Мнѣнія членовъ Совѣта при этомъ раздѣлились. Меньшинство изъ 9-ти членовъ отстаивало необходимость упраздненія этого суда для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, полагая, что интересы правительства совершенно достаточно ограждены уже передачей этихъ дѣлъ въ судебныя палаты съ сословными представителями и что основныя положенія не мирятся съ сохраненіемъ суда чрезвычайнаго. Большинство же 20 членовъ отстаивало важность сохраненія его для такихъ дѣлъ, «которыя, исходя изъ одного общаго заговора, охватываютъ сѣтью разные края государства». Здѣсь очень трудно опредѣлить вѣдомство той или иной судебной палаты и обезпечить единство въ дѣятельности палатъ. Большинство не видѣло въ сохраненіи такого чрезвычайнаго суда противорѣчія началамъ самодержавнаго строя.

Замѣчаютъ—читаемъ мы въ Журналѣ Гос. Совѣта по сему вопросу [2])—что учрежденіе Верховнаго Уголовнаго Суда для

---

[1]) Такіе Высоч. указы имѣли мѣсто впервые въ 1764 г. по дѣлу Мировича, затѣмъ въ 1771 г. по дѣлу объ убійствѣ архіепископа Амвросія въ Москвѣ, въ 1774 г. по поводу пугачевскаго бунта, въ 1825 по дѣлу декабристовъ. Послѣ изданія судебныхъ уставовъ Верховный Уголовный Судъ собирался всего дважды: въ 1866 г. для суда надъ Каракозовымъ и 34 его соучастниками и въ 1879 г. для суда надъ А. Соловьевымъ, покушавшимся на жизнь Государя.

[2]) Жур. Общ. Соб. Гос. Сов. и 23—25 сентября, стр. 5—56.

преступленій государственныхъ было бы существеннымъ измѣненіемъ самаго духа основныхъ положеній, въ которыхъ Его Величество заявилъ Высочайшую Волю даровать Своему народу судебныя учрежденія, подобныя существующимъ въ западныхъ государствахъ Европы, а между тѣмъ тамъ учрежденіе для какихъ либо дѣлъ чрезвычайныхъ судовъ воспрещается основными законами или хартіями, какъ мѣра, лишающая гражданъ принадлежащихъ имъ судебныхъ гарантій. Возраженіе это имѣло бы весьма важное значеніе, еслибы дѣйствительно Государь Императоръ въ основномъ положеніи преобразованія судебной части заявилъ свою Высочайшую волю слѣдовать у насъ въ учрежденіи судебныхъ установленій примѣру западныхъ государствъ. Но такого заявленія въ основномъ положеніи не было, да и не можетъ быть сдѣлано, потому что въ каждомъ государствѣ судебныя установленія должны быть приспособлены къ государственному устройству, степени цивилизаціи и быту народа. Кромѣ того, въ западныхъ государствахъ не допускается учрежденіе такихъ чрезвычайныхъ судовъ, которые въ прежнее время составлялись не по закону, а по частнымъ распоряженіямъ правительства и не изъ лицъ облеченныхъ властью судейской для извѣстнаго рода дѣлъ, но изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ каждый разъ особо, въ виду возникшаго уже дѣла. Ничего подобнаго 20 членовъ не предполагаютъ. Нѣтъ никакой необходимости учреждать Верховный Уголовный Судъ для сужденія общаго по государству заговора не на основаніи закона, а по частнымъ распоряженіямъ правительства, и потому въ законѣ долженъ быть съ точностью опредѣленъ не только случай учрежденія сего суда, но и самый составъ его изъ лицъ, занимающихъ извѣстныя должности въ государственныхъ установленіяхъ. Такое опредѣленіе въ законѣ порядка составленія Верховнаго Уголовнаго суда не заключаетъ въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ существомъ Верховной Самодержавной Власти, но есть прямое послѣдствіе основного начала управленія Россійской Имперіи на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что затрудненія, для предупрежденія которыхъ предполагается учредить Верховный Уголовный Судъ, на случай обширнаго заговора противъ верховной власти и государственнаго порядка, были бы большею частью устранены

предоставленіемъ такихъ дѣлъ сужденію кассаціонныхъ департаментовъ Сената; но при этомъ не была бы вполнѣ достигнута цѣль учрежденія Верховнаго Уголовнаго Суда, потому что въ сужденіи уголовныхъ дѣлъ, касающихся спокойствія и благосостоянія всего государства, должны участвовать не одни высшіе чины, но и другія должностныя лица, стоящія во главѣ государственнаго управленія, такъ какъ имъ ближе извѣстно значеніе фактовъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ государственному устройству и порядку управленія.

Мнѣніе большинства нашло Высочайшее утвержденіе и В. У. Судъ на ряду съ вѣдомствомъ по преступленіямъ служебнымъ сохранилъ, въ исключительныхъ случаяхъ, роль суда по преступленіямъ государственнымъ.

Несмотря на нѣкоторое ослабленіе чрезвычайнаго характера этого судилища при изданіи Судебныхъ Уставовъ, оно въ своей организаціи и дѣятельности сохраняло весьма много чертъ, не мирящихся съ прочнымъ правовымъ строемъ.

Элементарнымъ требованіемъ гражданственности является отсутствіе судилищъ чрезвычайныхъ, созываемыхъ для разсмотрѣнія отдѣльныхъ политическихъ преступленій. Требованіе это прочно развитое при упраздненіи Звѣздной Палаты въ 1641 г., было провозглашено либеральными хартіями французской революціи и нашло себѣ признаніе въ большинствѣ конституцій Европы и Америки [1]). Между тѣмъ дѣятельность В. У. Суда до закона 24 апрѣля 1906 года сохраняла всѣ признаки такого чрезвычайнаго суда. Судъ этотъ учреждался каждый разъ спеціальными Высочайшими указами. Составъ этого суда не былъ постояннымъ, а ежегодно назначался монархомъ по его усмотрѣнію; при этомъ значительная часть членовъ его состояла изъ лицъ, не занимающихъ судейскаго положенія и не пользовавшихся несмѣняемостью. Участіе народнаго элемента въ какой бы то ни было формѣ было исключено. Приговоры не допускали ни апелляціонныхъ, ни кассаціонныхъ жалобъ.

---

[1]) См. по этому вопросу дополненіе въ «Курсѣ Угол. Судопр.» проф. *И. Я. Фойницкаго* изд. 1912 г., т. I, стр. 13.

Другое требованіе нормальнаго правосудія, провозглашенное судебными уставами, выражается въ устраненіи Верховной власти отъ непосредственнаго вмѣшательства въ ходъ уголовныхъ дѣлъ. Каждое рѣшеніе суда выносится отъ имени Его Императорскаго Величества и каждый судья предполагается осуществляющимъ верховную волю права въ своемъ рѣшеніи. Непосредственное участіе монарха въ правосудіи стѣсняетъ свободную дѣятельность и оцѣнку судей, нарушаетъ нормальное состязаніе сторонъ въ процессѣ и не соотвѣтствуетъ положенію монарха въ представительномъ строѣ.

Это требованіе признано, начиная съ XVI вѣка на Западѣ. У насъ еще Петръ Великій указомъ 22 декабря 1718 г. провозглашалъ то же начало:

Понеже, писалъ Петръ, челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ, вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна; но при томъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть; и хотя бъ и такихъ трудовъ не было, то возможно ли одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Воистину не точію человѣку, ниже ангелу: понеже и оные мѣстамъ описаны суть; ибо гдѣ присутствуютъ, индѣ его нѣтъ.

Составители судебныхъ уставовъ послѣдовательно провозгласили начало самостоятельности власти судебной съ изъятіемъ одной ст. 945. При изданіи основ. законовъ 1906 г., въ развитіе этого начала, ст. 23 было отмѣнено право аболиціи, т. е. прекращенія уголовныхъ дѣлъ въ порядкѣ Высочайшихъ повелѣній.

Между тѣмъ при разсмотрѣніи дѣлъ въ Верх. Угол. Судѣ участіе монарха проявлялось въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Монархъ опредѣлялъ составъ суда; своимъ указомъ онъ созывалъ судъ для рѣшенія опредѣленнаго дѣла; наконецъ, онъ осуществлялъ право помилованія. По дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ его роль еще шире: ему принадлежитъ право разрѣшать

возбужденіе преслѣдованія и утверждать постановленія о преданіи суду.

Вполнѣ понятно, что сохраненіе такого Верх. Угол. Суда для государственныхъ преступленій едва ли было возможно съ введеніемъ новыхъ представительныхъ учрежденій. И совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго въ 1905 г. намѣтило въ качествѣ одного изъ очередныхъ вопросовъ преобразованіе Верх. Угол. Суда. Во исполненіе этого, министръ юстиціи 15 марта 1906 г. внесъ въ Гос. Совѣтъ проектъ, въ которомъ намѣчалъ: 1) измѣненіе состава Верх. Угол. Суда въ связи съ реформой Гос. Совѣта и 2) упраздненіе компетенціи Верх. Угол. Суда по государственнымъ преступленіямъ. По этому вопросу въ представленіи министра юстиціи мы находимъ слѣдующія объясненія [1]):

Учрежденіе Верховнаго Уголовнаго Суда для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, отнесенныхъ по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г., въ видѣ общаго правила, къ вѣдѣнію судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей,—имѣло своею цѣлью, главнымъ образомъ, устраненіе затрудненій, которыя должны были бы возникать каждый разъ по вопросу о подсудности дѣла той или иной судебной палатѣ въ случаяхъ обнаруженія въ разныхъ краяхъ государства общаго заговора противъ Верховной Власти или противъ установленнаго законами образа правленія или порядка наслѣдія престола (журн. соед. департ. Гос. Совѣта 23 и 25 сентября 1864 г., стр. 53—56). Однако возможность означенныхъ затрудненій была уже въ существѣ устранена со времени изданія закона 7 іюня 1872 г., коимъ для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, на ряду съ судебными палатами, было учреждено Особое Присутствіе Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Къ вѣдѣнію сего Присутствія отнесены важнѣйшія изъ упомянутыхъ дѣлъ при чемъ разсмотрѣніе этихъ дѣлъ Особымъ Присутствіемъ Сената обусловлено воспослѣдованіемъ на то Высочайшаго повелѣнія. Засимъ, съ изданіемъ закона 7 іюня 1904 г,

---

[1]) Представленіе министра юстиціи отъ 15 марта 1906 г. № 14651. О преобразованіи Верх. Угол. Суда, стр. 2—3.

устранившаго указаніе на особый характеръ дѣлъ, подлежащихъ сужденію Верховнаго Уголовнаго Суда, въ законѣ изгладилось всякое различіе между компетенціею названнаго Верховнаго судилища и Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Поэтому въ связи съ вопросомъ объ измѣненіи состава Верховнаго Уголовнаго Суда необходимо, казалось бы, остановиться и на вопросѣ о томъ, надлежитъ ли вообще сохранить на будущее время означенный судъ для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Въ семъ отношеніи нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что за истекшее сорокалѣтіе со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ Императора Александра II Верховный Уголовный Судъ призывался къ сужденію вышеозначенныхъ дѣлъ крайне рѣдко [1]), причемъ даже дѣло о злодѣяніи 1 марта 1881 г. разсматривалось не Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, а Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената и за послѣдніе двадцать пять лѣтъ не было ни одного случая образованія Верховнаго Уголовнаго Суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что сословные представители, призываемые въ судебную палату и Особое Присутствіе Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія наиболѣе важныхъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, не входятъ въ составъ Верховнаго Уголовнаго Суда, и такимъ образомъ это верховное судилище, несмотря на свой высокій составъ, не даетъ однако подсудимымъ тѣхъ гарантій, кои присущи суду, пополняемому представителями общества. При такихъ обстоятельствахъ и въ виду неуклоннаго стремленія нашего законодательства послѣднихъ лѣтъ къ подчиненію важнѣйшихъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ на всемъ пространствѣ Имперіи суду съ участіемъ общественнаго элемента (законы 7 іюня 1904 г. и 12 іюля 1905 г.), министръ юстиціи не можетъ не прійти къ заключенію, что въ сохраненіи на будущее время Верховнаго Уголовнаго Суда для сужденія важнѣйшихъ дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ едва ли можно усматривать дѣйствительную необходимость.

Гос. Совѣтъ, въ засѣданіи 16 марта 1906 г., повторивъ соображенія министра юстиціи Акимова и при-

[1]) По свѣдѣніямъ Гос. Совѣта со времени 1864 г. Верх. Угол. Судъ собирался для суда по политическимъ дѣламъ всего два раза. См. Отчетъ по дѣлопроизводству Гос. Совѣта за 1906 г. стр. 868.

соединяясь къ его предположенію, постановилъ сохранить Верх. Уг. Судъ только для преступленій должности высшихъ должностныхъ лицъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ законѣ 24 апрѣля 1906 г. п. 3 ст. 1302 и ст. 1062—1065 уст. уг. суд., говорившія о подсудности и производствѣ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ въ вѣдомствѣ Верх. Уг. Суда, были отмѣнены. Постановленія о составѣ Верх. Уг. Суда изъ ст. 1062, находившейся въ раздѣлѣ о государственныхъ преступленіяхъ, были перенесены въ ст. 1112, находящуюся въ раздѣлѣ о судопроизводствѣ по преступленіямъ должности. Едва ли съ точки зрѣнія законодательной техники можно было бы яснѣе выразить мысль о томъ, что Верх. Уг. Судъ по преступленіямъ государственнымъ упраздняется, сохраняясь лишь для преступленій должности. Между тѣмъ и д. оберъ-прокурора заявляетъ, что постановленія закона 24 апрѣля 1906 года «совершенно не оправдываютъ мнѣнія, будто Верх. Уг. Судъ учрежденъ исключительно для сужденія дѣлъ о преступленіяхъ должности» [1]).

---

[1]) Общ. Собр. I-го и касс. деп. Сената въ своемъ рѣшеніи нѣсколько мягче указываетъ на «несущественность» ссылки на то, что вѣдомство Верх. Уг. Суда ограничивается только служебными преступленіями. По этому вопросу мы находимъ слѣдующее разсужденіе: «Если закономъ 1906 г. подвѣдомственность Верх. Угол. Суду была ограничена дѣлами послѣдняго рода (т. е. о нарушеніи долга службы), то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ судъ не былъ управомоченъ на разсмотрѣніе указанныхъ въ ст. 1076 уст. уг. суд. дѣлъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ членами Гос. Думы при исполненіи ими обязанностей своего званія. Подчинивъ Верховному Угол. Суду и эти дѣла, признаваемыя законодателемъ столь же важными, какъ и дѣла о нарушеніи другими высшими чинами долга службы, высокія правомочія и подвѣдомственность Верховнаго Суда, очевидно, ни въ чемъ не нарушены». Эта аргументація опирается на указаніе «одинаковой важности» дѣлъ и того и другого рода. Неизвѣстно, однако, по какимъ признакамъ эта важность опредѣляется. По нашему законодательству «важность дѣла» опредѣляется тяжестью грозящаго наказанія и отчасти родомъ преступленія. Ни о томъ, ни о другомъ совпаденіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Но, мало того, изъ одинаковой «важности» дѣла еще нельзя заключать объ одинаковой подсудности его. Если вѣдомство Верх. Угол. Суда по государственнымъ преступленіямъ было упразднено, то нельзя утверждать, что нѣкоторыя государственныя преступленія все же ему подсудны, такъ какъ они «одинаково важны» съ другими дѣлами, ему подсудными. Самъ Сенатъ вѣдаетъ несомнѣнно важныя дѣла, а все же имѣются и такія «важныя» дѣла, которыя отъ него изъяты; компетенція ни одного учрежденія не можетъ быть опредѣляема тѣмъ, что ему подсудны «важныя» или «неважныя» дѣла.

Сопоставленіе обоихъ аргументовъ и. д. оберъ-прокурора съ законодательными матеріалами говоритъ само за себя. А между тѣмъ это единственные аргументы, которые могъ онъ собрать въ пользу своего мнѣнія. Но и. д. оберъ-прокурора не считался съ тѣми юридическими препятствіями, которыя мѣшаютъ принять вообще предложенное имъ толкованіе. Наше законодательство опредѣляетъ подсудность исключительно по роду преступленій и тяжести наказанія. Какъ примирить при этомъ опредѣленіе подсудности по чисто бытовому въ глазахъ по оберъ-прокурору признаку «при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей»? Кто будетъ рѣшать возникающія здѣсь неизбѣжно каждый разъ пререканія о подсудности? Неужели для мелкихъ проступковъ, караемыхъ ничтожнымъ штрафомъ, учиненныхъ при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, придется нѣсколько разъ тревожить Верховную власть, производить процедуру преданія суду и созывать Верх. Уг. Судъ, за всѣ полтора вѣка своего существованія созывавшійся всего пять разъ въ случаяхъ крайней государственной важности? Неужели не представилось оберъ-прокурору страннымъ распространеніе административной гарантіи на тѣ дѣянія, которыя учинены только по поводу обязанностей званія — распространеніе, совершенно противорѣчащее своему существу этой гарантіи? Неужели, наконецъ, не было страннымъ утверждать, что члены Гос. Думы за преступленія слова, общія и политическія, судятся въ *худшихъ* процессуальныхъ условіяхъ и въ судѣ, не имѣющемъ общихъ гарантій правосудія, который Гос. Совѣтъ счелъ необходимымъ упразднить для обыкновенныхъ гражданъ, какъ неудовлетворяющій нормальнымъ условіямъ правосудія? Гдѣ содержатся, наконецъ тѣ процессуальные законы, на основаніи которыхъ будетъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ Верх. Уг. Судъ за упраздненіемъ ст. 1062 уст. уг. суд.? Всѣ эти препятствія оставлены безъ разсмотрѣнія и. о. оберъ-прокурора

Но для толкованія оберъ-прокурора оставалось еще одно серьезное препятствіе. Распространяя особый по-

рядокъ производства на *всѣ* преступныя дѣянія, учиненныя членами Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, онъ долженъ былъ захватить и дѣянія частно-уголовныя, какъ клевету, оскорбленіе и пр. Эти дѣянія преслѣдуются въ частномъ порядкѣ, безъ участія прокуратуры. Между тѣмъ ст. 91 и 92 учр. Гос. Сов. не предусматриваютъ участія частныхъ лицъ въ обвиненіи, предоставляя его лишь оберъ-прокурору. Съ другой стороны, неудобно было бы допускать примиреніе по такимъ дѣламъ послѣ того, какъ Верховная власть признала обвиненіе допустимымъ. Уже первый департаментъ Гос. Сов. указывалъ на невозможность примирить наличность ст. 91 и 92 съ широкою точкой зрѣнія на подсудность Верх. Уг. Суда. Постановленія нашего дѣйствующаго права по этому поводу не оставляли никакихъ сомнѣній. Порядокъ преслѣдованія по частнымъ преступленіямъ установленъ у насъ законами матеріальнаго права (ст. 157 улож.) и никакое отступленіе отъ этого порядка не можетъ быть допускаемо безъ яснаго въ законѣ указанія на то. По силѣ ст. 72 осн. зак. никто не можетъ подлежать преслѣдованію за преступное дѣяніе иначе, какъ въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ. Между тѣмъ никакого опредѣленнаго указанія относительно изъятій на этотъ счетъ для членовъ Гос. Думы не имѣется [1]).

[1]) Напрасно утверждаетъ и. о. оберъ-прокурора, что учр. Гос. Совѣта содержитъ отмѣну этого частнаго порядка, оно не обмолвилось ни словомъ по этому вопросу.

Сенатъ въ своемъ рѣшеніи идетъ еще дальше. Онъ утверждаетъ, что отнесеніе нормъ, устанавливающихъ порядокъ преслѣдованія, къ положеніямъ права не процессуальнаго, а матеріальнаго, представляется весьма спорнымъ. «По сему измѣненіе правилъ, въ сущности процессуальныхъ (этотъ вопросъ представлялся только что весьма спорнымъ, въ согласіи съ новыми процессуальными правилами, опредѣляющими подвѣдомственность преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ членами Гос. Думы при исполненіи ими обязанностей ихъ званія, нельзя считать нарушеніемъ началъ дѣйствующаго матеріальнаго права». Здѣсь, такимъ образомъ, хотя и не говорится о прямой отмѣнѣ старыхъ правилъ, но ее нужно сдѣлать для приведеніе въ согласіе ихъ съ новымъ порядкомъ, а между тѣмъ споръ именно и идетъ о томъ, созданъ ли учр. Гос. Совѣта какой либо новый порядокъ для преступленія клеветы. Этотъ спорный тезисъ Сенатъ признаетъ доказаннымъ и кладетъ въ основу своего крайне искусственнаго толкованія.

Для министра юстиціи также была ясной невозможность установленія публичнаго порядка преслѣдованія по такимъ дѣламъ. Въ своемъ проектѣ о преступныхъ дѣяніяхъ, возбуждаемыхъ по частной жалобѣ, внесенномъ въ Гос. Думу 24 февраля 1912 года, онъ предлагалъ участіе прокуратуры для дѣлъ, возбуждаемыхъ по частной жалобѣ, и недопущеніе примиренія по дѣламъ о клеветѣ, если эти дѣянія совершены членами Гос. Совѣта или Гос. Думы.

Необходимость включенія такого правила—гласитъ Объясн. Записка [1]), вытекаетъ изъ того серьезнаго общественнаго значенія, которое получаетъ преступное дѣяніе независимо отъ важности его по закону, когда оно совершено при указанныхъ условіяхъ, членомъ законодательнаго собранія, либо въ отношеніи его.

Проектъ этотъ долженъ былъ подлежать обсужденію въ законодательномъ порядкѣ. Между тѣмъ оберъ-прокуроръ, не ожидая его законодательнаго рѣшенія, рѣшился на средство, которое по истинѣ можно назвать героическимъ. Онъ рѣшилъ истолковать законъ на основаніи тѣхъ же мотивовъ, по которымъ министръ считалъ нужнымъ измѣнить его въ законодательномъ порядкѣ. Въ тезисахъ оберъ-прокурора мы читаемъ по этому поводу слѣдующее:

Возбуждается вопросъ, участвуетъ ли прокурорскій надзоръ въ производствѣ только тѣхъ изъ вышеописанныхъ преступныхъ дѣяній членовъ Думы, которыя, по общему правилу, производятся въ порядкѣ публичнаго обвиненія, или же и въ производствѣ дѣлъ, которыя подлежатъ относительно частныхъ лицъ частному порядку производства. Я нахожу, что въ законѣ не имѣется никакихъ указаній на то, чтобы преподанныя имъ правила о производствѣ дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ членовъ Думы, совершенныхъ при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, имѣли въ виду какую либо опредѣленную категорію нарушеній уголовнаго закона. Напротивъ, по буквальному смыслу ст. 86 учр. Гос. Совѣта, изложенныя въ послѣдующихъ статьяхъ (87—95) правила производства, составляя

---

[1]) Объясн. Зап. къ проекту о преступныхъ дѣяніяхъ, возбуждаемыхъ по частной жалобѣ, стр. 50—51.

изъятіе изъ общихъ правилъ, преподанныхъ въ уставѣ угол. суд., имѣютъ въ виду всѣ вышеописанныя дѣянія членовъ Думы... Преступное дѣяніе, совершенное членомъ Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на немъ по сему званію, если это дѣяніе, будучи совершено частнымъ лицомъ, подлежало бы частному порядку преслѣдованія,— являетъ *идеальную совокупность преступныхъ дѣяній*: съ одной стороны, имъ нарушается право частное, но съ другой—и право публичное. Нарушеніе публичнаго права и общественнаго порядка не можетъ не быть усмотрѣно въ такомъ пользованіи свободой сужденій (ст. 14 учр. Гос. Думы), которое не находитъ оправданія въ необходимости всесторонняго и объективнаго освѣщенія вопроса, подлежащаго вѣдѣнію Госуд. Думы. Поэтому, при наличности преступнаго дѣянія, одновременно нарушающаго интересы частный и публичный, охрана послѣдняго не можетъ быть предоставлена усмотрѣнію частнаго лица; напротивъ, въ виду нераздѣльности преступнаго дѣянія уголовное преслѣдованіе можетъ быть возлагаемо единственно на тотъ органъ судебной власти, на который возлагаетъ законъ поддержку обвиненія отъ имени государства.

Изъ этого впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы подобныя дѣла о членахъ Гос. Думы могли быть возбуждаемы и помимо *жалобы* потерпѣвшихъ: напротивъ, въ ст. 87 учр. Гос. Совѣта именно указано, что законнымъ поводомъ для возбужденія дѣлъ объ уголовной отвѣтственности членовъ Думы являются также жалобы, и это правило имѣетъ полное примѣненіе къ такимъ преступнымъ дѣяніямъ, совершеннымъ членами Думы, которыя въ отношеніи частныхъ лицъ подлежатъ преслѣдованію въ порядкѣ частномъ. Для членовъ Думы упомянутыя преступныя дѣянія являются нарушеніями sui generis; центръ тяжести подобныхъ преступныхъ дѣяній лежитъ въ нарушеніи членами Гос. Думы своихъ обязанностей, а не въ тѣхъ преступленіяхъ или проступкахъ, *посредствомъ* которыхъ они нарушили свои обязанности и которые являются только тѣмъ *преступнымъ способомъ*, при помощи коего было допущено членомъ Госуд. Думы нарушеніе своихъ обязанностей. Само собою разумѣется, что къ такого рода спеціальнымъ преступнымъ дѣяніямъ не могутъ имѣть примѣненія Сенатскія рѣшенія, постановленныя въ разъясненіе вопросовъ по общимъ преступленіямъ. По общему правилу (ст. 157 улож. о нак., 30 уст. уг. суд.) не могутъ

быть прекращаемы примиреніемъ дѣла, производящіяся въ порядкѣ публичнаго обвиненія; тѣмъ менѣе могутъ быть прекращаемы примиреніемъ дѣла, хотя и начатыя по жалобѣ, но получившія дальнѣйше движеніе по указанію Верховной Власти (по ст. 87 учр. Гос. Совѣта); въ этомъ случаѣ исходъ не можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію частнаго лица.

Вскрыть оригинальность аргументаціи оберъ-прокурора весьма нетрудно и для неопытнаго юриста. Онъ не болѣе и не менѣе какъ строитъ новый видъ преступнаго дѣянія, въ которомъ оказываются виновными члены Гос Думы, совершившіе клевету. Это дѣяніе находится въ идеальной совокупности съ дѣяніемъ частнымъ—клеветой. Называется оно «злоупотребленіемъ свободой сужденія». Правда, его не имѣется совершенно въ уголовныхъ законахъ. Но что жъ изъ того? Юристу должно быть весьма интересно разобрать составъ этого новаго преступленія: «злоупотребленіе свободою сужденій, которое не находитъ оправданія въ необходимости всесторонняго и объективнаго освѣщенія вопроса, подлежащаго вѣдѣнію Гос. Думы». Не будетъ ли въ немъ виновенъ депутатъ, произносящій очень длинныя и безцвѣтныя рѣчи, или можетъ быть будетъ виновнымъ въ немъ тотъ депутатъ, который говоритъ неясно и вмѣсто того, чтобы «всесторонне и объективно освѣщать вопросы», лишь затемняетъ ихъ? Мы не беремся рѣшать этихъ вопросовъ. Это—дѣло дальнѣйшихъ толкованій оберъ-прокурора и Сената [1]). Мы знаемъ только изъ тезисовъ, что это

[1]) Сенатъ нѣсколько смягчаетъ открытую ссылку на «идеальную совокупность», но говоритъ о «поглощеніи государственнымъ интересомъ частнаго характера этихъ дѣяній». Государственный же интересъ этихъ дѣяній выводится изъ ихъ подсудности Верх. Угол. Суду. Между тѣмъ этотъ послѣдній вопросъ и подлежитъ доказанію, и опираясь на него, какъ на данное положеніе, Сенатъ впадаетъ въ petitio principii, Сенатъ далѣе ссылается на ст. 347 ул. о нак., но это статья и доказываетъ самымъ наглядным образомъ, что объявить какое либо частное преступное дѣяніе «имѣющимъ публичный интересъ» и преслѣдуемымъ въ публичномъ порядкѣ нельзя безъ наличности соотвѣтственныхъ указаній въ матеріальномъ правѣ. Участіе прокурора въ судебномъ слѣдствіи по такимъ дѣламъ, съ вытѣсненіемъ потерпѣвшаго, кажется и Сенату слишкомъ рѣзкимъ, и онъ рекомендуетъ Верх. Угол. Суду ввести у себя въ такихъ случаяхъ неизвѣстный нашимъ Судебнымъ уставамъ порядокъ дополнительнаго обвиненія. Едва ли, однако, Верх. Угол. Судъ поступилъ бы правильно, если бы принялъ этотъ совѣтъ и, пользуясь невозможностью кассаціоннаго обжалованія и его рѣшеній, допустилъ бы этотъ несуществующій въ Суд. уставахъ порядокъ.

дѣяніе sui generis, въ которомъ клевета является только *способомъ* дѣятельности, а не преступнымъ составомъ. Это новое преступное дѣяніе, по утвержденію оберъ-прокурора, преслѣдуется въ публичномъ порядкѣ и не допускаетъ примиренія. Возможно, что и такъ,—мы не знаемъ этого до тѣхъ поръ, пока намъ не откроютъ секрета, въ какихъ законахъ такое дѣяніе предусмотрѣно.

Позвольте на этой демонстраціи того, куда можетъ завести подобная попытка толкованія нашихъ законовъ, закончить свою критику заключеній и. о. оберъ-прокурора и обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ началъ, которыми, намъ думается, нужно руководиться въ настоящемъ спорѣ.

V.

Нельзя не признать, что толкованіе ст. 22 учреж. Гос. Совѣта въ рамкахъ дѣйствующаго законодательства представляетъ значительныя затрудненія. Внесенная въ учрежденіе Гос. Думы безъ достаточно внимательнаго сообразованія съ остальными частями дѣйствующаго права, она, для того чтобы получить нормальное содержаніе, требуетъ ряда измѣненій въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ, и въ частности, ряда детальныхъ опредѣленій новыхъ жизненныхъ отношеній, до того чуждыхъ нашему праву [1]).

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что уже Гос. Дума перваго созыва имѣла въ виду составить проектъ по этому вопросу. Комиссіи 15-ти было поручено составить проектъ «закона о личной неприкосновенности членовъ Госуд. Думы». За нѣсколько дней до роспуска законопроектъ этотъ былъ внесенъ въ Гос. Думу, причемъ докладчикомъ по нему былъ М. Я. Острогорскій. Въ этомъ проектѣ вопросъ былъ затронутъ только частично. «Свобода сужденій депутатовъ по отношенію къ правительству должна быть выговорена во всей полнотѣ своей и опредѣлена со всею точностью, дабы не оставить ни малѣйшаго повода для сомнѣній. Редакція ст. 14 не можетъ быть признана съ этой точки зрѣнія удовлетворительною». Далѣе докладъ останавливается на искусственномъ ограниченіи ея «дѣлами, подлежащими вѣдѣнію Думы» и полагаетъ, что «содержаніе политическихъ мнѣній, могущихъ быть допущенными въ парламентскомъ обсужденіи, не поддается опредѣленію, если это сужденіе дѣйствительно основано на свободѣ». Единственнымъ ограниченіемъ можетъ быть дисциплинарная власть предсѣдателя. «Соотвѣтственно этому и въ предупрежденіе всякихъ сомнѣній и недоразумѣній, комиссія признала необходимымъ поставить въ главу постановленіе о томъ, что «члены Гос. Думы пользуются полной свободой

Въ вопросахъ, подобныхъ настоящему, ясность законодательныхъ постановленій является особенно настоятельной. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 15 февраля 1889 г. объ опредѣленіи порядка отвѣтственности членовъ Гос. Совѣта, министровъ и главноуправляющихъ (соб. Узак. 1889 г. № 156) мы читаемъ, что этотъ законъ былъ изданъ

въ видахъ разъясненія дѣйствующихъ законовъ объ отвѣтственности высшихъ чиновъ государственнаго управленія, недостаточная полнота и опредѣлительность коихъ можетъ возбуждать нежелательныя въ дѣлахъ столь первостепенной важности сомнѣнія, а также для ближайшаго согласованія сихъ узаконеній съ судебными уставами.

Пробѣлъ въ столь существенномъ вопросѣ признавался тогда восполнимымъ единственно въ порядкѣ законодательномъ, не смотря на наличность у Сената права разъясненія законовъ. Въ 1912 г. въ той же области обнаруживаются пробѣлы и несогласованія еще болѣе серьезныя. Первый департаментъ Гос. Совѣта находитъ, что «вопросъ объ отвѣтственности членовъ законодательныхъ учрежденій за злоупотребленіе свободою слова является весьма спорнымъ»; министръ юстиціи полагаетъ, что «возникающіе изъ дѣла Кузнецова серьезнѣйшіе вопросы являются спорными» и «далеко неясными» и самъ указываетъ на рядъ сомнительныхъ положеній. Естественнымъ выводомъ отсюда явилось бы внесеніе въ законодательномъ порядкѣ проекта объ отвѣтственности депутатовъ, какъ то было сдѣлано въ 1889 г. Опытъ западныхъ странъ учитъ насъ, что введеніе въ конституцію постановленій объ отвѣтственности министровъ и безотвѣтственности народныхъ представителей сопровождалось изданіемъ въ ближайшее время соотвѣтственныхъ процессуальныхъ законовъ, опредѣляющихъ предѣлы и порядокъ отвѣтственности [1]).

въ выраженіи своихъ сужденій и подачѣ голосовъ и никакой за это не могутъ подлежать отвѣтственности, кромѣ опредѣленной въ наказѣ Гос. Думы, ни во время сессіи, ни по окончаніи оной». Докладъ этотъ, не появившійся въ официальномъ изданіи, напечатанъ въ сборникѣ «Дѣятельность М. Я. Острогорскаго въ первой Гос. Думѣ». Посвящается его избирателямъ. Спб. 1906, стр. 29—31.

[1]) См. свѣдѣнія объ этомъ въ книгѣ *A. Lair* Les hautes cours politiques en France et en etranger. Paris 1887.

Не такъ поступаетъ министръ юстиціи. Онъ получаетъ Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ рѣшенія постановленнаго судебнымъ установленіемъ и вноситъ его по ст. 259[1] учр. суд. уст. на рѣшеніе общаго собранія 1-го и касс. деп. Сената.

Едва ли можно признать правильнымъ такое вмѣшательство въ теченіе судебнаго дѣла. Постановленіемъ перваго деп. Гос. Совѣта отъ 23 апрѣля 1912 г. производство дѣла Г. Кузнецова было прекращено. Прекращенныя дѣла могутъ быть возобновляемы либо по жалобѣ, либо въ порядкѣ надзора. Ни тотъ ни другой порядокъ въ данномъ случаѣ не примѣнимъ. Возможность испрошеніи Высоч. повелѣнія о пересмотрѣ рѣшенія не предусматривается ст. 93 учр. Гос. Совѣта; предписаніе же перерѣшить дѣло, при отсутствіи какихъ либо указаній на допущенныя формальныя отступленія, трудно согласуется съ авторитетомъ судебнаго мѣста и ставитъ членовъ его въ безвыходное положеніе. Придуманный исходъ въ видѣ передачи дѣла на рѣшеніе Сената по ст. 259[1] учр. суд. уст. стоитъ въ противорѣчіи со ст. 13 уст. уг. суд., воспрещающей «останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ». Статья эта категорически требуетъ, чтобы само судебное мѣсто примѣняло существующіе законы, не затрагивая на этотъ счетъ мнѣній другихъ лицъ или учрежденій, какъ бы авторитетны они ни были [1]).

Разъясненія Сената по предложенію министра юстиціи, неизвѣстныя составителямъ судебныхъ уставовъ и привитыя закономъ 10 іюня 1877 г., за послѣднее время получили столь широкое распространеніе и въ содержаніи своемъ столь свободно относятся къ дѣйствующему праву, что не могутъ не вызвать у каждаго юриста серьезныхъ опасеній. Я позволю здѣсь привести

---

[1]) Для министра юстиціи представлялась возможность выяснить вопросъ о порядкѣ отвѣтственности членовъ Думы въ кассаціонномъ порядкѣ. Жалоба члена Гос. Думы Гололобова была передана первымъ департаментомъ Гос. Совѣта для разсмотрѣнія въ общія судебныя мѣста, въ которыхъ въ случаѣ спорности юридической стороны дѣла, она дошла бы до угол. касс. департамента. Эта возможность, однако, не была использована.

слова одного изъ авторитетнѣйшихъ нашихъ юристовъ, проф. Петражицкаго [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить существованіе въ русскомъ государственномъ строѣ своеобразнаго экспертнаго учрежденія, играющаго огромную роль, главнымъ образомъ въ области государственнаго права въ тѣсномъ смыслѣ и въ соотвѣтственной государственно-политической жизни, въ качествѣ лабораторіи производства и передѣлки офиціальнаго права, и тѣмъ не менѣе неизвѣстнаго традиціонному ученію объ источникахъ русскаго права. Это экспертное учрежденіе опредѣляется ст. 259[1] учр. суд. уст. Подлежащія «рѣшенія», называемыя въ публикѣ, прессѣ и т. д. «разъясненіями», представляютъ, очевидно, не что иное какъ юридическія экспертизы.. Можно сказать, что развитіе института правовыхъ нормативныхъ экспертизъ доходитъ въ Россіи до такой чрезвычайной и ненормальной степени, до такой гипертрофіи, что главное и долженствующее быть главнымъ и основнымъ позитивное право, законное право, отодвигается во многихъ областяхъ на задній планъ, вытѣсняется и разрушается.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ провести линію между законодательной и разъяснительной дѣятельностью, если вопросъ о публичномъ порядкѣ преслѣдованія клеветы, учиненной членомъ Гос. Думы, сегодня предлагается разсмотрѣнію законодательныхъ учрежденій, а завтра посредствомъ «экспертизы» Сената онъ признается дѣйствующимъ правомъ? Гдѣ граница на сторонѣ министра юстиціи между законодательной иниціативой и предложеніемъ вопроса на рѣшеніе Сената? Ст. 259[1] говоритъ о «вопросахъ, разрѣшаемыхъ неоднообразно въ различныхъ судебныхъ мѣстахъ», но развѣ можетъ быть отнесенъ сюда вопросъ, впервые только возникшій въ судебномъ мѣстѣ и не получившій даже еще окончательнаго разрѣшенія въ самомъ судѣ? Другіе примѣры пользованія ст. 259[1] показываютъ, что къ числу «рѣшаемыхъ неоднообразно» относились и тѣ, которые въ теченіе болѣе 20 лѣтъ не вызывали нигдѣ никакихъ сомнѣній. И развѣ не было случаевъ, когда министръ вносилъ на разъясненіе Сената вопро-

[3]) Теорія права и государства, т. II, стр. 640, изд. 2-ое.

совѣ., по которымъ имѣлась вполнѣ опредѣленная практика самого же Сената, и эти вопросы въ общемъ собраніи получали діаметрально противоположное рѣшеніе?

Нельзя не отмѣтить и того, что существованіе права «экспертныхъ разъясненій» въ рукахъ Сената представляетъ совершенно своеобразный пережитокъ нашего стараго законодательнаго строя, неизвѣстный ни одному европейскому праву, кромѣ развѣ Болгаріи, скопировавшей его съ нашего законодательства. Новѣйшій изслѣдователь роли кассаціоннаго суда Рауль де Грассери называетъ его «юридическимъ курьезомъ» [1]). Дѣйствительно, что общаго съ судебной дѣятельностью можетъ имѣть разсмотрѣніе отдѣльныхъ вопросовъ внѣ связи съ какими либо конкретными обстоятельствами дѣла, безъ участія заинтересованныхъ лицъ, происходящее по иниціативѣ административной власти? Какъ можно признать только *судебнымъ* рѣшеніемъ то, которому присваивается обязательная руководящая сила для всѣхъ случаевъ и для всѣхъ учрежденій? Въ Англіи, при всемъ довѣріи къ Высшему Суду, если въ гражданскомъ или уголовномъ дѣлѣ возникаетъ вопросъ особаго публичнаго значенія, то рѣшеніе этого юридическаго вопроса, по удостовѣреніи генеральнымъ атторнеемъ важности его, передается въ палату лордовъ. Французское право знаетъ кассацію въ интересахъ закона, но дѣйствіе этой кассаціи ограничивается только инвалидированіемъ отдѣльнаго судебнаго рѣшенія, постановленнаго съ нарушеніемъ закона. У насъ «разъясненія» даются въ руководство административныхъ и судебныхъ мѣстъ и лицъ, и, по выраженію проф. Петражицкаго, «вытѣсняютъ и разрушаютъ законное право». Мнѣ думается, что сохраненіе такихъ законодательныхъ полномочій за Сенатомъ съ созданіемъ у насъ опредѣленнаго законодательнаго порядка, предусмотрѣннаго основными законами, представляется непослѣдовательнымъ и создаетъ въ законодательной

---

[1]) *R. de la Grasserie.* De la fonction et des juridictions de cassation en législation comparée. Paris, 1911 p, 23.

области двоевластіе, вредящее ясному представленію о законности, и создающее неопредѣленность юридическихъ отношеній. Я не говорю уже о томъ, что оно способно создавать тяжкіе конфликты между высшими законодательными учрежденіями, не связанными руководящими рѣшеніями Сената.

Вопросъ о роли «экспертизъ» Сената въ цѣломъ не входитъ въ задачу моего доклада. Но я считалъ необходимымъ затронуть его, такъ какъ настоящій случай представляетъ яркій примѣръ попытки рѣшить въ такомъ порядкѣ вопросъ, единственно подлежащій компетенціи учрежденій законодательныхъ [1]).

Законодатель, судя по мотивамъ и принятой въ законѣ подсудности а также установленному порядку отвѣтственности, имѣлъ въ виду съ ст. 22 служебныя преступленія членовъ Государственной Думы, приравнивая послѣднихъ къ другимъ высшимъ чинамъ государственнаго управленія. Рисуя себѣ въ перспективѣ народное представительство, онъ не усвоилъ себѣ еще всѣхъ обязанностей его. Члены Гос. Думы будутъ выполнять офиціальныя функціи, почему бы и имъ не пользоваться тѣми выгодами административной гарантіи, которыя присвоены остальнымъ должностнымъ лицамъ? У нихъ нѣтъ *служебныхъ* обязанностей, но можно замѣнить ихъ обязанностями, лежащими на нихъ по ихъ званію. Первый департаментъ Гос. Совѣта въ постановленіи отъ 23 апрѣля 1912 г. по дѣлу Кузнецова прямо пишетъ:

Если институтъ такъ наз. административной гарантіи должностныхъ лицъ, имѣющій своею цѣлью огражденіе служащихъ

---

[1]) Сенатъ въ своемъ рѣшеніи считаетъ нужнымъ мотивировать свой взглядъ на примѣнимость въ данномъ случаѣ толкованія. «Въ настоящемъ случаѣ—пишетъ Сенатъ,—возникаетъ вопросъ не объ отсутствіи и неполнотѣ закона, опредѣляющаго порядокъ подвѣдомственности преступныхъ дѣяній, учиняемыхъ членами Гос. Думы при исполненіи обязанностей своего званія, а о дѣйствительномъ значеніи и объемѣ сего закона, каковой вопросъ составляетъ предметъ толкованія». Не трудно убѣдиться, однако, что указанія на неполноту и пробѣлы касаются не вопроса о подвѣдомственности, а 1) примѣнимости постановленій раздѣла V улож. о нак. къ членамъ Гос. Думы и 2) границъ безотвѣтственности членовъ Гос. Думы, вопроса, страдающаго по утвержденію ряда авторитетныхъ лицъ и учрежденій, «крайней неясностью». И самъ Сенатъ въ своемъ рѣшеніи опредѣляетъ далеко не только «порядокъ подвѣдомственности».

отъ возможности возбужденія противъ нихъ частными лицами явно неосновательныхъ обвиненій, требуетъ разрѣшенія начальства должностного лица, то тѣмъ болѣе такая гарантія необходима въ такихъ случаяхъ въ отношеніи лицъ, призванныхъ къ участію въ законодательной дѣятельности.

Эта вѣроятная мысль законодателя не нашла себѣ, однако, адекватнаго выраженія. Постановленія раздѣла V улож. о нак., гласящія о преступленіяхъ по службѣ, для своего примѣненія къ членамъ Думы встрѣчаютъ несомнѣнныя юридическія препятствія. Они были выработаны еще въ ту эпоху, когда люди, не облеченные въ вицъ-мундиръ того или иного вѣдомства, не допускались еще къ отправленію какихъ либо публичныхъ функцій.

Во первыхъ, распространеніе на членовъ Думы понятія «служащаго» едва ли допустимо. Въ рѣшеніи общ. собр. касс. деп. по дѣлу Сура 1880 г. № 26 высказано, что особенныя правила судопроизводства по преступленіямъ должности, составляя исключеніе изъ общихъ правилъ, не могутъ быть истолковываемы въ распространительномъ смыслѣ. Они относятся не ко всякаго рода нарушеніямъ обязанностей какого либо званія, присвоеннаго извѣстному лицу, хотя бы со званіемъ этимъ и соединено было исполненіе тѣхъ или иныхъ обязанностей, имѣющихъ служебный характеръ. Представителями власти являются только тѣ власти и лица, которыя прямо указаны въ уставахъ и учрежденіяхъ о гражданской службѣ, дѣятельность которыхъ вращается въ сферѣ охраненія государственнаго порядка и управленія. Хотя это разъясненіе было сдѣлано Сенатомъ по поводу примѣненія процессуальныхъ законовъ о должностной отвѣтственности, но нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣмъ большей силой оно примѣнимо къ законамъ матеріальнаго уголовнаго права, вообще чуждающимся распространительнаго толкованія по аналогіи. Защитники примѣненія къ членамъ Гос. Думы отвѣтственности за служебныя преступленія ссылаются на присяжныхъ засѣдателей, которые по ст. 1073 п. 2 предаются суду за нарушеніе ими обязанностей по сему званію въ порядкѣ, установленномъ для преступленій должности.

Однако вопросъ о примѣненіи къ присяжнымъ засѣдателямъ раздѣла V улож. о нак. въ практикѣ Сената вызвалъ большія колебанія. Вплоть до 1903 г. Сенатъ признавалъ, что присяжные засѣдатели могутъ быть предаваемы суды въ этомъ порядкѣ лишь за подлоги и взяточничество. Въ рѣшеніи общ. собр. и касс. деп. отъ 22 декабря 1903 г. незначительное меньшинство сенаторовъ считало возможнымъ распространить служебную отвѣтственность на всѣ служебныя преступленія, однако большинство подтвердило примѣнимость лишь статей 362 (подлогъ), 372—378 (лихоимство и вымогательство) и 414[1] (неявка къ исполненію обязанностей въ третій разъ). Рѣшеніе это, въ виду его спорности, по словамъ министра юстиціи, не было опубликовано. Наконецъ, въ рѣшеніи отъ 14 марта 1911 г. Сенатъ расширилъ списокъ служебныхъ преступленій присяжныхъ засѣдателей, признавъ возможной отвѣтственность ихъ за умышленное, изъ корыстныхъ и личныхъ видовъ, разрѣшеніе дѣла съ явнымъ нарушеніемъ закона и вопреки положительному оныхъ смыслу (ст. 366) и за неправильное рѣшеніе дѣла, послѣдовавшее отъ ошибки или отъ неправильнаго по недоразумѣнію толкованія законовъ (ст. 370). Не входя въ обсужденіе правильности рѣшеній Сената, слѣдуетъ отмѣтить, что Сенатъ все же каждый разъ полагалъ необходимымъ мотивировать примѣненіе каждой отдѣльной статьи раздѣла V къ присяжнымъ засѣдателямъ, высказавшись общимъ образомъ за непримѣненіе этого раздѣла въ цѣломъ Съ тѣмъ большимъ основаніемъ приходится примѣнять такое ограничительное толкованіе къ членамъ Гос. Думы. Если присяжные засѣдатели имѣютъ ясно очерченныя должностныя обязанности, то таковыхъ для членовъ Думы въ законѣ прямо не установлено.

Попытка примѣнять статьи раздѣла V въ цѣломъ къ членамъ Думы повлекла бы за собою совершенно недопустимыя послѣдствія. Такъ, напр., почему бы нельзя было бы примѣнять ст. 335, карающей за неприведеніе въ надлежащее исполненіе вошедшихъ въ законную силу судебныхъ рѣшеній, къ членамъ Думы,

голосовавшимъ противъ устраненія сочлена, осужденнаго судомъ (ст. 19 и 21 учр. Гос. Думы); или ст. 339, карающей бездѣйствіе власти, по отношенію къ предсѣдателю Думы, допустившему обсужденіе нежелательнаго или запретнаго вопроса; ст. 341, предусматривающей превышеніе власти, — за принятіе неподлежащихъ вѣдомству Думы вопросовъ; ст. 344, карающей за самовольное и завѣдомое препятствованіе дѣйствіямъ другого въ отправленіи должности,—къ членамъ, виновнымъ въ парламентской обструкціи; ст. 410, карающей за медленность и нерадѣніе въ отправленіи должности; ст. 413, предусматривающей неявку на должность или ст. 416—карающей за опозданіе къ началу присутствія или за неприличные разговоры въ присутственномъ мѣстѣ и пр. и пр.?

Предоставить какому либо судебному мѣсту, хотя бы и Сенату, право выбора изъ всего раздѣла V отдѣльныхъ статей, примѣнимыхъ къ членамъ Гос. Думы, едва ли допустимо. Оно несогласуется съ признанной необходимостью особой точности законовъ, опредѣляющихъ отвѣтственность, «недостаточная полнота и опредѣленность коихъ можетъ возбуждать нежелательныя въ дѣлахъ столь первостепенной важности сомнѣнія». На практикѣ это полномочіе вызвало бы крайній произволъ и постоянные конфликты.

Нельзя упускать также изъ виду, что большинство статей раздѣла V улож. о нак. непримѣнимо къ членамъ Гос. Думы еще и потому, что за служебныя нарушенія, предусмотрѣнныя ими, положены наказанія особенныя, примѣнимыя только къ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ. Какихъ либо правилъ замѣны этихъ наказаній общими въ законѣ не имѣется. Единственное постановленіе о такой замѣнѣ предусмотрѣно спеціально ст. 87^1 улож. о нак по прод. 1906 г. для желѣзнодорожныхъ служащихъ и не подлежитъ распространительному толкованію.

Несомнѣнно, что всѣ эти несогласованности ст. 22 съ уложеніемъ о нак. и уст. уг. суд. могутъ быть устранены не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Это имѣлось въ виду и раньше, но предположенія, вы-

сказывавшіеся по этому вопросу въ Гос. Совѣтѣ при обсужденіи преобразованія Верх. Угол. Суда, не получили осуществленія въ жизни. Внесеніе законопроекта о порядкѣ отвѣтственности членовъ Думы и Совѣта, вполнѣ возможнаго какъ для правительственной, такъ и для парламентской иниціативы (ст. 107 осн. зак.) тѣмъ болѣе необходимо, что практика успѣла создать на этой почвѣ недопустимыя толкованія. Я имѣю въ виду не только недавнее рѣшеніе Сената, но и то полномочіе, которое еще по дѣлу Петерсона присвоилъ себѣ совѣтъ министровъ. Въ засѣданіи совѣта министровъ отъ 8 іюля 1909 г. была признана необходимость всѣ приносимыя въ порядкѣ 87 ст. учр. Гос. Совѣта жалобы на членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы подвергать на Монаршее благовоззрѣніе съ заключеніемъ совѣта министровъ относительно направленія дѣла. Такое непредусматриваемое нашими законами вторженіе органа высшаго управленія въ дѣятельность судебную уже само по себѣ является ненормальнымъ. Оно становится уродливымъ, если мы укажемъ, что посредствомъ такого вмѣшательства административная власть беретъ на себя опредѣленіе случаевъ и границъ отвѣтственности членовъ законодательныхъ органовъ. Конституціонному праву Запада извѣстна отвѣтственность министровъ предъ палатами, но я не думаю, чтобы можно было бы привести какіе либо примѣры, аналогичные создавшемуся у насъ порядку отвѣтственности членовъ палатъ предъ совѣтомъ министровъ. При томъ порядкѣ, когда совѣтъ министровъ будетъ рѣшать, дать или не дать направленіе обвиненію противъ какого либо изъ членовъ Думы за дѣяніе, учиненное имъ при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей депутатскаго званія, будетъ открыто дано въ руки административной власти мощное орудіе для политической борьбы. При крайней неопредѣленности предѣловъ отвѣтственности членовъ Думы это право совѣта министровъ явится вполнѣ дискреціоннымъ. Постановленія по этому поводу не подлежатъ обжалованію; они будутъ кромѣ того скрѣплены авторитетомъ Монарха. При отсутствіи несмѣняемыхъ судей въ Верх. Угол. Судѣ

они будутъ давить всей тяжестью своего авторитета на рѣшеніе дѣла въ опредѣленномъ смыслѣ. Наконецъ, не явятся ли они постоянной угрозой для свободы законодательной дѣятельности, угрозой, значеніе которой можетъ быть хорошо учтено въ соотвѣтственныхъ случаяхъ?

Создавая ст. 22 учр. Гос. Думы, составители учрежденія Гос. Думы добросовѣстно полагали, что они даютъ особую гарантію членамъ Гос. Думы, приравнивая ихъ къ особамъ 2 и 3 класса. Объ этой гарантіи опредѣленно говорилось при перечнѣ особыхъ привилегій членовъ Гос Думы [1]). Но практика выработала изъ нея такую форму, при которой члены Думы, съ одной стороны, попали въ зависимость отъ усмотрѣнія министровъ, а съ другой, оказались лишенными даже тѣхъ гарантій общаго и независимаго суда, которыя предоставлены всѣмъ гражданамъ [2]). Вмѣсто того, чтобы создать прочную конституціонную гарантію, обезпечивающую спокойствіе законодательной дѣятельности отъ административнаго и судебнаго вмѣшательства, была создана административная гарантія худшаго типа. Обративъ вниманіе на ту сторону административной гарантіи, которая гарантируетъ должностныхъ лицъ отъ неосновательныхъ преслѣдованій со стороны гражданъ, составители учрежденія упустили изъ виду другую, наиболѣе существенную сторону этой гарантіи, санкціонирующую всевластіе начальства надъ служащимъ. Не слѣдуетъ забывать, что административная гарантія у насъ развивалась изъ старой патримоніальной системы, по которой всѣхъ чиновниковъ судило и карало ихъ же начальство. Эта гарантія была основана на идеѣ вѣдомственнаго суда. Мысль же о защитѣ служащихъ отъ неосновательныхъ преслѣдованій частныхъ лицъ на-

---

[1]) См. по этому вопросу извлеченіе изъ соображеній министра Внутр. Дѣлъ къ учрежденію Гос. Думы 6 авг. 1905 г., стр. 99 и 100.

[2]) Участіе сословныхъ представителей въ судѣ по преступленіямъ должности едва ли является существенной гарантіей; но слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ проектѣ о порядкѣ отвѣтственности за преступныя дѣянія по службѣ, принятомъ 3-ей Гос. Думой, предусмотрѣна передача такихъ дѣлъ въ вѣдомство суда съ присяжными засѣдателями. При такихъ условіяхъ сила гарантіи будетъ существенно иною.

вѣяна совершенно иными порядками Запада. У насъ она не къ мѣсту уже хотя бы потому, что право преслѣдованія (кромѣ единичныхъ исключеній) принадлежитъ прокуратурѣ, а не частнымъ лицамъ, и находится, кромѣ того, подъ контролемъ суда. Достаточно заглянуть въ объяснительную записку министра юстиціи къ законопроекту объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за преступныя дѣянія по службѣ, чтобы найти надлежащую оцѣнку этой гарантіи [1]).

«Сущность института административной гарантіи въ нашемъ процессѣ выражается въ почти полномъ устраненіи судебной власти отъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія и преданія суду служащихъ, навлекающихъ на себя подозрѣніе въ совершеніи преступныхъ дѣяній по службѣ... Будучи въ своемъ существѣ пережиткомъ отжившей островной системы, административная гарантія представляетъ именно тотъ существенный недостатокъ, что она присваиваетъ административнымъ органамъ совершенно несвойственныя имъ судебныя функціи.

Но та же Объяснительная Записка совершенно ошибочно, какъ на это уже указывалось въ литературѣ [2]), смѣшиваетъ административную гарантію съ идеей политической отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ.

Только по отношенію къ двумъ группамъ должностныхъ лицъ—пишетъ Объясн. Зап.—современное правосознаніе признаетъ необходимость такихъ преградъ, именно относительно высшихъ сановниковъ, направляющихъ внутреннее управленіе страною или участвующихъ въ законодательной дѣятельности государства, а также должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Крайняя затруднительность отдѣлить для первыхъ отвѣтственность чисто уголовную отъ сливающейся съ нею отвѣтственности политической... является главнымъ основаніемъ для установленія особаго порядка.

Это смѣшеніе, объясняемое недостаточнымъ знакомствомъ съ западнымъ правомъ, несомнѣнно отразилось и на порядкѣ, установленномъ для членовъ Думы.

---

[3]) См. стр. 7 Объясн. Записки къ проекту, внесенному въ 1909 г.

[1]) См. работу *Е. Кулишера* Судебное преслѣдованіе должностныхъ лицъ 1907 и мою статью по тому же вопросу въ «Правѣ» 1911 г. № 46, стр. 2539.

Но не трудно видѣть, что административная гарантія не только не сливается съ политическою отвѣтственностью, но діаметрально ей противоположна. Политическая отвѣтственность признается за преступленія противъ государства, а не за чисто служебныя преступленія; она предлагаетъ отвѣтственность министровъ предъ палатами, исключающую порою даже возможность помилованія, а не такую постановку, въ которой въ рукахъ монарха сосредоточивается возбужденіе дѣла, преданіе суду и помилованіе. Какъ справедливо указывалось въ «Правѣ» еще 1906 г. [1]), особый порядокъ отвѣтственности министровъ на Западѣ «сводится не къ созданію судопроизводственныхъ преградъ, а именно къ созданію для министровъ, на ряду съ общимъ порядкомъ уголовной отвѣтственности, еще и другого спеціальнаго, въ которомъ инициатива и рѣшающая роль предоставляются народному представительству».

Вопросъ о постановкѣ уголовно-политической и уголовно-служебной отвѣтственности высшихъ должностныхъ лицъ заслуживаетъ самостоятельнаго и подробнаго разсмотрѣнія. и здѣсь я не могу остановиться на немъ подробно, такъ какъ онъ выходитъ за предѣлы вопроса объ отвѣтственности народныхъ представителей. Укажу только, что перешедшія въ учрежденіе Гос. Совѣта 1906 г. постановленія по этому вопросу представляютъ еще остатокъ началъ совершенно иного государственнаго строя. Вполнѣ понятно, что они ни въ коемъ случаѣ не мирятся съ распространеніемъ ихъ на членовъ представительныхъ учрежденій.

Нормальныя начала отвѣтственности членовъ Думы за преступленія должности требуютъ прежде всего, чтобы право возбужденія преслѣдованія принадлежало самой Думѣ. Почему аналогичное право вполнѣ признается за городскими думами и земскими собраніями и не должно быть присвоено еще болѣе авторитетному органу Гос. Думѣ? Только сама Дума можетъ съ достаточною всесторонностью судить о томъ, имѣло ли мѣсто злоупотребленіе властью и какія послѣдствія оно причи-

[1]) «Право» № 28 1906 г.

нило. Далѣе, въ законѣ должны быть вполнѣ исчерпывающе и опредѣлительно перечислены тѣ дѣянія, за которыя подобная отвѣтственность допустима, при чемъ въ достаточной мѣрѣ должна быть принята во вниманіе забота объ огражденіи свободы сужденій и мнѣній. Участіе Верховной власти въ производствѣ такихъ дѣлъ устраняется. Наконецъ, самый составъ суда, который призванъ разсматривать преступленія, долженъ быть обычнымъ уголовнымъ судомъ для должностныхъ преступленій дѣйствующимъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Идея іерархіи судовъ въ зависимости отъ ранга должностей, неправильная по самому существу своему, не должна найти и здѣсь своего примѣненія. При достаточной гарантіи безотвѣтственности за рѣчи, чисто-служебная отвѣтственность членовъ Думы не представляетъ какихъ либо особыхъ чертъ, и за подлоги, взяточничество, вымогательство и пр. члены Думы должны судиться на одинаковыхъ со всѣми основаніяхъ. Свобода сужденій и мнѣній должна найти свое прямое признаніе въ статьѣ, которая должна быть внесена въ уголовные законы; за нарушеніе этой свободы должна быть установлена соотвѣтственная кара. Та же попытка растворить гарантію конституціонную въ ложно истолкованной гарантіи административной, которую мы находимъ въ недавнемъ рѣшеніи Сената, должна отпасть какъ продуктъ стремленія подвести новыя явленія жизни подъ старыя и непригодныя для нихъ формы. Новые правовые институты требуютъ и новыхъ формъ, и безплодны попытки задержать развитіе ихъ, наряжая ихъ въ обличія и формы отжившаго прошлаго.

Приложеніе I.

Рѣшеніе Сената объ отвѣтственности членовъ Гос. Думы.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ распорядительномъ засѣданіи общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, 1912 года октября 15 дня, слушалъ: предложенныя исп. об. оберъ-прокурора, вслѣдствіе ордера министра юстиціи, отъ 6 сентября 1912 г. за № 46061, вопросы: 1) подлежатъ ли члены Государственной Думы уголовной отвѣтственности за сужденія и мнѣнія, выраженныя ими въ засѣданіяхъ Государственной Думы или ея отдѣловъ, либо комиссій, хотя бы, въ частности, таковыя были заявлены въ запросахъ, обращаемыхъ къ правительству, если въ означенныхъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ заключаются признаки преступныхъ дѣяній; 2) подлежатъ ли члены Государственной Думы верховному уголовному суду за всѣ преступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по званію члена Государственной Думы, или только за тѣ изъ сихъ дѣяній, которыя по законамъ уголовнымъ признаются служебными преступленіями, предусмотрѣнными въ раздѣлѣ V уложенія о наказаніяхъ; 3) если члены Государственной Думы подлежатъ верховному уголовному суду только за тѣ преступныя дѣянія, которыя по законамъ уголовнымъ признаются служебными преступленіями, то должны ли быть тѣмъ не менѣе направляемы въ порядкѣ, указанномъ въ ст.ст. 87—90 учр. Гос. Сов., на заключеніе перваго департамента Государственнаго Совѣта и дѣла по остальнымъ преступнымъ дѣяніямъ, учиненнымъ членами Государственной Думы при исполненіи по по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію; 4) если же члены Государственной Думы подлежатъ преданію верховному уголовному суду за всѣ пре-

ступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по званію члена Государственной Думы, то: а) должны ли быть примѣняемы постановленія ст.ст. 91, 92 и 95 учр. Гос. Сов. и ст. 1112 уст. уг. суд. (по прод. 1906 г.) объ участіи въ производствѣ прокурорскаго надзора и въ отношеніи дѣлъ о тѣхъ изъ сихъ преступныхъ дѣяній, которыя подлежатъ относительно частныхъ лицъ частному порядку преслѣдованія, или же дѣла эти должны производиться съ соблюденіемъ предписанныхъ уставомъ уголовнаго судопроизводства изъятій для дѣлъ частнаго обвиненія, и б) могутъ ли послѣдняго рода дѣла быть прекращаемы примиреніемъ, когда они касаются преступныхъ дѣяній, учиненныхъ членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія ими обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію.

Выслушавъ заключеніе исполняющаго обязанности оберъ-прокурора, Правительствтющій Сенатъ, въ общемъ собраніи 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ, остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ:

По первому вопросу:

Принципъ такъ называемой иммунитетности народныхъ представителей — ихъ неприкосновенности и безотвѣтственности—установленъ конституціями лишь нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, но такая, совершенно исключительная прерогатива должна, конечно, быть опредѣленно указана въ законѣ и помимо такого указанія отнюдь не можетъ быть предполагаема. Наше же законодательство такого принципа безотвѣтственности народныхъ представителей не установило.

Напротивъ, изъ ст.ст. 15, 16, 20 и 22 учрежденія Государственной Думы (св. зак., т. I, ч. II, изд. 1906 г.) явствуетъ, что члены Государственной Думы отвѣтственны какъ за общія преступныя дѣянія, такъ и за совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію. При этомъ по отношенію къ обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, учиненныхъ не при исполненіи обязанностей ихъ званія, закономъ устанавливается (ст.ст. 15 и 16 учр. Гос. Думы) лишь особыя условія для личнаго задержанія обвиняемыхъ, но самый порядокъ привлеченія членовъ Государствен-

ной Думы къ отвѣтственности и подсудность ихъ подчиняются общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства. Для преступныхъ же дѣяній, совершенныхъ членами Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей сего званія ст. 22 учр. Гос. Думы установленъ особый порядокъ привлеченія ихъ къ отвѣтственности. Такимъ образомъ представляется вполнѣ очевиднымъ, что члены Государственной Думы подлежатъ отвѣтственности за всякое совершенное ими дѣяніе, воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, хотя бы таковое было совершено при исполненіи обязанностей, лежащихъ на нихъ по званію члена Государственной Думы, въ противномъ же случаѣ представлялось бы непонятнымъ установленіе порядка ихъ отвѣтственности, если бы они таковой не подлежали. При этомъ закономъ не сдѣлано никакого изъятія для отвѣтственности членовъ Государственной Думы за такія, признаваемыя уголовнымъ закономъ преступными, злоупотребленія словомъ, которыя имѣли бы мѣсто при выраженіи ими сужденій и мнѣній въ засѣданіяхъ Государственной Думы или ея отдѣловъ, либо комиссій, а также и въ запросахъ, обращаемыхъ къ правительству. Поэтому надлежитъ признать, что во всѣхъ такихъ случаяхъ члены Государственной Думы отвѣтственны, если въ ихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ заключались бы признаки преступныхъ дѣяній. Въ частности нельзя отвергать возможность такой отвѣтственности членовъ Государственной Думы, если бы ими было допущено клеветническое оглашеніе позорящихъ чью-либо честь обстоятельствъ въ засѣданіяхъ отдѣловъ либо комиссій Государственной Думы, или же въ запросахъ, обращаемыхъ къ правительству, ибо, хотя, въ силу ст. 42 учр. Гос. Думы, засѣданія отдѣловъ и комиссій происходятъ не публично, но, не говоря уже о томъ, что происходившее въ нихъ, тѣмъ не менѣе, обыкновенно дѣлается достояніемъ печати, самый фактъ оглашенія позорящихъ обстоятельствъ въ присутствіи многихъ лицъ, участвующихъ въ отдѣлахъ и комиссіяхъ, а въ отношеніи запросовъ, обращаемыхъ къ правительству,—и неизбѣжное ознакомленіе съ ними представителей подлежащей власти, вполнѣ соотвѣтствуютъ понятію распространенія (касс. рѣш. 1893 г. № 17, 1870 г. № 1310, 1871 г. № 536 и др.). Изложенному выводу объ отвѣтственности народныхъ представителей за учиненныя ими при исполненіи своихъ обязанностей преступныя дѣянія вовсе не противорѣчитъ

содержаніе ст. 14 учр. Гос. Думы, ибо статья эта, представляя членамъ Гос. Думы «полную свободу сужденій и мнѣній» по дѣламъ, подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, отнюдь не указываетъ на безотвѣтственность ихъ за преступленія, и въ сущности статья эта является лишь выраженіемъ того же начала, которое высказано въ ст. 5 учр. Гос. Сов., предоставляющей и Государственному Совѣту пользованіе «всею свободою мнѣній», а также выражено и въ ст. 79 зак. осн., представляющей каждому «свободно высказать свои мысли въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ», т. е. въ тѣхъ предѣлахъ, пока свобода слова не переходитъ въ воспрещенное закономъ, подъ страхомъ наказанія, злоупотребленіе сею свободою. Неосновательнымъ представляется и другое дѣлаемое возраженіе противъ отвѣтственности членовъ законодательныхъ собраній за сказанное въ засѣданіяхъ сихъ собраній, именно, будто по существу и характеру своей дѣятельности они могутъ быть вынуждены, побуждаемые необходимостью защиты государственныхъ интересовъ, преступать границы дозволенной свободы слова и оглашать свѣдѣнія, завѣдомо позорящія честь отдѣльныхъ лицъ. Несомнѣнно, что оглашеніе позорящихъ чью либо честь обстоятельствъ иногда можетъ быть неизбѣжнымъ въ видахъ защиты государственныхъ и общественныхъ интересовъ, и стѣсненіе свободы сужденій членовъ законодательныхъ собраній въ этомъ отношеніи было бы не только нарушеніемъ дарованныхъ имъ драгоцѣнныхъ правъ, но и крайне опаснымъ и вреднымъ началомъ. Но столь же несомнѣнно, что никакіе интересы, а тѣмъ паче интересы государственные, никогда не могутъ быть защищаемы посредствомъ преступныхъ проявленій слова, посредствомъ умышленной, завѣдомой лжи, несправедливо позорящей чью либо честь, или при помощи ругательныхъ и поносительныхъ выраженій. Оглашеніе же членами законодательныхъ собраній по подлежащимъ ихъ вѣдѣнію дѣламъ, хотя бы и позорящихъ обстоятельствъ, но коль скоро такое оглашеніе основано на правѣ, или хотя бы на добросовѣстномъ заблужденіи и не сопровождается злословіемъ и бранью, не будетъ заключать въ себѣ признаковъ дѣянія преступнаго, ибо, не говоря о клеветѣ (ст. 1535 ул. о нак.), для наличности которой необходима доказанность завѣдомой лжи оглашеннаго, но даже и диффамація (ст. 1039 ул. о нак.), т. е. оглашеніе позорящихъ обстоятельствъ независимо

отъ ихъ правдивости, когда такое опозореніе касается не частной жизни, а служебной и общественной дѣятельности, преимущественно затрагивающей государственные и общественные интересы, допускаетъ exceptio veritatis посредствомъ письменныхъ доказательствъ, причемъ извѣстно, какъ широко практика Правительствующаго Сената опредѣляетъ понятіе такихъ письменныхъ доказательствъ, подводя подъ оныя даже неофиціальные документы (рѣш. общ. собр. 1889 года № 30). Надлежитъ при этомъ принять во вниманіе и то обстоятельство, что лицо, увѣренное въ лживости оглашеннаго о немъ позорящаго обстоятельства, обыкновенно никогда не прибѣгаетъ къ преслѣдованію за диффамацію, сознавая, что такимъ обвиненіемъ не уничтожается предположеніе о правдивости оглашеннаго. Поэтому можно съ положительностью утверждать, что никакое оскорбительное оглашеніе, сдѣланное членомъ Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, коль скоро оно добросовѣстно и вызвано только государственными и общественными интересами, а не посторонними обсуждаемому дѣлу побужденіями, не должно и не можетъ вызвать отвѣтственности за злоупотребленіе свободою слова. Возбраненіе же умышленной лжи или безцѣльнаго опозоренія и поносительныхъ и ругательныхъ выраженій при исполненіи членами Государственной Думы лежащихъ на нихъ обязанностей не только не можетъ стѣснить полной свободы ихъ мнѣній и сужденій, но лишь служитъ къ священной охранѣ достоинства и авторитета законодательнаго собранія и его членовъ. Слѣдуетъ, наконецъ, имѣть въ виду, что возбуждаемый вопросъ объ отвѣтственности членовъ Государственной Думы за клевету въ рѣчи, произнесенной при исполненіи обязанностей сего званія, уже былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ Высочайше утвержденнымъ 22 февраля 1907 г. положеніемъ перваго департамента Государственнаго Совѣта по дѣлу Ильи Шрага.

По изложеннымъ основаніямъ Правительствующій Сенатъ признаетъ, что первый вопросъ долженъ быть разрѣшенъ утвердительно.

По второму вопросу:

При разрѣшеніи второго вопроса и тѣсно съ нимъ связанныхъ вопросовъ третьяго и четвертаго, Правительствующій

Сенатъ не могъ не остановиться прежде всего на соображеніи о томъ, не требуютъ ли эти вопросы, въ виду ихъ спорности и возникающихъ сомнѣній, законодательнаго разсмотрѣнія. По сему поводу Правительствующій Сенатъ принялъ во вниманіе, съ одной стороны, то обстоятельство, что возникающія въ жизни государства явленія, настоятельно требующія примѣненія къ нимъ юридическихъ нормъ, не могутъ оставаться, впредь до изданія новыхъ законоположеній, безъ пріуроченія къ существующимъ, а съ другой, что изданіе новаго закона неизбѣжно лишь тогда, когда обнаруживается совершенное отсутствіе такового въ отношеніи возникающаго явленія или же явная неполнота закона въ томъ же отношеніи. Въ настоящемъ же случаѣ возникаетъ вопросъ не объ отсутствіи или неполнотѣ закона, опредѣляющаго порядокъ подвѣдомственности преступныхъ дѣяній, учиняемыхъ членами Государственной Думы при исполненіи ими обязанностей сего званія, а о дѣйствительномъ значеніи и объемѣ сего закона, каковой вопросъ составляетъ предметъ того толкованія, которое въ силу ст.ст. 9 и 10 уст. гр. суд., ст.ст. 12 и 13 уст. уг. суд. и ст. 259^{1} учр. суд. уст., является правомъ и обязанностью судебныхъ мѣстъ—въ отдѣльныхъ случаяхъ, а Правительствующаго Сената сверхъ того и для преподанія общихъ руководящихъ указаній.

Признавая посему предположенные вопросы подлежащими разрѣшенію въ порядкѣ толкованія законовъ Правительствующій Сенатъ нашелъ:

Въ постановкѣ вопроса второго и послѣдующихъ, при первомъ же ознакомленіи съ ними, усматривается нѣкоторая двойственность и даже какъ бы парадоксальность. И дѣйствительно, если ст. 22 учр. Гос. Думы и ст 1076 уст. уг. суд. (по прод. 1909 г.), опредѣлительно указываютъ, что члены Думы подвѣдомственны верховному уголовному суду за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, то едва ли можетъ возникнуть твердое основаніе полагать, что законъ имѣлъ въ виду высказать въ приведенныхъ выраженіяхъ не то, что въ нихъ сказано, а нѣчто иное, меньшее по объему и спеціальное по содержанію, именно: имѣлъ въ виду особый родъ такъ называемыхъ служебныхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ въ раздѣлѣ V улож. о нак. Съ другой стороны, казалось бы, что, если слова означеннаго закона слѣдуетъ по-

нимать въ послѣднемъ смыслѣ и, слѣдовательно, надлежитъ признавать, что всякія иныя преступныя дѣянія, учиненныя членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по ихъ званію, подвѣдомственны общимъ судамъ и должны производиться въ общемъ порядкѣ, то нѣтъ никакого основанія, исходя изъ одного и того же закона и даже изъ однихъ и тѣхъ же его выраженій, полагать тѣмъ не менѣе, что порядокъ возбужденія дѣлъ о сихъ преступленіяхъ долженъ быть не общій же, соотвѣтствующій ихъ подсудности, а тотъ особенный, который установленъ, согласно ст.ст. 86—95 учр. Гос. Сов., исключительно для дѣлъ, подвѣдомственныхъ верховному уголовному суду, и требуетъ представленія такихъ дѣлъ на усмотрѣніе Верховной власти. Въ разъясненіе такой двойственности, содержаніемъ закона неоправдываемой, приводится какъ это видно изъ производства, послужившаго поводомъ къ возбужденію настоящихъ вопросовъ, два соображенія: необходимость большей гарантіи правильности возбужденія преслѣдованія противъ народныхъ представителей и указанный рѣшеніемъ по дѣлу Мироновича (касс. рѣш. 1871 г. № 846) порядокъ возбужденія дѣлъ о клеветѣ, учиненной должностнымъ лицомъ при исполненіи имъ обязанностей службы, какой порядокъ устанавливаетъ предварительное разрѣшеніе начальствомъ обвиняемаго въ клеветѣ должностнаго лица вопроса о томъ, можетъ ли быть предоставлено потерпѣвшему право преслѣдованія виновнаго въ порядкѣ частнаго обвиненія. Правительствующій Сенатъ съ своей стороны находитъ, что приведенныя соображенія не разъясняютъ указанной двойственности, ибо, если исключительный порядокъ возбужденія означенныхъ дѣлъ вызывается необходимостью большей гарантіи народныхъ представителей, то тѣмъ же соображеніемъ вызывалась бы и подвѣдомственность этихъ дѣлъ верховному суду. Рѣшеніе же по дѣлу Мироновича, состоявшееся въ 1871 г. по отношенію къ низшему полицейскому чиновнику, противъ котораго заявлялось обвиненіе въ оклеветаніи частнаго лица въ письменномъ докладѣ своему начальству, не примѣнимо къ вопросу о порядкѣ возбужденія дѣлъ по обвиненію членовъ Государственной Думы въ клеветѣ, допущенной въ произносимыхъ ими при исполненіи обязанностей по своему званію рѣчахъ, ибо основное соображеніе означеннаго рѣшенія, установившаго по-

рядокъ возбужденія дѣла, закономъ неуказанный, заключалось въ признаніи необходимости предоставленія начальству должностного лица разрѣшенія вопроса о томъ, не было ли въ заключившемъ клевету донесеніи признаковъ служебнаго преступленія, которое вызвало бы принятіе соотвѣтственныхъ мѣръ со стороны начальства. Нѣтъ основанія полагать, что означенныя соображенія Правительствующаго Сената по поводу сообщеннаго чиновникомъ въ донесеніи по начальству можетъ быть примѣнимо къ сказанному въ рѣчи, произнесенной членомъ Государственной Думы въ законодательномъ собраніи. Посему Правительствующій Сенатъ полагаетъ, что вопросъ третій можетъ быть разрѣшенъ только въ соотвѣтствіи съ вопросомъ вторымъ, и если признавать, что верховному уголовному суду подвѣдомственны не всѣ преступныя дѣянія, учиненныя членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, то и возбужденіе дѣлъ о такихъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя верховному уголовному суду не подвѣдомственны, не должно слѣдовать особому порядку, указанному въ ст.ст. 86—90 учр. Гос. Сов.

Переходя, засимъ, къ разрѣшенію, въ частности, второго вопроса, Правительствующій Сенатъ, нашелъ:

Какъ изложено выше, текстуальное толкованіе ст. 22 учр. Гос. Думы и ст. 1076 уст. уг. суд. (по прод. 1909 г.) не даетъ никакого основанія къ заключенію, что члены Государственной Думы подлежатъ преданію верховному уголовному суду только за тѣ изъ учиненныхъ ими при исполненіи обязанностей своего званія преступныя дѣянія, которыя по законамъ уголовнымъ признаются служебными преступленіями, предусмотрѣнными въ раздѣлѣ V улож. о нак. Для такого вывода необходимо было бы признать, что выраженіе закона: «преступныя дѣянія, совершенныя членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему ихъ званію», тождественно съ выраженіемъ «преступленія должности», или что отличіе въ сихъ выраженіяхъ зиждется не на отличіи первыхъ дѣяній отъ вторыхъ, а на отличія званія члена Государственной Думы отъ должностей другихъ высшихъ чиновъ государственнаго управленія. Но для признанія тождества приведенныхъ выраженій нѣтъ никакихъ основаній, ибо, отождествляя выраженія: преступле-

нія по службѣ (разд. V улож. о нак.), преступленія должности (разд. III кн. III уст. уг. суд.) или преступленія служебныя, должностныя, нарушенія долга службы (ст. 68 п. 4 учр. Гос. Сов), законъ нигдѣ не отождествляетъ эти спеціальныя выраженія, относящіяся къ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ раздѣлѣ V улож. о нак, съ выраженіемъ: «преступленія, совершенныя при исполненіи обязанностей службы (или званія)», соотвѣтствующимъ понятію объ иныхъ преступленіяхъ, именно: о всякихъ преступленіяхъ, хотя бы и общаго характера, но коль скоро они учинены служебнымъ способомъ дѣйствія, т. е. при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей службы. Недопустимо, конечно, предположеніе, что означенное выраженіе закона появилось лишь случайно, чему противорѣчило бы то обстоятельство, что то же выраженіе помѣщено какъ въ ст. 22 учр. Гос. Думы, такъ и въ п. 4 ст. 68 учр. Гос. Сов., а равно и ст. 1076 уст. уг. суд. (по прод. 1909 г.), причемъ изъ сообщенія товарища государственнаго секретаря отъ 8 октября 1912 года за № 3227 видно, что ст. 1076 по прод. 1906 года, которая была изложена слѣдующимъ образомъ: «Верховному уголовному суду предаются *за преступленія должности* члены Государственнаго Совѣта и члены Государственной Думы, предсѣдатель совѣта министровъ, министры, главноуправляющіе отдѣльными частями, намѣстники и генералъ-губернаторы»,—потому имснно и измѣнена по прод. 1909 г., дабы бывшее въ ней выраженіе «за преступленіе должности», отнесенное и къ членамъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, замѣнить выраженіемъ, соотвѣтствующимъ п. 4 ст. 68 учр. Гос. Сов. Еще болѣе подтверждается отсутствіе случайности приведеннаго выраженія тѣмъ соображеніемъ, что при составленіи проекта уголовнаго уложенія 1903 г., какъ это видно изъ объяснительной записки редакціонной комиссіи, при обсужденіи законоположеній о служебныхъ преступленіяхъ имѣлись въ виду преступленія общаго характера, но учиненныя служащими служебнымъ способомъ дѣйствія, т. е. при исполненіи обязанностей службы, подчинить особому порядку судебнаго разсмотрѣнія, или выдѣлить въ особую группу, и это предположеніе соотвѣтствуетъ тому опредѣленію особыхъ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ членами Государственной Думы при исполненіи ими обязанностей своего званія, которое указано въ ст. 22 учр. Гос. Думы. Такимъ образомъ очевидно,

что выраженіе ст. 22 учр. Гос. Думы не только не случайное и не тождественно съ выраженіемъ «преступленія должности», но заключаетъ въ себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе о преступленіяхъ иного характера, отличныхъ отъ преступленій спеціально служебныхъ. Равнымъ образомъ нельзя объяснить отличіе приведенныхъ выраженій однимъ стремленіемъ отмѣтить отличіе званія члена Государственной Думы отъ иныхъ должностей высшихъ чиновъ государственнаго управленія, такъ какъ, если допустить, что въ отношеніи какъ первыхъ, такъ и вторыхъ имѣлись въ виду только спеціально должностныя преступленія, предусмотрѣнныя въ раздѣлѣ V улож. о нак., то не предстояло никакой надобности столь тщательно, какъ это сдѣлано въ ст. 22 учр. Гос. Думы и въ ст. 1076 уст. уг. суд., отличать свойства самыхъ дѣяній, а не лицъ, ихъ совершающихъ. Если бы предполагалось, не отличая самыхъ дѣяній, изложить ст. 22 учр. Гос. Думы и ст. 1076 уст. уг. суд. только такъ, чтобы не смѣшивать званія членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы съ другими высшими чинами то эта мысль не вызывала надобности въ отличіи описанія самыхъ дѣяній и могла бы быть выражена вполнѣ ясно, напр., такъ: верховному уголовному суду предаются предсѣдатель совѣта министровъ, министры, главноуправляющіе, намѣстники и генеръ-губернаторы за преступныя дѣянія по симъ ихъ должностямъ, а также члены Государственнаго Совѣта и Государственной Думы за преступныя дѣянія по сему ихъ званію (или: сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей сего званія). Между тѣмъ въ приведенныхъ статьяхъ помѣщены выраженія, которыя совершенно измѣняютъ свойства самыхъ дѣяній, изъ чего съ несомнѣнностью явствуетъ, что законодатель имѣлъ въ виду установить подвѣдомственность членовъ Государственной Думы верховному уголовному суду не за одни только служебныя преступленія, предусмотрѣнныя разд. V улож. о нак, а за тѣ преступленія, которыя описаны въ ст. 22 учр. Гос. Думы, т. е. за преступленія, совершенныя ими при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по званію членовъ Государственной Думы. Правильность такого вывода подтверждается и законодательными источниками. Такъ, изъ соображеній министра внутреннихъ дѣлъ къ учрежденію Государственной Думы 6 августа 1905 года (стр. 99 и 100) видно, что въ числѣ мѣръ къ огражденію и обезпеченію не-

зависимости народныхъ представителей указывалось, между прочимъ, то, что въ случаѣ совершенія ими *какого либо* преступнаго дѣянія *при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей по ихъ званію*, они должны подлежать судебной отвѣтственности въ томъ же порядкѣ, какой положенъ для высшихъ должностныхъ лицъ въ случаяхъ совершенія послѣдними служебныхъ преступленій (нарушенія долга службы). Очевидно, что приведенное выраженіе «какое либо преступленіе» вполнѣ равнозначаще съ выраженіемъ «всякое преступленіе», и слѣдовательно, имѣлось въ виду постановить отвѣтственность членовъ Государственной Думы въ особомъ порядкѣ за всѣ преступленія, совершаемыя ими при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей ихъ званія. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что отсутствіе въ текстѣ ст. 22 учр. Гос. Думы и ст. 1076 уст уг. суд., слова «всѣ» или «всякія» при указаніи преступленій, за которыя члены Государственной Думы подлежатъ отвѣтственности въ особомъ порядкѣ, отнюдь не можетъ служить доказательствомъ ограничительнаго значенія сего текста, ибо само собою разумѣется, что указываемая подвѣдомственность относится ко всѣмъ описываемымъ въ приведенныхъ статьяхъ преступленіямъ, коль скоро противное не оговорено. Въ терминологіи законовъ уголовныхъ такая пояснительная прибавка словъ: «всѣ» или «всякія», какъ излишняя, вообще не примѣняется. Такъ, напр., опредѣляя отвѣтственность за убійство, за кражу, уголовный законъ нигдѣ не прибавляетъ словъ «за всякое убійство», «за всякую кражу», а ограничивается словами «за кражу такую то», «за убійство» такое то, изъ чего, однако, явно ошибочнымъ было бы полагать, что опредѣленіе закона относится не ко всѣмъ случаямъ описываемаго лишенія жизни или тайнаго похищенія. Посему нѣтъ никакого основанія отрицать, что ст. 22 учр. Гос. Думы и ст. 1076 уст. уг. суд. установлена подвѣдомственность верховному уголовному суду членовъ Государственной Думы за всѣ преступныя дѣянія, совершенныя ими при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по ихъ званію. При этомъ закономъ не сдѣлано никакого изъятія для тѣхъ изъ сихъ дѣяній, которыя, относительно частныхъ лицъ, преслѣдуются въ частномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего надлежитъ признать, что и такія дѣянія, коль скоро они учинены членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполне-

нія обязанностей по своему званію, подвѣдомственны верховному уголовному суду.

Противъ такого вывода можно указать на вытекающее изъ систематическаго толкованія закона возраженіе, которое, на первый взглядъ, представляется вѣскимъ. Возраженіе это заключается въ слѣдующемъ: верховному уголовному суду, согласно ст. 1071 уст. уг. суд., подвѣдомственны только дѣла о служебныхъ преступленіяхъ, ибо, послѣ изданія закона 22 апрѣля 1906 г., о семъ судѣ указано только въ раздѣлѣ III книги III уст. уг. суд., опредѣляющемъ порядокъ судопроизводства по преступленіямъ должности, а равно и ст. 1076 уст. уг. суд., опредѣляющая подвѣдомственность дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ членами Государственной Думы при исполненіи ими обязанностей сего званія, помѣщена въ томъ же III раздѣлѣ, изъ чего заключается, что ст. 1076 уст. уг. суд. и не аналогичная съ нею ст. 22 учр. Гос. Думы могли имѣть въ виду только спеціально служебныя преступленія, а не иныя. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, означенное возраженіе теряетъ значеніе въ виду слѣдующихъ соображеній: стройная систематичность, которою отличались судебные уставы Императора Александра II при ихъ изданіи, не могла не быть, съ теченіемъ времени, нарушена введеніемъ въ эти уставы выдвигавшихся жизнью новыхъ узаконеній, а потому помѣщеніе новой нормы въ тотъ или иной раздѣлъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для установленія дѣйствительнаго содержанія и объема такой нормы. Такъ, напримѣръ, исходя изъ указаннаго возраженія, что въ раздѣлъ III могли войти судопроизводственныя правила, касающіяся только служебныхъ преступленій, надлежало бы признать, что и въ раздѣлъ II той же книги III, устанавливающей судопроизводство по государственнымъ преступленіямъ, могли войти нормы, касающіяся только государственныхъ преступленій. Однако, закономъ 4 іюня 1874 года, вошедшимъ въ примѣч. къ ст. 1031 уст. уг. суд. (по изд. 1883 г.), помѣщенной въ раздѣлѣ II, дѣянія, предусмотрѣнныя ст.ст. 318—324 улож. о нак., составляющія преступленія не государственныя, а противъ порядка управленія (разд. IV улож. о нак.), были указаны какъ подлежащія установленному для государственныхъ преступленій порядку отвѣтственности. Такимъ образомъ, основываясь на доводахъ приведеннаго возраженія, пришлось бы признать, вопреки очевидности, что преступленія,

предусмотрѣнныя ст.ст. 318—324 улож. о нак., являются государственными преступленіями, такъ какъ о нихъ указано въ раздѣлѣ уст. уг. суд., говорящемъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ. Можно было бы привести и иные аналогичные примѣры, но и сказанное достаточно выясняетъ шаткость систематическаго толкованія закона въ примѣненіи къ судебнымъ уставамъ, подвергавшимся столь частымъ измѣненіямъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что и при признаніи безспорности того, что ст. 22 учр. Гос. Думъ имѣетъ въ виду совершенныя членами Государственной Думы преступныя дѣянія не спеціально служебныя, надлежало, тѣмъ не менѣе, соотвѣтственное сей статьѣ судопроизводственное правило помѣстить въ раздѣлѣ III кн. III уст. уг. суд., не только потому, что преступныя дѣянія, хотя и общія, но совершенныя при исполненіи обязанностей службы, ближе всего подходятъ къ преступленіямъ спеціально служебнымъ, но и потому, что во всемъ уставѣ угол. суд. нѣтъ ни одного раздѣла, кромѣ III книги III, который сколько-либо соотвѣтствовалъ содержащемуся въ ст. 22 учр. Гос. Думы судопроизводственному правилу. (Книги I и II указываютъ общій порядокъ судопроизводства въ мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, всѣ же изъятія изъ общаго порядка помѣщены въ 3 книгѣ, въ которой раздѣлъ I касается производства, съ участіемъ духовнаго вѣдомства, разд. II—производства по государственнымъ преступленіямъ, разд. IV—производства по преступленіямъ, относящимся до разныхъ частей административнаго управленія, и разд. V—производства смѣшанной подсудности, военной и гражданской). Посему, нахожденіе ст. 1076 уст. уг. суд. въ раздѣлѣ III отнюдь не исключаетъ признанія того, что въ установленномъ сею статьею порядкѣ члены Государственной Думы подлежатъ отвѣтственности не только за спеціально служебныя преступленія, но и за иныя, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по ихъ званію. Одинаково несущественно и возраженіе, указывающее на то, что верховному уголовному суду подвѣдомственны только дѣла о преступленіяхъ должности. До 1906 года верховному уголовному суду были подвѣдомственны не одни дѣла о преступленіяхъ должности высшихъ чиновъ, но и наиболѣе важныя дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, причемъ содержаніе первоначальной редакціи ст. 1030 уст. уг. суд. прямо указывало, что

подвѣдомственность верховному уголовному суду предопредѣлялась исключительно важностью дѣлъ, изъ чего явствуетъ, что при установленіи сего суда, облеченнаго особымъ довѣріемъ Верховной власти, законодатель отнюдь не имѣлъ въ виду предназначать его только для сужденія дѣлъ о спеціально должностныхъ преступленіяхъ, но полагалъ подчинить ему дѣла чрезвычайной важности, какъ о преступленіяхъ государственныхъ, такъ и о нарушеніи долга службы высшими чинами государственнаго управленія. И если закономъ 1906 года подвѣдомственность верховному уголовному суду была ограничена дѣлами послѣдняго рода, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ судъ не былъ управомоченъ на разсмотрѣніе указанныхъ въ ст. 1076 уст. уг. суд. дѣлъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ членами Государственной Думы при исполненіи ими обязанностей своего званія. Подчинивъ верховному уголовному суду и эти дѣла, признаваемыя законодателемъ столь же важными, какъ и дѣла о нарушеніи другими высшими чинами долга службы, высокія правомочія и подвѣдомственность верховнаго суда, очевидно, ни въ чемъ не нарушены.

Вышеизложенный выводъ о подвѣдомственности верховному уголовному суду дѣлъ о всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по ихъ званію, несомнѣнно вытекающій изъ буквальнаго содержанія приведенныхъ узаконеній, находится въ полномъ согласіи и съ общимъ смысломъ законовъ, опредѣляющихъ сущность и значеніе законодательныхъ учрежденій.

Какъ указано при обсужденіи перваго вопроса, наше законодательство не установило начала безотвѣтственности народныхъ представителей, но изъ вышеприведенныхъ соображеній министра внутреннихъ дѣлъ къ учрежденію Государственной Думы усматривается, что имѣлось въ виду особенно тщательно охранить свободу и независимость нарождавшихся законодательныхъ учрежденій и обставить отвѣтственность ихъ членовъ, въ случаѣ учиненія ими преступленій при исполненіи своихъ обязанностей, всевозможными гарантіями, которыя ограждали бы ихъ отъ неосновательнаго привлеченія къ суду. Особое значеніе, которое законодателемъ придавалось народнымъ представителямъ, конечно, не въ смыслѣ ихъ іерархическаго сана, а по существу ихъ дѣятельности, явствуетъ изъ ст. 7

зак. осн., въ силу которой Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою. Участіе въ созданіи, въ единеніи съ Верховною властью, нормъ, регулирующихъ правомѣрный порядокъ государства, свидѣтельствуетъ объ исключительной важности положенія лицъ, призываемыхъ къ такой дѣятельности. Поэтому представляется вполнѣ согласнымъ съ духомъ законовъ основныхъ признаніе того начала, что всякія преступныя проявленія, при выполненіи членами законодательныхъ учрежденій своихъ высокихъ обязанностей, подвѣдомственныхъ тому, облеченному особымъ довѣріемъ Монарха, верховному суду, въ которомъ и возбужденіе дѣла, и преданіе суду восходятъ на усмотрѣніе Верховной же власти. И если для другихъ высшихъ чиновъ государственнаго управленія представлялось достаточнымъ установить такую гарантію лишь по отношенію къ случаямъ нарушенія ими долга службы, то въ отношеніи членовъ законодательныхъ учрежденій эта гарантія должна была быть шире и обнимать всякія преступныя нарушенія, учиняемыя при исполненіи ими своихъ обязвностей. Иное толкованіе закона о порядкѣ отвѣтственности народныхъ представителей, въ смыслѣ признанія подвѣдомственности ихъ верховному уголовному суду только по служебнымъ преступленіямъ, привело бы къ призрачности такой гарантіи, ибо, независимо отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ преступленій, къ нимъ не относящихся (напр., указанное въ гл. V неправосудіе, или указанныя въ гл. XI), весьма значительное число изъ остальныхъ преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ въ раздѣлѣ V ул. о нак., влечетъ сцеціальныя наказанія, къ членамъ законодательныхъ учрежденій не примѣнимыя, какъ, напр., выговоры со внесеніемъ въ формуляръ, вычеты изъ времени службы, удаленіе отъ должности и т. п., или тоже непримѣнимыя къ нимъ дисциплинарныя взысканія, вслѣдствіе чего лишь ничтожное количество дѣлъ о преступленіяхъ должностныхъ, совершенныхъ членами Государственной Думы, могло бы подлежать означенному особому порядку подвѣдомственности. Это соображеніе не могло не быть въ виду при изданіи закона о порядкѣ отвѣтственности членовъ Государственной Думы и этимъ, несомнѣнно и объясняется то обстоятельство, что предѣлы отвѣтственности высшихъ чиновъ членовъ государственнаго управленія передъ верховнымъ судомъ, ограниченные одними служебными пре-

ступленіями, были признаны несоотвѣтственными для членовъ законодательныхъ учрежденій, почему и надлежало для послѣднихъ опредѣлить иной объемъ и иныя свойства тѣхъ преступленій, при учиненіи которыхъ существовала бы для нихъ та же гарантія, которая установлена въ отношеніи высшихъ чиновъ для преступленій служебныхъ. Такой объемъ и такія свойства и установлены признаніемъ подсудности верховному уголовному суду всякихъ преступленій, совершаемыхъ членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, и такое толкованіе закона объ особомъ порядкѣ отвѣтственности членовъ законодательныхъ учрежденій является не возбраняемымъ наукою уголовнаго права и судебною практикою распространительнымъ толкованіемъ закона исключительнаго, а согласнымъ съ началами, провозглашенными законами основными, и вытекающимъ изъ точнаго содержанія закона изъясненіемъ истиннаго его объема и значенія.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ признаетъ, что члены Государственной Думы подлежатъ преданію верховному уголовному суду за всѣ преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему ихъ званію.

По третьему вопросу:

Согласно указанному въ соображеніяхъ по второму вопросу и въ виду вышеизложеннаго его разъясненія, вопросъ третій не требуетъ разрѣшенія.

По четвертому вопросу:

Содержаніе ст. 95 учр. Гос. Сов. и ст. 1112 уст. уг. суд. даетъ основаніе полагать, что въ верховномъ уголовномъ судѣ иного производства, какъ при участіи прокурорскаго надзора и по внесеннымъ въ сей судъ оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента обвинительнымъ актамъ,—быть не можетъ. Ни въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, ни въ учрежденіи Гос. Совѣта нѣтъ никакихъ указаній на возможность производства дѣлъ въ верховномъ уголовномъ судѣ въ порядкѣ частнаго обвиненія. Такое умолчаніе закона вполнѣ

согласно съ предназначеніемъ сего суда, подвѣдомственность которому, какъ это изложено выше, опредѣлялась исключительно важностью дѣлъ, подчиняемыхъ его высокимъ правомочіямъ. Дѣла же исключительной важности, очевидно, не могли предполагаться производимыми въ порядкѣ частнаго обвиненія. Посему не можетъ быть сомнѣнія, что законъ вовсе не допускалъ возможности производства дѣлъ въ верховномъ судѣ иначе, какъ при участіи прокурорскаго надзора. Столь же очевидно и то, что этотъ порядокъ производства въ верховномъ уголовномъ судѣ остается въ полной силѣ и при признаніи подсудности сему суду всѣхъ дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ членами Государственной Думы при исполненіи обязанностей, лежащихъ на нихъ по ихъ званію, хотя бы то были дѣянія, которыя подлежатъ, относительно частныхъ лицъ, преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія, ибо такія дѣянія, кромѣ нарушенія интереса частнаго, заключаютъ въ себѣ и, въ гораздо большей степени, нарушеніе серьезнѣйшаго публичнаго интереса, такъ какъ государство не можетъ безразлично относиться къ огражденію достоинства и авторитета законодательнаго учрежденія и его членовъ. Этотъ государственный интересъ означенныхъ преступныхъ дѣяній поглощаетъ собою частный ихъ характеръ, которому, по пріобрѣтаемому ими свойству, они уже совершенно не соотвѣтствуютъ. И дѣйствительно: преступными дѣяніями, подлежащими преслѣдованію въ частномъ порядкѣ, какъ это признаетъ теорія уголовнаго права, могутъ быть лишь такія, вредъ отъ которыхъ столь маловаженъ, что государство не считаетъ себя заинтересованнымъ въ преслѣдованіи за такія дѣянія и предоставляетъ это волѣ частныхъ лицъ. Очевидно, что одновременное признаніе дѣянія маловажнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подлежащимъ, по своему исключительному значенію, подвѣдомственности тому высшему суду, который учрежденъ для разсмотрѣнія дѣлъ особой важности, заключало бы въ себѣ совершенно непримиримое внутреннее противорѣчіе. Посему нельзя, какъ это и указано выше, безъ явной непослѣдовательности, разрѣшать четвертый вопросъ иначе, какъ въ согласіи съ разрѣшеніемъ вопроса второго, или надлежало признать, что преступныя дѣянія частнаго характера сохраняютъ свойства дѣяній маловажныхъ, хотя бы были учинены членами Государственной Думы при исполненіи ими своихъ обязанностей, и въ такомъ случаѣ дѣла о такихъ

дѣяніяхъ подлежали бы какъ въ отношеніи ихъ возбужденія, такъ и по ихъ подвѣдомственности, общему порядку, или же такія дѣянія подвѣдомственны, вслѣдствіе своей важности, исключительному порядку, но въ такомъ случаѣ они маловажными, преслѣдуемыми въ частномъ порядкѣ, признаваемы быть не могутъ. И подобно тому, какъ оскорбленія, т. е. дѣянія по преимуществу частнаго характера, согласно ст. 347 ул. о нак., теряютъ этотъ характеръ, коль скоро они учинены должностнымъ лицомъ при исполненіи своихъ обязанностей, и всякія иныя дѣянія частнаго характера, коль скоро они учинены членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей своего званія, вслѣдствіе такого привходящаго свойства, теряютъ свой частный характеръ. Иное толкованіе привело бы къ явно аномальному выводу о возможности, по желанію, частнаго лица, прекратить дѣло, по которому Верховною властью уже выражено соизволеніе о преданіи суду (ст. 93 учр. Гос. Сов.). Восхожденіе дѣла на усмотрѣніе Верховной власти свидѣтельствуетъ о важномъ его значеніи и о заключающемся въ немъ государственномъ интересѣ, исключающемъ зависимость дѣла отъ частнаго усмотрѣнія.

Противъ такого вывода можетъ возникнуть то возраженіе, что указываемымъ толкованіемъ нарушаются основныя положенія дѣйствующаго матеріальнаго права, коимъ опредѣленныя дѣянія признаются подлежащими преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія. Однако такое возраженіе было бы неосновательно въ виду слѣдующихъ возраженій. Надлежитъ, прежде всего, замѣтить, что отнесеніе нормъ, устанавливающихъ порядокъ преслѣдованія за дѣянія, признаваемыя преступными, къ положеніямъ права не процессуальнаго, а матеріальнаго, представляется весьма спорнымъ, ибо не только теорія права, но и практика Правительствующаго Сената (касс. рѣш. 1888 г. № 33), указываетъ на то, что означенныя нормы правильнѣе отнести къ процессуальнымъ, и это начало проведено въ уголовномъ уложеніи 1903 г., частью уже и нынѣ дѣйствующемъ, а потому дѣйствующемъ и въ общей его части. По сему измѣненіе правилъ, въ сущности процессуальныхъ, въ согласіи съ новыми процессуальными же правилами, опредѣляющими подвѣдомственность преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ членами Государственной Думы при исполненіи ими обязанностей ихъ званія, нельзя считать нарушеніемъ началъ дѣйствующаго

матеріальнаго права. Но и помимо сего слѣдуетъ имѣть въ виду, что законы 20 февраля и 24 апрѣля 1906 г., установивъ порядокъ отвѣтственности членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, вмѣстѣ съ тѣмъ, осуществили въ значительной степени (какъ это и указано въ соображеніяхъ по второму вопросу) возникшее при составленіи проекта новаго уложенія предположеніе о выдѣленіи преступныхъ дѣяній общаго характера, но совершаемыхъ служащими при исполненіи ими своихъ обязанностей, въ особую группу, а потому къ такимъ дѣяніямъ, какъ къ дѣяніямъ уже особаго рода, не могутъ быть примѣнимы тѣ правила, которыя относятся только къ дѣяніямъ исключительно частнаго характера.

Но и за всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что возбужденіе дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, которыя подлежатъ, относительно частныхъ лицъ, частному порядку преслѣдованія, не можетъ быть допущено, помимо жалобъ потерпѣвшихъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя дѣянія учинены членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей ихъ званія, ибо, съ одной стороны, нѣтъ основанія дѣлать какія либо отступленія отъ установленнаго закономъ порядка, когда таковой можетъ быть соблюденъ безъ нарушенія особыхъ условій производства дѣлъ въ верховномъ уголовномъ судѣ, между тѣмъ ст. 87 учр. Гос. Сов. прямо указываетъ и на жалобы, какъ на поводы возбужденія дѣла въ семъ судѣ; съ другой же стороны, самое свойство нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній означеннаго рода исключаетъ возможность возникновенія дѣла помимо жалобы потерпѣвшаго. Такъ, представлялось бы явно ненормальнымъ возбужденіе, помимо жалобы потерпѣвшаго, обвиненія въ клеветѣ, допущенной членомъ Гос. Думы при исполненіи обязанностей своего званія, между тѣмъ какъ лицо, въ отношеніи котораго оглашено позорящее обстоятельство и которое одно съ несомнѣнностью должно знать, ложно ли это обстоятельство, вслѣдъ за возбужденіемъ дѣла можетъ признать правдивость оглашеннаго о немъ. Посему возбужденіе дѣла о клеветѣ, по самому свойству этого дѣянія, немыслимо, пока потерпѣвшій подачею жалобы не укажетъ на лживость оглашеннаго позорящаго обстоятельства.

Быть можетъ, представлялось бы цѣлесообразнымъ, при производствѣ въ верховномъ уголовномъ судѣ дѣлъ о такихъ

дѣяніяхъ членовъ Государственной Думы, учиненныхъ при исполненіи ими обязанностей своего званія, которыя относительно частныхъ лицъ подлежатъ частному порядку производства, предоставлять потерпѣвшимъ право отстаивать свои интересы на ряду съ представителемъ государственнаго обвиненія, примѣнительно къ подобному порядку, установленному уставомъ военно-судебнымъ (ст.ст. 716 и 883), но разрѣшеніе этого вопроса можетъ зависѣть уже отъ усмотрѣнія верховнаго уголовнаго суда.

По изложеннымъ основаніямъ, Правительствующій Сенатъ по четвертому вопросу признаетъ: а) что постановленія ст.ст. 91, 92 и 95 учр. Гос. Сов. и ст. 1112 уст уг. суд. (по прод. 1906 г.) объ участіи въ производствѣ прокурорскаго надзора должны быть примѣняемы и въ отношеніи тѣхъ дѣлъ изъ числа учиняемыхъ членами Государственной Думы при исполненіи обязанностей своего званія преступныхъ дѣяній, которыя подлежатъ относительно частныхъ лицъ частному порядку преслѣдованія, и б) что послѣдняго рода дѣла, когда они касаются преступныхъ дѣяній, учиненныхъ членами Государственной Думы при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, хотя и могутъ быть возбуждаемы только по жалобамъ потерпѣвшихъ, но не могутъ быть прекращаемы примиреніемъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Правительствующій Сенатъ, по общему собранію 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ, опредѣляетъ: признать, что первый вопросъ разрѣшается утвердительно; по второму вопросу—что члены Государственной Думы подлежатъ преданію суду верховнаго уголовнаго суда за всѣ преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія ими обязанностей ихъ званія; что третій вопросъ не требуетъ разрѣшенія; что по четвертому вопросу требуется участіе въ производствѣ дѣла прокурорскаго надзора, и что примиреніе не допускается.

Приложеніе II.

ЗАКОНОПРОЕКТЪ

объ огражденіи свободы сужденій и мнѣній членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы и о порядкѣ отвѣтственности ихъ за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія.

Составленъ Редакціоннымъ Комитетомъ Уголовнаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества [1]).

I. Въ *Учрежденіе Гос. Думы* внести слѣдующія измѣненія:

Ст. 14 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Члены Гос. Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній при исполненіи обязанностей своего званія и не обязаны отчетомъ предъ своими избирателями».

Дополнить учрежденіе Гос. Думы ст. 14^1 слѣдующаго содержанія:

«Члены Гос. Думы не подлежатъ отвѣтственности ни въ судебномъ, ни въ административномъ порядкѣ за мнѣнія и сужденія, выраженныя при исполненіи обязанностей своего званія».

Ст. 16 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Для лишенія свободы члена Гос. Думы во время ея сессіи должно быть испрошено предварительное раз-

---

[1]) Первоначальный проектъ и объяснительная записка къ настоящему проекту составлены П. И. Люблинскимъ. При выработкѣ окончательнаго текста были приняты во вниманіе, кромѣ указаній членовъ редакціоннаго комитета уголовнаго отдѣленія В. Д. Набокова, А. А. Жижиленко, и О. О. Грузенберга, также замѣчанія М. Я. Острогорскаго, Л. А. Шалланда и Е. М. Кулишера.

рѣшеніе Думы, кромѣ случая задержанія при совершеніи преступнаго дѣянія или на другой день».

Ст. 19 дополнить примѣчаніемъ I слѣдующаго содержанія:

«Членъ Гос. Думы выбываетъ также въ случаѣ присужденія къ наказанію лишеніемъ свободы за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей его званія».

Дѣйствіе ст. 21 распространить и на примѣчаніе I къ ст. 19.

Ст. 22 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Члены Гос. Думы за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія, привлекаются къ отвѣтственности не иначе, какъ по постановленію Гос. Думы, и предаются суду въ порядкѣ, установленномъ въ ст. 86—95 Учр. Гос. Совѣта».

Дополнить Учрежденіе Гос. Думы ст. 45^1 слѣдующаго содержанія:

«Оглашеніе въ печати добросовѣстно составленныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ Гос. Думы, если эти засѣданія не были объявлены закрытыми, а также всякихъ документовъ, касающихся дѣятельности Гос. Думы и ея комиссій, поскольку эти документы были допущены къ печати предсѣдателемъ или секретаремъ Думы, не можетъ послужить основаніемъ къ отвѣтственности составителей и распространителей ихъ въ судебномъ или административномъ порядкѣ».

II. Въ *Учрежденіе Гос. Совѣта* (прод. 1906 г.) внести слѣдующія измѣненія:

II. 4 ст. 68 изложить слѣдующимъ образомъ:

«... 4) дѣла объ отвѣтственности членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія, а также объ отвѣтственности за нарушеніе долга службы Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министровъ, Главноуправляющихъ отдѣльными частями, Намѣстниковъ и Генералъ-губернаторовъ и о преданіи суду за преступленія должности прочихъ высшихъ чиновъ, занимающихъ должности первыхъ трехъ классовъ».

Ст. 87 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Донесенія и жалобы, содержащія обвиненія въ преступныхъ дѣяніяхъ, указанныхъ въ п. 4 ст. 68, представляются на Высочайшее усмотрѣніе, а если они приносятся противъ членовъ Гос. Совѣта или Гос. Думы, то направляются на разсмотрѣніе Гос. Совѣта или Гос Думы по принадлежности».

Ст. 88 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Удостоенныя Высочайшаго уваженія или, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, утвержденныя Гос. Совѣтомъ или Гос. Думою донесенія и жалобы обращаются въ Первый Департаментъ Гос. Совѣта».

Ст. 26 изложить слѣдующимъ образомъ:

«Члены Гос. Совѣта въ отношеніи свободы сужденій и мнѣній при исполненіи обязанностей ихъ званія а также въ отношеніи безотвѣтственности за выраженныя сужденія и мнѣнія подчиняются соотвѣтственнымъ правиламъ. постановленнымъ для Членовъ Гос. Думы. Члены Гос. Совѣта по выборамъ не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями».

III. *Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года* измѣнить слѣдующимъ образомъ:

Главу восьмую раздѣла IV дополнить ст. 328^{10} слѣдующаго содержанія:

«Виновный въ наложеніи какого либо взысканія въ судебномъ или административномъ порядкѣ на члена Гос. Совѣта или Гос. Думы или въ лишеніи его свободы, хотя бы и по истеченіи срока полномочій его, за мнѣнія и сужденія, выраженныя имъ при исполненіи обязанностей его званія, наказывается: лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачею въ исправительныя арестанскія отдѣленія на время отъ $1^1/_2$ года до двухъ лѣтъ».

Раздѣлъ V сего уложенія дополнить ст 328^{11} слѣдующаго содержанія:

«Дѣйствіе статей 351—360, 361, 362, 364, 372—378, 380—382, 387 сего уложенія распространяется и на Членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы въ случаѣ учи-

ненія ими преступныхъ дѣяній, сопряженныхъ съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія».

Дополнить уложеніе о нак. ст. 87^{2} слѣдующаго содержанія:

«Взысканія, опредѣленныя въ пунктахъ 1—3, 5 и 6 статьи 65, замѣняются для членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы, виновныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, сопряженныхъ съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 87^{1} сего уложенія».

IV. *Въ уставъ уголовнаго судопроизводства* внести слѣдующія измѣненія:

Дѣйствіе примѣчанія къ ст. 204 (прод. 1906 г.), а также ст. 1101^{1} (прод 1906 г.) распространить и на дѣяніе, предусмотрѣнное ст. 328^{10} улож. о нак.

Статью 1076 уст. уг. суд. изложить слѣдующимъ образомъ:

«Верховному уголовному суду предаются: члены Гос. Совѣта и Гос. Думы за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія, а также предсѣдатель совѣта министровъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, намѣстники и генералъ-губернаторы за преступленія должности».

Краткая объяснительная записка къ законопроекту.

Полная свобода высказываемыхъ въ законодательныхъ собраніяхъ мнѣній является неотъемлемымъ свойствомъ высшихъ представительныхъ учрежденій государства. Она необходима для того, чтобы подлинная воля и мнѣніе избирателей и народа находили свое правильное выраженіе. Посему начало свободы мнѣній и сужденій членовъ законодательныхъ палатъ и, какъ естественное слѣдствіе отсюда, безотвѣтственность ихъ въ судебномъ и административномъ порядкѣ за рѣчи признается повсюду текстомъ или практикой конституцій. Наши новые законы выразили это начало въ ст. 14 учрежденія Гос. Думы и въ ст. 26 учр. Гос. Совѣта, которыя до самаго послѣдняго времени и въ практикѣ нашихъ законодательныхъ учрежденій, и въ юридическихъ кругахъ, понимались какъ постановленія, создающія и въ нашемъ правѣ начало такъ наз. парламентскаго иммунитета или безотвѣтственности народныхъ представителей за мнѣнія и сужденія, высказанныя ими при исполненіи обязанностей въ палатахъ.

Однако 15 октября 1912 г. Правительствующій Сенатъ по общему собранію перваго и кассаціонныхъ департаментовъ разъяснилъ, что члены Гос Думы подлежатъ уголовной отвѣтственности по общимъ правиламъ за сужденія и мнѣнія, выраженныя ими въ засѣданіяхъ Гос. Думы или ея отдѣловъ, либо комиссій, хотя бы, въ частности, таковыя были заявлены въ запросахъ, обращаемыхъ къ правительству, если въ означенныхъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ заключаются признаки преступныхъ дѣяній. Означенное рѣшеніе Прав. Сената, имѣющее обязательное значеніе для подчиненныхъ Сенату судебныхъ органовъ, лишаетъ наши учрежденія одного изъ правъ, необходимыхъ для безпрепятственной ихъ дѣятельности въ области законодательства и наблюденія надъ законностью управленія. Оно способно породить на практикѣ рядъ тяжелыхъ конфлик-

товъ между органами законодательства и судебными учрежденіями. И, наконецъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, оно вноситъ крайнюю неопредѣленность въ рядъ постановленій другихъ отдѣловъ нашего законодательства. Въ виду сего представляется необходимымъ издать по сему, столь важному вопросу новое законодательное опредѣленіе, которое не оставляло бы уже мѣста для сомнѣній въ безотвѣтственности народныхъ представителей за выраженныя ими при исполненіи обязанностей ихъ званія сужденія и мнѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать и на то, что означенное выше рѣшеніе Прав. Сената во многомъ касается опредѣленнаго учрежденіемъ Гос. Думы и учрежденіемъ Гос. Совѣта порядка отвѣтственности членовъ этихъ учрежденій за преступныя дѣянія, учиненныя «при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей ихъ званія» и вноситъ по этому вопросу рядъ опредѣленій, которыя могли бы быть приняты не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Крайняя неясность и недостаточность нашего дѣйствующаго права по этому вопросу, засвидѣтельствованная многими авторитетными учрежденіями и лицами, еще болѣе усугубленная состоявшимся 15 октября 1912 г. рѣшеніемъ Сената, заставляетъ въ настоящій законопроектъ ввести нѣкоторыя постановленія, направленныя къ болѣе точному выраженію принятаго въ сихъ случаяхъ порядка преслѣдованія. При этомъ составители проекта полагали, въ цѣляхъ устраненія какихъ либо сомнѣній, касающихся характера преступныхъ дѣяній, по коимъ допустимъ такой порядокъ преслѣдованія, выраженіе закона «преступныя дѣянія, учиненныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей званія» замѣнить болѣе точнымъ выраженіемъ «преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей званія», каковое выраженіе, по разъясненію Сената, нынѣ обычно примѣняется для обозначенія преступленій должности, учиняемыхъ лицами, не состоящими на службѣ.

При разсмотрѣніи вопроса о порядкѣ отвѣтственности членовъ Гос. Думы за преступленія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія, составители настоящаго законопроекта считали необходимымъ внести нѣкоторыя дополненія и поправки въ существующее право. Такъ, ими перечисляются тѣ преступныя дѣянія по должности, за которыя только и могутъ быть подвергаемы преслѣдованію члены Гос. Думы и Гос.

Совѣта, указываются правила для замѣны чисто служебныхъ взысканій, установленныхъ за эти преступныя дѣянія въ законѣ и непримѣнимыхъ къ членамъ Гос. Думы или Совѣта, не состоящимъ на государственной службѣ, взысканіями общаго характера. Наконецъ, опредѣляется, согласно общему принятому у насъ порядку для служебныхъ преступленій, что возбужденіе преслѣдованія по дѣламъ этого рода должно происходить не иначе, какъ по постановленію общаго собранія Гос. Совѣта или Гос. Думы по принадлежности.

Переходя къ объясненіямъ, касающимся отдѣльныхъ измѣненій, вносимыхъ въ различныя части нашего законодательства, составители законопроекта считаютъ необходимымъ сопроводить ихъ слѣдующими поясненіями.

По *Учрежденію Гос. Думы:*

Текстъ ст. 14, выражающей начало болѣе общаго характера, чѣмъ одна только безотвѣтственность, оставленъ въ общемъ безъ измѣненій, хотя заключающееся въ этой статьѣ начало неотчетности народныхъ представителей предъ своими избирателями, по общему мнѣнію, стоитъ въ противорѣчіи съ представительнымъ строемъ. Однако измѣненіе его не входитъ въ прямую задачу настоящаго проекта. Единственное измѣненін этой статьи касается замѣны словъ «по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы» словами «при исполненіи обязанностей своего званія». Послѣднее выраженіе принято нашимъ законодательствомъ (ст. 286^3, 328^8 улож. о нак., ст. 22 учр. Гос. Думы) и содержится въ рядѣ иностранныхъ конституціонныхъ постановленій [1]). Оно умѣстнѣе и въ ст. 14, чѣмъ существующая нынѣ редакція, могущая подать поводъ къ различнымъ искуственнымъ толкованіямъ.

На обязанности предсѣдателя Гос. Думы лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы обсужденіе происходило въ предѣлахъ поставленныхъ вопросовъ. А разъ вопросъ поставленъ на обсужденіе законодательнаго собранія, то депутатъ, высказывающійся по нему, не можемъ быть сдѣланъ отвѣтственнымъ за свои мнѣнія, хотя бы и рѣшеніе Думы по этому, не подлежащему ея вѣдѣнію, вопросу и не имѣло бы юридическаго значенія.

---

[1]) См. тексты ихъ у *Л. А. Шалланда.* Иммунитетъ народныхъ представителей, т. II, Юрьевъ, 1913.

Въ виду указанной недостаточности опредѣленія одной ст. 14 для признанія у насъ начала такъ наз. парламентскаго иммунитета, является необходимымъ дополнить эту статью особой статьей 14¹, устраняющей отвѣтственность членовъ Гос. Думы въ судебномъ или административномъ порядкѣ за выраженныя ими сужденія и мнѣнія. Въ толкованіе этой статьи слѣдуетъ замѣтить, что отвѣтственность въ порядкѣ судебномъ охватываетъ отвѣтственность уголовную и гражданскую, а отвѣтственность въ порядкѣ административномъ—наложеніе взысканій безъ суда и дисциплинарныя взысканія. Основанія, вызывающія необходимость такого постановленія, изложены выше. Здѣсь приходится лишь замѣтить, что оно должно найти свое мѣсто въ учрежденіи Гос. Думы, такъ какъ послѣдствія признанія безотвѣтственности могутъ затрагивать различныя части нашего законодательства. Все же было бы полезно, при пересмотрѣ нашихъ уголовныхъ законовъ, внести въ самый текстъ ихъ указаніе на начало, принятое въ ст. 14¹. Изъ общаго начала безотвѣтственности за мнѣнія и сужденія едва ли представлялось бы правильнымъ сдѣлать какія либо изъятія по роду преступныхъ дѣяній. Путь такихъ изъятій, лишенный какихъ либо принципіальныхъ соображеній, могъ бы поколебать общее значеніе этого начала, призваннаго ограждать свободу слова въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Однако, слѣдовало бы создать, въ формѣ особаго закона, какіе либо способы для защиты чести и добраго имени отдѣльныхъ лицъ отъ злоупотребленій, могущихъ имѣть здѣсь мѣсто.

Выраженіе мнѣній и сужденій можетъ быть сдѣлано въ устной или письменной формѣ, въ формѣ допускаемыхъ парламентскою практикою дѣйствій, не переходящихъ, однако, въ дѣйствія насильственныя.

Въ текстѣ ст. 16 учр. Гос. Думы слѣдуетъ, въ соотвѣтствіи съ проектируемымъ требованіемъ разрѣшенія Гос. Думы на возбужденіе преслѣдованія за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей званія, отбросить ссылку на случаи, указанныя въ ст. 22 того же учрежденія. Если самое возбужденіе преслѣдованія по такимъ дѣламъ ставится въ зависимость отъ Гос. Думы, то вполнѣ понятно, что и лишеніе свободы до суда не можетъ быть постановляемо безъ ея вѣдома. Въ случаѣ учиненія членами Думы должностныхъ преступленій,

сама Дума будетъ заинтересована въ томъ, чтобы виновный не уклонился отъ суда.

Опредѣляя отвѣтственность членовъ Думы за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія, слѣдуетъ предоставить общему собранію Гос. Думы опредѣлять, поскольку возможно для лица, осужденнаго за одно изъ такихъ преступныхъ дѣяній, сохранять званіе члена Гос. Думы. Достоинство Думы можетъ требовать, чтобы лицо, осужденное за мздоимство, подлоги по службѣ, растраты ввѣренныхъ суммъ или подобныя преступленія, учиненныя путемъ употребленія во зло высокаго званія члена Думы, было лишено этого званія. Въ виду сего требуется дополнить ст. 19 примѣчаніемъ, содержащимъ указаніе на это. Однако, чтобы отмѣтить, что такое выбытіе изъ состава Думы стоитъ въ зависимости отъ усмотрѣнія Думы, на вновь создаваемое примѣчаніе къ ст. 19 слѣдуетъ распространить дѣйствіе ст. 21, оговаривающей, что для признанія члена Думы выбывшимъ требуется постановленіе Думы.

Редакція ст. 22 учр. Гос. Думы измѣняется въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, для того чтобы окончательно установить, что эта статья имѣетъ въ виду лишь такія преступныя дѣянія, которыя будучи учинены служащими, являлись бы должностными преступленіями, внесено болѣе точное выраженіе «преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей званія» вмѣсто неяснаго выраженія дѣйствующаго права. Съ другой стороны, указано, что привлеченіе за эти преступныя дѣянія къ отвѣтственности стоитъ въ зависимости отъ постановленія Гос. Думы. По нашему праву, возбужденіе преслѣдованія нормально предоставляется начальству должностнаго лица или общему собранію того мѣста, къ составу котораго оно принадлежитъ. Послѣдній порядокъ принятъ для нашихъ органовъ земскаго и городского самоуправленія и, казалось бы, нѣтъ основаній отступать отъ него для Гос. Думы. Общему собранію Думы ближе всего могутъ стать извѣстными допущенныя отдѣльными ея членами служебныя злоупотребленія; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе заинтересовано въ ихъ преслѣдованіи. Поставленіе возбужденія преслѣдованія въ зависимость отъ Высочайшаго усмотрѣнія, какъ то принято нынѣ, ставитъ Верховную власть въ крайнее затрудненіе. При этомъ нельзя признать правильнымъ выработавшійся на прак-

тикѣ порядокъ представленія этихъ вопросовъ на Высочайшее усмотрѣніе черезъ Совѣтъ министровъ Приравненіе членовъ Гос. Думы въ этомъ отношеніи къ высшимъ чинамъ государственнаго управленія не должно имѣть мѣста, ибо если эти послѣдніе назначаются на должности Высочайшею властью, то члены Думы избираются отъ населенія, и являются не носителями опредѣленной степени власти управленія, въ осуществленіи коей они зависятъ отъ Монарха (ст. 10 осн. зак.), а членами дѣйствующихъ въ единеніи съ Монархомъ законодательныхъ учрежденій (ст. 7 осн. зак.).

Соотвѣтственно съ признаніемъ въ ст. 22 учрежденія Гос. Думы указанныхъ выше положеній приходится внести нѣкоторыя измѣненія и въ учрежденіе Гос. Совѣта. Такъ въ п. 4 ст. 68 этого учрежденія надлежитъ слова «совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по симъ званіямъ» замѣнить словами «сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія». Въ ст. 87 надлежитъ указать, что донесенія и жалобы, приносимыя противъ членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы направляются на разсмотрѣніе Гос. Совѣта или Гос. Думы по принадлежности. Въ ст. 88 того же учрежденія слѣдуетъ упомянуть о томъ, что утвержденныя Гос. Совѣтомъ или Гос. Думою донесенія и жалобы поступаютъ въ Первый Департаментъ Гос. Совѣта безъ восхожденія на Высочайшее усмотрѣніе. Наконецъ, въ ст. 26 слѣдуетъ, въ соотвѣтствіи со ст. 14 учр. Гос. Думы, слова «по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Совѣта» замѣнить словами «при исполненіи обязанностей ихъ званія». При измѣненіи ст. 26 составителями проекта было принято также во вниманіе, что распространеніе свободы сужденій и мнѣній только на выборныхъ членовъ Гос. Совѣта стоитъ, съ одной стороны, въ противорѣчіи со ст. 5 учр. Гос. Совѣта, а, съ другой стороны, создаетъ неодинаковое и неудобное положеніе при обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ въ коллегіи, гдѣ всѣ члены пользуются одинаковымъ правомъ голоса. Въ виду сего представлялось бы желательнымъ распространить признаніе полной свободы сужденій и мнѣній, а также неразрывно связанной съ этимъ безотвѣтственности въ судебномъ и административномъ порядкѣ, на всѣхъ членовъ Гос. Совѣта, какъ по избранію, такъ и по назначенію. Въ правильности такого рѣшенія убѣждаетъ также и то, что другая сторона парламентскаго иммунитета—неприкосновенность

членовъ законодательныхъ палатъ—нашла свое выраженіе въ законѣ независимо отъ различій въ порядкѣ привлеченія членовъ Гос. Совѣта къ законодательной дѣятельности (ст. 27 учр. Гос. Совѣта).

Огражденіе свободы сужденій и мнѣній членовъ законодательныхъ собраній должно сопровождаться и болѣе яснымъ выраженіемъ въ нашемъ законодательствѣ безотвѣтственности за опубликованіе парламентскихъ отчетовъ и другихъ документовъ Нынѣ Правит. Сенатъ, основываясь на ст. 45 учр Гос. Думы, призналъ таковую безотвѣтственность для тѣхъ лишь, кои перепечатали одобренные предсѣдателемъ Думы стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ Думы. Требованіе точной перепечатки, являясь крайне стѣснительнымъ для печати, вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли вызывается необходимостью. Практика странъ запада давно распространила иммунитетъ и на отчеты измѣненные, но составленные добросовѣстно. Вмѣстѣ съ тѣмъ безотвѣтственностью должно быть покрыто не только оглашеніе отчетовъ о засѣданіяхъ, но и опубликованіе иного рода документовъ. касающихся дѣятельности Гос. Думы и допущенныхъ къ печати предсѣдателемъ Думы, какъ то: докладовъ, запросовъ, заявленій и пр. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, представляется желательнымъ ввести въ Учр. Гос. Думы статью 45^1, содержащую ясно выраженное начало иммунитета парламентскихъ документовъ на основаніяхъ, изложенныхъ выше.

Признаніе особой важности для правильнаго государственнаго бытія безпрепятственной дѣятельности высшихъ государственныхъ установленій побудило законодателя издать 8 марта 1906 г. особый законъ, карающій отдѣльныя формы такого препятствованія. Двѣ статьи этого закона, при кодификаціи занявшія мѣсто ст. 328^8 и 328^9 улож. о нак., ограждаютъ членовъ Гос. Думы и Гос. Совѣта отъ угрозъ, насилія надъ личностью и злоупотребленій властью, направленныхъ къ недопущенію ихъ къ исполненію обязанностей ихъ званія а также карающъ различные способы воспрепятствованія занятіямъ Гос. Совѣта и Гос. Думы. Нельзя, однако, не видѣть препятствованія правильной дѣятельности законодательныхъ учрежденій также и въ тѣхъ дѣйствіяхъ, кои направлены къ стѣсненію незаконными способами свободы сужденій и мнѣній членовъ этихъ учрежденій. Если законодатель счелъ полезнымъ оградить свободу голосованія каждаго избирателя (ст. 328^8 улож

о нак.), то тѣмъ болѣе основаній представляется для ограждения свободы мнѣній и сужденій уже избранныхъ членовъ законодательныхъ палатъ, въ тѣсной зависимости отъ которой стоитъ и свободная подача голоса. Въ виду сего, одновременно съ признаніемъ въ болѣе ясной формѣ начала свободы и безотвѣтственности народныхъ представителей, надлежало бы дополнить уложеніе о наказаніяхъ 1885 г. новой статьей, относящейся къ тому же раздѣлу, какъ и двѣ предшествующія, которая предусматривала бы случаи незаконнаго стѣсненія свободы сужденій и мнѣній членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы.

Изъ способовъ такого стѣсненія наказуемыми должны быть признаны тѣ, на недопустимость которыхъ ясно указано въ законѣ. Именно, вновь устанавливаемая ст. 14^1 учр. Гос. Думы недопускаетъ привлеченіи членовъ законодательныхъ палатъ къ отвѣтственности въ судебномъ или административномъ порядкѣ. Отсюда преступнымъ должно быть признано наложеніе какихъ либо взысканій въ судебномъ или административномъ порядкѣ за высказанныя сужденія и мнѣнія. На ряду съ этимъ должно быть упомянуто и лишеніе свободы, которое можетъ быть примѣняемо до суда въ качествѣ мѣры задержанія или пресѣченія. Виновными въ этомъ дѣяніи могутъ быть начальства, административныя власти, лица судебнаго вѣдомства, налагающія наказанія или взысканія по суду, въ дисциплинарномъ или въ административномъ порядкѣ. При этомъ представляется необходимымъ оговорить, что таковыя взысканія или лишеніе свободы не могутъ быть налагаемы и по окончаніи срока полномочій членовъ законодательныхъ учрежденій, въ виду того, что даже угроза возможностью такой отвѣтственности въ будущемъ была бы въ равной мѣрѣ способомъ противозаконнаго стѣсненія. Въ виду важности такихъ преступныхъ дѣяній а также въ соотвѣтствіи съ размѣрами наказаній, установленныхъ для другихъ видовъ нарушенія безпрепятственной дѣятельности законодательныхъ учрежденій (ст. 328^8 и 328^9 улож. о нак.), наказаніе за нихъ могло бы быть опредѣлено въ размѣрѣ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій на время отъ $1^1/_2$ года до двухъ лѣтъ. Къ новому виду должны соотвѣтственно найти примѣненіе общія постановленія, касающіяся всей восьмой главы раздѣла IV улож. о нак., т. е. прим. къ ст. 204 уст. уг. суд., опредѣляющее подсудность этихъ дѣяній окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и ст. 1101^1 уст.

уг. суд., указывающая, что дѣла объ этихъ дѣяніяхъ, если они учинены служащими, возбуждаются въ общемъ порядкѣ судопроизводства съ преданіемъ виновныхъ суду безъ участія ихъ начальства.

Признавъ въ ст. 22 учр. Гос. Думы отвѣтственность членовъ Думы (и Гос. Совѣта) за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія, слѣдуетъ указать, какія изъ преступныхъ дѣяній по службѣ государственной и общественной (раздѣлъ V улож. о нак.) могутъ найти себѣ примѣненіе въ отношеніи членовъ законодательныхъ палатъ. Здѣсь приходится, несмотря на устарѣлость постановленій уложенія о наказаніяхъ, оставаться на почвѣ дѣйствующаго законодательства, такъ какъ введеніе постановленій уголовнаго уложенія 1903 г. въ соотвѣтственной части, или созданіе особыхъ карательныхъ нормъ не могло бы не усложнить значительно нашего дѣйствующаго права и не породить ряда затрудненій на практикѣ. Выборъ отдѣльныхъ статей, могущихъ имѣть примѣненіе къ членамъ Гос. Совѣта и Гос. Думы, долженъ быть происведенъ самимъ законодателемъ, а не судебной практикой, (какъ то обстоитъ хотя бы по отношенію къ отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей за преступленія, сопряженныя съ нарушеніемъ ихъ обязанностей) въ виду необходимости точно опредѣлить предѣлы этой отвѣтственности. При выборѣ этихъ статей слѣдуетъ имѣть въ виду, что члены Гос. Думы и Гос. Совѣта могутъ избираться на различныя должности въ соотвѣтственныхъ учрежденіяхъ, по которымъ на нихъ могутъ лежать различныя служебныя обязанности. Въ огражденіе правильнаго исполненія этихъ обязанностей надлежало бы распространить на членовъ Думы и Совѣта ст. 351—360—о противозаконныхъ проступкахъ при храненіи и управленіи ввѣряемаго по службѣ имущества, ст. 361, 362, 364—о подлогахъ по службѣ, ст. 372—378, 380—382—о мздоимствѣ и лихоимствѣ, и ст. 387 объ участіи въ занятіяхъ присутственнаго мѣста послѣ устраненія или отвода.

Наконецъ, въ виду непримѣнимости къ членамъ законодательныхъ собраній многихъ изъ взысканій, опредѣленныхъ въ ст. 65 за преступленія и проступки по службѣ надлежитъ установить для нихъ правила замѣны этихъ взысканій другими по примѣру замѣны, установленной для желѣзнодорожныхъ служа-

щихъ (ст. 87^1 улож. о нак. прод. 1906 г.). Изъ перечисленныхъ въ ст. 65 взысканій, взысканія, указанныя въ п. 4, 7—9, могутъ быть сохранены, какъ примѣнимыя и къ членамъ Гос. Совѣта и Гос. Думы, занимающимъ должности въ сихъ учрежденіяхъ.

Въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, въ соотвѣтствіи съ принятымъ въ проектѣ обозначеніемъ преступныхъ дѣяній, сопряженныхъ съ нарушеніемъ обязанностей званія, слѣдуетъ измѣнить редакцію ст. 1076.

10 марта 1913 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Исторія дѣла Кузнецова и Гололобова . . . 4
II. Мнѣнія русскихъ авторовъ и государственныхъ учрежденій о предѣлахъ отвѣтственности членовъ Гос. Думы 11
III. Обоснованіе безотвѣтственности народныхъ представителей и границы ея по нашему праву . 20
IV. Порядокъ отвѣтственности за преступленія, учиненныя при исполненіи обязанностей званія членовъ законодательныхъ собраній 46
V. Критика заключеній оберъ-прокурора и рѣшенія Сената отъ 15 октября 1912 г. 68
Приложеніе I. Рѣшеніе Сената объ отвѣтственности членовъ Гос. Думы 82
Приложеніе II. Законопроектъ объ огражденіи свободы сужденій и мнѣній членовъ Гос. Совѣта и Гос. Думы и о порядкѣ отвѣтственности ихъ за преступныя дѣянія, сопряженныя съ нарушеніемъ обязанностей ихъ званія 102
Краткая объяснительная записка къ законопроекту 106